

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2022

Том 22

Выпуск 2

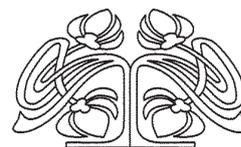

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия
Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Дрокова Е. М.** Экзистенциальные модусы и их роль в современном восприятии смерти 120
- Жуковская Н. Ю., Меркулов Е. Д.** Особенности социальной детерминации массовых заболеваний в обществе риска 125
- Коноплева А. А.** Пути обеспечения ментальной безопасности обучающихся вузов системы МВД России в условиях ведения гибридных войн 129
- Кострицкая Т. А.** Отрицание материнства как идеологическая основа андроцентристской традиции 134
- Ломако О. М.** Эвентуальность философии человека в обществе риска 139
- Михель Д. В. Э. В.** Ильенков и борьба за подлинный марксизм: философское свободомыслие в позднем СССР 144
- Мочинская К. А.** Синтез любви и страдания в философии С. Л. Франка 150
- Поздняков С. Н.** Платоновская «сотериология» в контексте классической йоги 155
- Сомова О. А.** Реконструкция проблематики темпоральности повседневного мышления в феноменологической социологии А. Шютца 160
- Сюсюкин В. А.** Стратегии модернизации образования в постсекулярном мире 165
- Тихонова С. В.** Как кино меняет социальную реальность: the social impact entertainment 170

Психология

- Андрющенко О. В., Моисеенко Н. В., Суркова И. Ю.** Организационные эффекты лояльности персонала в учреждениях социальной сферы 176
- Ефременкова М. Н.** Проактивные копинг-стратегии как фактор удовлетворенности выбором в ситуации принятия решения о миграции 183
- Шамянов Р. М.** Эмпирическая модель социальной активности молодежи 188
- Ясин М. И.** Представления молодежи об искусственном интеллекте и отношении к нему 197

Педагогика

- Игошин В. И.** Учить логике будущих учителей математики (часть III) 202
- Круглова Е. Е.** Анализ проблем социально-педагогического сопровождения семей ребенка с ограниченными возможностями здоровья 208
- Осокин И. В.** Непрерывное образование как важная составляющая современной системы образования 213
- Чабан М. А.** Теоретическое обоснование термина «визуальная грамотность» в условиях цифровизации общества 218
- Шарко М. И.** Диагностика личностных результатов освоения дисциплины «Профессиональная этика»: к постановке проблемы 223
- Шустова И. Ю., Жимаева Е. М.** Детско-взрослая общность как ресурс воспитания детей с особыми проблемами 229

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 13.00.05; 19.00.04; 19.00.05; 5.3.1; 5.3.4; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-ru.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (php.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.06.2022

Подписано в свет 30.06.2022

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,71 (14,75).

Тираж 100 экз. Заказ 59-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблицы, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Drokov E. M.** Existential modes and their role in the modern perception of death 120
- Zhukovskaya N. Yu., Merkulov E. D.** Features of the social determination of mass diseases in the risk society 125
- Konopleva A. A.** Ways to ensure the mental security of students of universities of the Ministry of Internal Affairs system of Russia in the conditions of conducting hybrid wars 129
- Kostritskaya T. A.** Denial of motherhood as the ideological basis of the androcentric tradition 134
- Lomako O. M.** The eventuality of human philosophy in the risk society 139
- Mikhel D. V. E. V.** Il'yenkov and the struggle for genuine Marxism: Philosophical freethinking in the later USSR 144
- Mochinskaya K. A.** Synthesis of love and suffering in the philosophy by S. L. Frank 150
- Pozdnyakov S. N.** Plato's «soteriology» in the context of classical yoga 155
- Somova O. A.** Reconstruction of the temporal foundations of everyday thinking in phenomenological sociology of A. Schütz 160
- Syusyukin V. A.** Modernizing education in the post-secular world 165
- Tikhonova S. V.** How cinema changes social reality: The social impact entertainment 170

Psychology

- Andryuschenko O. V., Moiseenko N. V., Surkova I. Yu.** Organizational effects of staff loyalty in social institutions 176
- Efremenkova M. N.** Proactive coping strategies as a factor of choice satisfaction in a migration decision-making situation 183
- Shamionov R. M.** Empirical model of youth social activity 188
- Yasin M. I.** Youth perceptions and attitudes about artificial intelligence 197

Pedagogy

- Igoshin V. I.** To teach logic to prospective mathematics teachers (Part III) 202
- Kruglova E. E.** Analysis of the problems of socio-pedagogical support to families raising a child with disabilities 208
- Osokin I. V.** Continuing education as an important component of the modern education system 213
- Chaban M. A.** Theoretical substantiation of the term "visual literacy" in the context of the digitalization of society 218
- Sharko M. I.** Diagnosis of personal results of training in "Professional Ethics": Problem statement 223
- Shustova I. Yu., Zhimaeva E. M.** Child-adult community as a resource for raising children with special problems 229

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Крейг Камл, Ed. D (доктор), профессор (Гринвиль, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

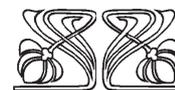
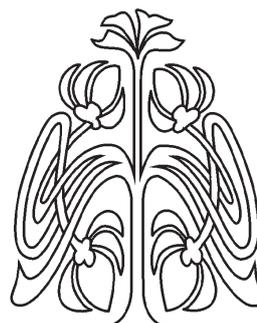
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

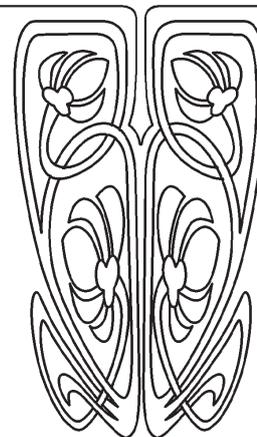
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Craig Kaml (Greenville, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryzanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 120–124
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 120–124
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-120-124>

Научная статья
УДК 125+237.2

Экзистенциальные модусы и их роль в современном восприятии смерти

Е. М. Дрокова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия, 196605,
г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10

Дрокова Елена Михайловна, аспирант кафедры философии, gret_4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-8967>

Аннотация. В статье делается упор на важность личного восприятия и актуальность экзистенциальных течений в современности. Восприятие смерти неразрывно связано с субъективным переживанием, ощущением неотвратимости данного феномена. Экзистенциальные модусы, такие как страх, отчаяние, боязнь, тревога, активно исследованные в соответствующем философском течении, выступают основными аспектами, определяющими то или иное видение смерти в контексте личного переживания феномена конечности человеческого существования. Современная реальность вносит свои коррективы в каждое явление человеческого бытия, однако отношение к смерти обусловлено влиянием экзистенциальных модусов, сформированным зарождающейся философией экзистенциализма, но воспринятым через призму данности XXI в. Цель настоящей работы состоит в выявлении некоторых механизмов влияния экзистенциальных переживаний на возможное восприятие феномена смерти в определенных условиях современной реальности. Для достижения данной цели были использованы материалы экзистенциальной философии, прежде всего труды датского философа Сёрена Кьеркегора. Важное для данного мыслителя понятие отчаяния имеет явную корреляцию с психологическим здоровьем современной личности. Кроме того, ощущение своего отчаяния выражает отношение к собственной смерти. Новизна данной работы состоит в установлении корреляции категории отчаяния в философии Сёрена Кьеркегора и самоосознания, в том числе субъективного восприятия конечности человеческого существования.

Ключевые слова: Кьеркегор, смерть, страх, экзистенция, боязнь, интенция, отчаяние, религиозный экзистенциализм, Бердяев

Для цитирования: Дрокова Е. М. Экзистенциальные модусы и их роль в современном восприятии смерти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 120–124. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-120-124>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

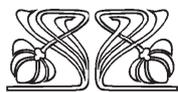
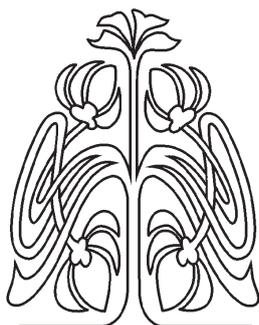
Existential modes and their role in the modern perception of death

E. M. Drokova

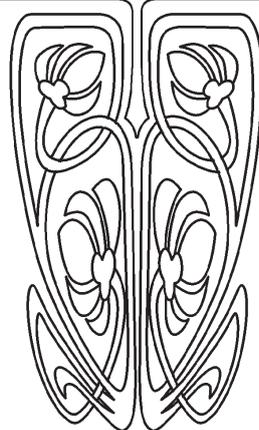
Pushkin Leningrad State University, 10 Petersburg highway, St. Petersburg 196605, Russia

Elena M. Drokova, gret_4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-8967>

© Дрокова Е. М., 2022

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. The perception of death is inextricably linked with subjective experience, the feeling of the inevitability of this phenomenon. **Theoretical analysis.** Existential modes, such as fright, despair, fear, anxiety, actively studied in the corresponding philosophical trend, are the main aspects that determine this or that view on death in the context of personal experience of the phenomenon of the finiteness of human existence. Modern reality makes its own adjustments to every phenomenon of human existence, however, the attitude towards death results from the influence of existential modes, formed by the emerging philosophy of existentialism, but perceived through the prism of the given of the 21st century. The purpose of this scientific work is to identify the structures and mechanisms of the influence of existential experiences on the perception of the phenomenon of death in the context of complex data of modern reality. To achieve this goal, materials of existential philosophy were used, primarily the works of the Danish philosopher Søren Kierkegaard. The concept of despair, which is important for this thinker, has a clear correlation with the psychological health of a modern person, in addition, the feeling of despair expresses an attitude towards one's own death. **Conclusion.** The novelty of this work consists in identifying the dependence of aspects of existential philosophy in the formation of the perception of death in the modern world.

Keywords: Kierkegaard, death, fear, existence, intention, despair, religious existentialism, Berdyaev

For citation: Drokova E. M. Existential modes and their role in the modern perception of death. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 120–124 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-120-124>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Интерес к смерти наиболее остро проявляется в философии экзистенциализма, так как конечность человеческого существования неизбежно вносит свои коррективы в сущностное восприятие бытия и становится неотъемлемым свойством экзистенции.

Личностное – всегда определяющее, но на данном этапе развития философской мысли наибольшую актуальность приобретают философские течения противоположной направленности. Однако субъективное восприятие сохраняет значимость в социологии, психологии и других смежных науках. Личностное всегда связано с любой деятельностью человека, так как на результат этой деятельности неизбежно оказывают воздействие внутренние императивы субъекта. Как бы не старались мы отойти от субъектных отношений в сторону объект-ориентированных течений, личностное будет играть определенную роль хотя бы по причине того, что источником всех этих новых теорий является человек.

Ввиду этого такое направление философской мысли, как экзистенциализм, еще долго не потеряет своей актуальности. Вместе с тем, наряду с другими важными аспектами бытия, видение смерти определяет явления экзистенциального характера, которые и предстоит рассмотреть в данной работе, а именно: выявить наиболее важные моменты экзистенциальной философии на заре ее зарождения и проанализировать современное восприятие смерти личности–социума–общества в контексте означенных моментов.

Теоретический анализ

Аспекты экзистенциальной философии, на первый взгляд, предстают в качестве «негативных» интенций, таких как страх, отчаяние, одиночество, смерть. Однако философский дискурс позволяет расширить границы осмысления той или иной проблемы. Датский философ Сёрен

Кьеркегор переосмыслил концепт отчаяния в своей работе «Болезнь к смерти». Отчаяние тесно связано с религиозными переживаниями. Основа понимания отношений человека и Бога лежит в обосновании самого человека как существа, совмещающего в себе начала даже дихотомичные, которые сложно переплетены в человеческой сущности: «Человек – это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости» [1, с. 29]. Но синтез Кьеркегор интерпретирует не как соотношение двух частей. Он выводит само это отношение как нечто новое третье, родившееся из этого синтеза. Взаимосвязь всех трех отношений есть Я, «полагаемое», т. е. мыслимое через себя самого или через Другого. Эта некоторая разделенность порождает два вида отчаяния. Отчаяние появляется от нежелания быть самим собой и дихотомичное отчаяние – от стремления быть именно самим собой. Стоит предположить, что здесь обнаруживается возможный корень множественных неврозов современного человека: нежелание быть собой либо отчаянное желание быть именно самим собой. Интересно, что вполне вероятно и сочетание двух этих стремлений в одном человеке – попеременное либо меняющееся с возрастом. Нежелание быть самим собой может быть связано, как правило, с несоответствием субъективного видения собственной социальной роли, недостижением определенных жизненных целей. Подобное состояние порождает отчаяние в собственном Я и формирует стойкое нежелание быть ему тождественным. В то же время обратная ситуация, при которой отчаяние возникает на фоне стремления быть самим собой, также вероятна и распространена в современном мире. Она может возникнуть при внешнем (или видимом) несоответствии действий человека и его внутренним осознанием себя. Сущностное осознание своего Я приходит в несоответствие с тем, кем мыслит себя сам человек [2, с. 58]. Характерно, что эта двойственность может порождаться

изменением духовной сущности человека, а также под воздействием физиологических перемен, при которых человек в ходе болезни или естественного старения организма перестает идентифицировать себя со своим телом, более не выполняющим функции, необходимые для нормального существования. Данный фактор может послужить источником серьезного личностного кризиса, в ходе которого происходят отрицание и неприятие себя (своего тела) и, как следствие, неприятие своей сущности, нежелание быть самим собой.

Кьеркегор далее пишет, что «бесконечным преимуществом является то, что мы можем отчаиваться, и, однако, отчаяние – это не просто худшее из страданий, но наша гибель» [1, с. 31]. Как разрешить данный парадокс? Сам философ объясняет этот тезис своеобразной диалектикой отчаяния: оно преимущество и порок в одно и то же время. Для каждого отчаяние становится избавлением либо гибелью: это зависит лишь от субъективной интенции, внутреннего выбора. Ситуация отчаяния – конечная ступень, отсутствие всякой надежды, когда субъективное осознание ситуации не видит возможности положительного исхода событий. Перед лицом, казалось бы, неминуемой гибели (идеалов, любви, карьеры, физического здоровья) человек ввергается в всеобъемлющее чувство отчаяния, предается ему целиком. Никакая логика не сможет убедить в возможном положительном варианте развития событий. Обыденное сознание часто не в силах преодолеть притяжение этого всепоглощающего чувства. Оно всецело подвержено первичному обаянию отчаяния, когда приходит понимание того, что можно перестать бороться и смириться с собственной незавидной участью. Отчаяние – это грех, но больший грех – отчаяние от осознания собственной греховности, т. е. грех отчаяния в собственном грехе, отказ от покаяния [1, с. 104]. Отчаяние может спасти, но оно же и ввергает в погибель, так как человек обладает свободной волей, он сам, сделав выбор, решает свою судьбу – подчиниться чувству отчаяния или преодолеть его.

Однако, отвергнув конкретные ситуации отчаяния, которые во многом обусловлены сущностными потенциалами, оставив лишь идею отчаяния, необходимо признать его безусловным преимуществом [1, с. 31]. Отчаяние может привести к гибели, но только пережив отчаяние, приняв и преодолев его, возможно духовное развитие на наивысшем уровне: «Отчаяние. Оно дает надежду на искупление. Осознание греха само по себе не несет потенциала для освобождения от него, но пройдя через отчаяние, есть надежда на преодоление греха и надежда на встречу с Богом» [1, с. 15].

Отчаяние в рамках сегодняшнего дискурса, освещающего проблематику феномена смерти, играет роль не всегда очевидную. Выявленное выше отчаяние, формирующееся на фоне принятия либо неприятия своей сущности, в крайней степени может привести к тому, что смерть окажется в ракурсе желаемого. Искаженная самоидентификация проявляется в отчуждении собственного Я от личности человека. Смысл отчаяния в одном из самых его негативных проявлений в том, что для человека, отчаявшегося в дальнейшем существовании, нет преимуществ лично для него. Отчаяние как «болезнь к смерти» поражает витальные потенциалы и имеет интенцию в сторону небытия [3, с. 145].

Немецко-американский философ и теолог XX в. Пауль Тиллих писал о высокой роли теории Кьеркегора: «Кьеркегор разработал такое учение о человеке, в котором отчуждение человека от его сущностной природы описано в терминах тревоги и отчаяния» [цит. по: 3, с. 91]. Согласно концепции Тиллиха бытие человека – путь, требующий мужества, мужества быть частью и мужества быть собой [3, с. 143]. Этому мужеству противостоит отчаяние. Но ткань бытия состоит именно из этого противостояния, через становление и самоутверждение «бытия вопреки небытию» [цит. по: 3, с. 145]. Таким образом, снова приходим к выводу: диалектика отчаяния – это не лекарство, а болезнь, но вместе с тем выздоровление от болезни – смерть для мира [1, с. 13], так как путь «неверного» ухода от отчаяния не ведет к благодати, а растворяется в обыденности.

Кьеркегор определяет смерть в ракурсе христианского видения, он разграничивает это понятие: «На языке людей смерть – это конец всего, и, как они говорят, пока есть жизнь, есть надежда» [1, с. 27]. Принимая во внимание введенную философом концепцию трех стадий развития человека, подобный взгляд вполне логичен, как и заметное отстранение от «людей» и «их языка». В противовес обыденному сознанию и его однозначному восприятию смерти Кьеркегор представляет и интерпретирует смерть совсем не как «конец всего», а как ни с чем не сравнимый «источник надежды» [1, с. 31]. Надежды, конечно, на существование посмертное, гораздо более совершенное, нежели земное временное существование. Такое понимание смерти нивелирует страх перед ней: снимается вопрос неизвестности, обреченности на неизбежную погибель. То, что представляло собой «самое страшное зло и самый отчаянный страх» [4, с. 12], по мнению Кьеркегора, не имеет власти над христианином. Однако стоит обратить внимание на то, что, с точки зрения христианского понимания, кон-

цепция «смерть – конец всего» также является справедливой. Пока есть жизнь, есть шанс победить отчаяние, обратиться к Богу, жизнь – путь к смерти, но и путь к Богу, путь, определяющий важнейшее – место человека в вечности.

Во многом продолжает и поддерживает вывод датского философа о восприятии конечности человеческого существования Николай Бердяев в рамках христианской парадигмы, выводя необходимость диалектического взаимодействия Бога и человека: «Когда человек один стоит перед бездной небытия, он поглощается этой бездной, он начинает ее ощущать в себе» [5, с. 201]. Смерть, по Бердяеву, т. е. смерть истинная как феномен уничтожающий, разрушающий человека, появляется лишь тогда, когда человек, выразив свою волю, отказывается от Бога.

Вопрос – актуален ли данный вывод для современного христианина – обусловлен скорее пониманием того, кто сегодня христианином является. Данные исследований религиозности россиян 2014 г. говорят о том, что люди, называющие себя христианами, имеют опасения разной степени перед смертью. Таким образом, сформулированные выше выводы о том, что страх смерти не способен иметь силу в рамках христианского мышления, позволяют предположить формальное отношение опрошенных к вопросам веры, что религиозность не имеет системного характера и существенно не затрагивает уровень представлений [6, с. 114].

Кроме того, Кьеркегор посвятил исследованию понятия страха одноименный труд, в котором, кроме прочего, разграничил понятие страха и боязни [7, с. 6]. Боязнь есть более примитивное чувство, которое, как правило, испытывают перед конкретной опасностью не только люди, но и животные. Страх как метафизическая категория может проявляться только у людей, это «страх перед Ничто, ему подвержены только люди, осознающие, что их существование не вечно» [8, с. 6]. Страх как экзистенциальное понятие играет в восприятии смерти главенствующую роль, которая и в настоящее время не теряет своей актуальности. В контексте христианского видения страх играет еще большую роль, так как взгляд на посмертное существование отягощен ожиданием того или иного сценария развития событий после смерти – христианина ожидает вечная гибель или вечная жизнь. Установленная выше корреляция между религиозностью и страхом смерти также справедлива для обсуждения восприятия смерти в существующих реалиях. Современное сознание таким же образом видит в возможном бессмертии уход от абсурда человеческой конечности [2, с. 388], в то же время страх смерти трансформируется в страх перед посмертной участью,

«ценность жизни в этом случае выступает не самоцелью, а средством к [...] обретению духовного бессмертия» [9, с. 79]. При этом одной из типичных особенностей современного общества, по мнению многих исследователей, является намеренный уход от темы смерти и ее табуирование. Эта особенность имеет в своем основании мнение о том, что «смерть воспринимается современным человеком как “удел старых” и очень отдаленная перспектива (так как значительное число людей умирает вне дома), что, в свою очередь, порождает надежду на нахождение технологических решений этой “проблемы” и купирует излишне серьезное отношение к ней» [2, с. 389]. Однако замалчивание проблемы – не самый верный способ ее решения. Надежда на открытия в сфере высоких технологий видится вполне обоснованной, однако очевидно, что достижение бессмертия – дело не ближайших поколений, да и само бессмертие как перспектива вечной жизни в заданных психо-физиологических условиях весьма сомнительно.

Заключение и выводы

Итогом данной работы может послужить вывод, основанный на аналитике категории отчаяния, а именно: отчаяние – важная составляющая самоощущения личности, способная выявить до поры скрытые интенции, которые могут быть направлены как на позитивное преодоление личностных кризисов, так и на обратные процессы, ведущие к разрушению личности. Исходя из этого, меняется осознание собственной конечности, которое напрямую связано с экзистенциальными переживаниями. Современное общество нередко делает вид, что смерти нет, но последствия подобного ухода от реальности чреваты тем, что «вытесненный из сознания страх смерти является одной из причин различных фобий, психических расстройств и саморазрушительных форм поведения» [2, с. 392]. В целом же можно заключить, что экзистенциальная интенция до сих пор во многом определяет личностные, в первую очередь психологические состояния и особенно заметно это проявляется по отношению к восприятию смерти. Кроме того, очевидно, что во многом определяющими остаются принадлежность и отношение к религии – смерть для верующего человека не является концом всего, а лишь переходом к жизни истинной.

Список литературы

1. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М. : Академический проект, 2016. 157 с.
2. Вангородская С. А. Отношение к смерти в современном обществе : культурно-исторические особенности и

влияние на самосохранительное поведение // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 3. С. 386–395. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395>

3. Кононова Е. С. Смысл отчаяния // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-1 (37). С. 142–147.
4. Абдулгалимова С. А. Отношение к собственной смерти и переживание страха смерти // Вестник Социально-педагогического института. Гуманитарные и естественные науки. 2012. № 2 (5). С. 5–11.
5. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 639 с.
6. Пронина Т. С. Религия и поиски идентичности в постсоветской России // Религиоведение. 2015. № 2. С. 112–117.
7. Цветкова О. Л. Страх и современность : метафизика и реальность // Культурные процессы и явления. 2018. № 1 (28). С. 5–13.
8. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия : опыт экзистенциальной аксиологии. М. : Прометей. МГПУ, 2003. 240 с.
9. Красильников И. А. Модель внутреннего конфликта в гуманистической психологии личности // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 12 (32). С. 56–60.

References

1. Kierkegaard S. *Sygdом til døden*. København, 1849. 265 p. (Russ. ed.: K'еркегор S. *Bolezn'k smerti*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2016. 157 p.).
2. Vangorodskaya S. A. The attitude towards death in modern society: The cultural and historical features

and the impact on health behavior. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law], 2019, vol. 44, no. 3, pp. 386–395 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395>

3. Kononova E. S. The essence of despair. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific Notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2010, no. 3-1 (37), pp. 142–147 (in Russian).
4. Abdulgaliyeva S. A. Attitude towards one's own death and the experience of fear of death. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta. Gumanitarnye i estestvennye nauki* [Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute. Humanities and Natural Sciences], 2012, no. 2 (5), pp. 5–11 (in Russian).
5. Berdyaev N. A. *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Existential Dialectic of the Divine and the Human.]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2011. 639 p. (in Russian).
6. Pronina T. S. Religion and the search for identity in Post-Soviet Russia. *Religiovedenie* [Religious Studies], 2015, no. 2, pp. 112–117 (in Russian).
7. Tsvetkova O. L. Fear and modernity: Metaphysics and reality. *Kul'turnye protsessy i yavleniya* [Cultural Processes and Phenomena], 2018, no. 1 (28), pp. 5–13 (in Russian).
8. Baeva L. V. *Tsennostnye osnovaniya individual'nogo bytiya: opyt ekzistentsial'noy aksiologii* [The Value Foundations of Individual Being: The Experience of Existential Axiology]. Moscow, Prometheus. MGPU Publ., 2003. 240 p. (in Russian).
9. Krasil'nikov I. A. The model of internal conflict in humanistic personality psychology. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013, no. 12 (32), pp. 56–60 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for publication 25.03.2022

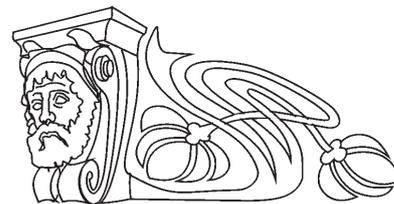

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 125–128
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 125–128
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-125-128>

Научная статья
УДК 101.1:316

Особенности социальной детерминации массовых заболеваний в обществе риска

Н. Ю. Жуковская¹✉, Е. Д. Меркулов²

¹Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Жуковская Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, lgpu322@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3143-7000>

Меркулов Егор Демьянович, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, egormer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6877-5676>

Аннотация. Введение. Предмет исследования – социальные детерминанты массовых болезней неинфекционного происхождения и травматический характер социальных изменений, протекающих в современном обществе. Цель статьи – социально-философский анализ последствий негативного влияния на здоровье популяции таких факторов, как информатизация, киберзависимость, потребительское отношение к природе, высокий уровень социальной мобильности, превращение человека в объект тотального контроля, осуществляемого среди прочего в целях его безопасности, и др. **Теоретический анализ.** Авторы приходят к выводу, согласно которому специфическим признаком современного рискогенного социума является ускоренное распространение заболеваний неинфекционного происхождения, которые приобретают массовый характер и становятся главной причиной смертности населения в развитых странах – наиболее «благополучных» с точки зрения современных цивилизационных тенденций. **Заключение и выводы.** Особенностью социальной детерминации массовых болезней невирусного происхождения в обществе риска является мультипликативный рост числа и разнообразия провоцирующих факторов, что зачастую приводит к невозможности установить, какой из них служит причиной заболевания, а какой – следствием. Ставится также вопрос о необходимости философского исследования социальных факторов, способствующих распространению эпидемии COVID-19 и других инфекционных болезней.

Ключевые слова: социальная философия, массовые болезни, социальные детерминанты, общество риска, здоровье, факторы риска, COVID-19

Для цитирования: Жуковская Н. Ю., Меркулов Е. Д. Особенности социальной детерминации массовых заболеваний в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 125–128. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-125-128>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the social determination of mass diseases in the risk society

N. Yu. Zhukovskaya¹✉, E. D. Merkulov²

¹Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42 Lenina St., Lipetsk 398020, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia Yu. Zhukovskaya, lgpu322@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3143-7000>

Egor D. Merkulov, egormer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6877-5676>

Abstract. Introduction. The subject of the study is the social determinants of mass diseases of non-infectious origin and the traumatic nature of social changes taking place in modern society. The purpose of the article is to identify the consequences of the negative impact on the health of the population of such factors as informatization, cyber dependence, consumer attitude to nature, a high level of social mobility, the transformation of a person into an object of total control, carried out, among other things, for his safety, etc. **Theoretical analysis.** The authors conclude that a specific feature of the modern risk-generating society is the accelerated spread of diseases of non-infectious origin, which acquire a massive character and become the main cause of mortality in developed countries – the most “prosperous” ones from the point of view of modern civilizational trends. **Conclusions.** A feature of the social determination of mass diseases of non-viral origin in the risk society is the multiplicative

increase in the number and variety of provoking factors, which often leads to the inability to identify which of them is the cause of the disease and which is the consequence. The article also raises the question of the need to study the social factors contributing to the spread of the COVID-19 pandemic and other infectious diseases.

Keywords: social philosophy, mass diseases, social determinants, risk society, health, risk factors, COVID-19

For citation: Zhukovskaya N. Yu., Merkulov E. D. Features of the social determination of mass diseases in the risk society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 125–128 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-125-128>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Необходимость исследования специфики социальной обусловленности массовых заболеваний в постиндустриальном обществе, которое характеризуется устойчивой тенденцией к увеличению социальных рисков, объясняется особым характером протекания социальных процессов в современном мире – их ускорением, глобальным размахом и во многом единым для большей части планеты содержанием. Большинство современных ученых-обществоведов сходятся в том, что к началу XXI столетия человечество вступило в качественно новую фазу развития. Ее специфическая особенность – появление новых механизмов взаимодействия цивилизаций, развитие информационной сферы, «высоких» технологий, многократное ускорение темпов жизни и интенсивности производственных процессов. Сопутствуют названной тенденции значительный упадок культуры и духовный кризис, поразивший сферу морали, ценностных ориентаций (понимания ценности человеческой жизни, представлений о ее смысле и т.д.) и вместе с ними – экономику и политику. Сложившаяся ситуация, по наблюдению Э. Тоффлера, вызвала возникновение множества проблем, угрожающих не только сохранению здоровья отдельного человека, но и выживанию человечества в целом [1, с. 42].

Теоретический анализ

Развернутая характеристика современного постиндустриального общества как определенной стадии развития человечества, провоцирующей возникновение множества угроз физическому и психическому здоровью людей, представлена в работах многих западных авторов – Д. Белла, Э. Тоффлера, В. Франкла. В трудах Н. Лумана, Э. Гидденса, К. Лоренца, П. Штомпки, предпринявших анализ травматического характера протекающих социальных изменений, было сформулировано «понимание современного общества как общества риска» [2, с.159], поставившего под вопрос не только здоровье отдельного человека, но и выживание человечества в целом.

Остановимся на некоторых особенностях развития современного социума и социальных

факторах, способных провоцировать возникновение и распространение массовых заболеваний неинфекционной природы.

На первом месте среди факторов риска в современном обществе, безусловно, оказывается «информационный взрыв»: всеобщая компьютеризация, внедрение во многие сферы жизнедеятельности людей автоматических систем управления (АСУ), фактически неконтролируемое развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые не только превращают информацию в «основу социальной структуры общества», но и значительно интенсифицируют все процессы жизнедеятельности. Глобальное информационное пространство, ставшее неотъемлемой частью современного социума, обладает способностью угнетать не только психику человека, но и его физиологию. Переизбыток информации вызывает эмоциональные деформации, перегружает нервную и эндокринную системы человека, выводит из строя сердечно-сосудистую систему и психику. Как следствие, обостряются физические и психические заболевания, возникает угроза жизни.

Значительную угрозу физическому и психическому здоровью популяции представляет собой и неконтролируемое «зависание» человека в современных электронных гаджетах, которому среди прочего сопутствует хроническое недосыпание. Между тем согласно выводам английских и российских исследователей даже непродолжительный период сокращения времени сна приводит к необратимым генным мутациям, сбоям в деятельности иммунной системы, дегенеративным заболеваниям и другим негативным последствиям для организма человека. Нейтрализовать подобные последствия практически невозможно.

Фактором риска становится и постепенное превращение человека в объект тотального контроля, ставшего возможным в результате развития электронной техники. Распространенные сегодня системы видеонаблюдения (на улицах, в подъездах, магазинах и т.п.), а равно обработка личной информации об интересах человека маркетинговыми службами электронных сетей держат людей в состоянии тревоги, страха, постоянной подозрительности и настороженности к происходящему вокруг. И это несмотря на то,

что первые объективно призваны обеспечивать безопасность человека, а вторые – удовлетворять его текущие потребности в поиске необходимых товаров и услуг.

Негативное влияние цивилизации, связанное с заменой индустриального типа развития экономики сервисным, проявляется и в снижении физической активности человека, возрастании нагрузки на его мозг, избыточном употреблении продуктов, содержащих жиры и легкоусвояемые углеводы. Как следствие – массовое распространение нарушений пищевого поведения человека, обострение проблем с избыточным весом и ожирением. Основными причинами последних выступают быстрое и зачастую некачественное питание, переизбыток, неправильный образ жизни вообще.

Другой важнейший признак современных цивилизационных условий – нарушение экологического баланса, влекущее за собой постепенную утрату биосферой своей пригодности для жизни человеческого общества, «явно не осознающего, – говоря словами А. А. Зиновьева, – нависшей угрозы самоуничтожения» [3].

Одним из последствий неразумного отношения человека к природе (увеличения выбросов выхлопных газов, сжигания природного топлива, повышения уровня шума и т.п.) является потепление климата на планете, которое негативно сказывается на чистоте воздуха, безопасности питьевой воды, качестве пищевых продуктов. В результате этих процессов увеличивается смертность населения от болезней сердца и органов дыхания, обусловленных повышением содержания в воздухе таких вредных веществ, как диоксид серы, сероводород и др. Так, летом 2003 г. в Европе, страдавшей от сильной жары, было зарегистрировано более 70 тыс. случаев «непредусмотренной» смерти [4]. «Карательное правосудие» природы выражается и в возникновении ряда неизвестных ранее болезней, таких как силикоз или лучевая болезнь. Подобные заболевания являются побочным продуктом развития ноосферы, теснейшим образом сопряженным с деятельностью человека.

Следующий важный признак современного социума – высокий уровень социальной мобильности, причинами которой служат самые разные обстоятельства: эволюция средств транспорта, позволяющих с легкостью перемещаться на значительные расстояния; этно-политические конфликты; наконец, осознанно осуществляемая политика, провоцирующая мобильность различных групп населения в образовательных, профессиональных, туристических и других целях. В этих условиях «отношения человека с местом

проживания» [5, с. 89] становятся хрупкими и недолговечными; смысл «места проживания» утрачивается, формируется механизм «избавления от привязанностей», поверхностного отношения не только к вещам, но и к жизни вообще.

Социальным следствием совокупности названных процессов становятся нестабильность, непредсказуемость жизни и невозможность для отдельного человека повлиять на ход событий. Создаются предпосылки для возникновения множества стрессовых ситуаций; изменяется психика человека, развиваются психические расстройства (депрессии, деменции и др.), которыми сегодня, по данным ВОЗ, поражена четверть населения земного шара. По замечанию В. Франкла, подобные расстройства зачастую становятся следствием «экзистенциального вакуума», выраженного в утрате смысла жизни [6, с. 104]. Подтверждением тому служит распространение заболеваний, проявляющихся в различных формах аффектации и «самоповреждения» (отказа от сна, анорексии, булимии, сознательного уродования кожных покровов и др.).

Специалисты по психиатрии предполагают, что случаи психических расстройств со временем станут более распространенными и разнообразными по способам проявления. В этом состоит еще одна специфическая черта современной исторической эпохи. Охарактеризовать ее можно как период мультипликационного роста и разнообразия социальных отклонений, способных провоцировать возникновение массовых болезней, а также сложного переплетения и взаимовлияния рассматриваемых социальных факторов, приводящих зачастую к невозможности выявить, какой из этих факторов служит причиной заболевания, а какой – следствием. Например, следствием бедности, депрессии или иного расстройства зачастую является алкоголизм. В то же время сами алкогольные напитки – третья по значимости причина многих болезней, приводящих к смерти.

Итак, специфическим признаком современного рискогенного социума, для которого характерны стремительное развитие технологий, интенсификация жизненных процессов, кризис экосистем, а равно духовная деградация значительной части общества, является ускоренное распространение заболеваний неинфекционного происхождения. Последние приобретают массовый характер и становятся главной причиной смертности населения в развитых странах – наиболее благополучных с точки зрения современных цивилизационных устремлений. Общими для таких болезней являются четыре провоцирующих социально обусловленных фактора риска: употребление алкоголя и табака, низкая

физическая активность и нездоровое питание. В России к названным факторам «болезней цивилизации» добавляется травматизм (прежде всего в результате ДТП).

Специфической характеристикой современного уровня социальной детерминации массовых болезней является способность факторов риска провоцировать перерастание болезни, поражающей отдельного человека или группу лиц, в масштабное асоциальное явление. К таковым можно отнести, например, алкоголизм, наркоманию, лудоманию и др.

Текущий этап социальной обусловленности массовых болезней можно охарактеризовать также как период мультипликационного роста числа и разнообразия социальных факторов, способных провоцировать эти болезни. Сложное переплетение и взаимовлияние рассматриваемых социальных факторов зачастую приводят к невозможности установить, какой из них является причиной заболевания, а какой – следствием. Можно утверждать, что не существует какой-либо обособленной группы социальных факторов, так влияющих на возникновение и развитие массовых болезней, как их общая совокупность. Более того, одни и те же социальные процессы могут выступать по отношению к здоровью человека и как факторы риска, и как факторы антириска (понижая или увеличивая ресурс здоровья человека).

Выводы

Представляется, однако, что «вирусный эффект» в проблематике массовых заболеваний «общества риска» нуждается в самостоятельном исследовании и, как минимум, по двум основаниям. С одной стороны, имеющиеся научные данные свидетельствуют о том, что многие массовые заболевания неинфекционного происхождения (сердечно-сосудистые, онкологические) инициируются инфекционными агентами. С другой стороны, в совокупности детерминант, способствующих их распространению, на первый план выходят именно социальные факторы. Так, например, в ситуации с «коронакризисом», парализовавшим фактически весь мир, и мерами, принятыми для противодействия ему, ряд исследователей склонны усматривать коммерческую спекуляцию, позволяющую устанавливать беспрецедентные формы психического, экономического, политического давления на общество [7]. Говоря иначе, основная масса негативных факторов распространения COVID-19 и его последствий имеет чисто социальную, а не биологическую природу.

Список литературы

1. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. 786 с.
2. Романовская Е. В. Проблема идентичности в обществе риска // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания. Саратов : Саратовский источник, 2016. С. 157–161.
3. Наризный Ю. А. А. А. Зиновьев – мыслитель и человек. URL: <http://ir.nmu.org.ua/jspui/bitstream/123456789/752/1/Narizhniy.pdf> (дата обращения: 21.11.2017).
4. Изменение климата и здоровье. Информационный бюллетень. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs266/ru/> (дата обращения: 13.08.2021).
5. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.
6. Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / пер. с нем. С. С. Панкова. Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2011. 103 с.
7. Чернышов Е. Проект «Пандемия»? Признаки возможной глобальной аферы. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/116869/> (дата обращения: 30.08.2021).

References

1. Toffler E. *Tretya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST Publ., 2004. 786 p. (in Russian).
2. Romanovskaya E. V. The problem of identity in a risk society. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo sotsiougumanitarnogo znaniya* [Actual Problems of Modern Socio-Humanitarian Knowledge]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2016, pp. 157–161 (in Russian).
3. Narizhnyy Yu. A. A. A. Zinoviev – *myslitel' i chelovek* (Zinoviev A. A. – a thinker and a person). Available at: <http://ir.nmu.org.ua/jspui/bitstream/123456789/752/1/Narizhniy.pdf> (accessed 21 November 2017) (in Russian).
4. *Izmenenie klimata i zdorov'e. Informatsionnyy byulleten'* (Climate Change and Health. News Bulletin). Available at: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs266/ru/> (accessed 13 August 2021) (in Russian).
5. Toffler E. *Future Shock*. Moscow, AST Publ., 1970. 531 p. (Russ. ed.: Toffler E. *Shok budushchego*. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p.).
6. Frankl V. *Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naya psikhoterapiya* [Suffering from the Meaninglessness of Life. Actual Psychotherapy]. Novosibirsk, Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2011. 103 p. (in Russian).
7. Chernyshov E. *Proekt «Pandemiya»? Priznaki vozmozhnoy global'noy afery* (Project “Pandemic”? Signs of a possible global scam). Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/116869/> (accessed 30 August 2021).

Поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

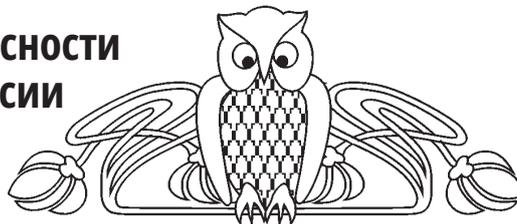

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 129–133
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 129–133
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-129-133>

Научная статья
УДК 130.2:304.444:378.6

Пути обеспечения ментальной безопасности обучающихся вузов системы МВД России в условиях ведения гибридных войн

А. А. Коноплева

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Россия, 295050, г. Симферополь, ул. Академика Х. Х. Стевена, д. 14

Коноплева Анна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, konoplyova.artcrimea@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1997-4505>

Аннотация. В статье анализируются социальные детерминанты и проявления вызовов ментальной безопасности, которые неминуемо находят отражение в сознании молодежи, обучающейся в вузах системы МВД России. Цель статьи – рассмотрение процесса формирования устойчивых мировоззренческих принципов у обучающихся вузов системы МВД России сквозь призму теории поколений. Выдвигается предположение об эффективности влияния на сознание молодежи методов ведения гибридной войны в связи с миметической природой факторов, оказывающих воздействие на восприятие информации. Устанавливается, что одним из способов противодействия вызовам ментальной безопасности является формирование «профессиональной идентичности» еще на этапе обучения в вузе, а также развитие ментального иммунитета, предполагающего формирование системы устойчивых духовно-нравственных ориентиров. Вызовы ментальной безопасности находятся в динамичном состоянии, не просто оказывая воздействие на сознание граждан, но и создавая модные тренды. В связи с этим необходимо сформировать у нового поколения мировоззренческие принципы, устойчивые к методам непрямого действия. Предложенные принципы и способы формирования «профессиональной идентичности» могут стать основой для организации учебно-воспитательного процесса в ведомственных образовательных учреждениях МВД в условиях ментальной нестабильности.

Ключевые слова: ментальная безопасность, теория поколений, гибридная война, информационная война, поколение «Z»

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного Совета Республики Крым в рамках научного проекта «Формирование устойчивых мировоззренческих принципов у современной молодежи Республики Крым в условиях вызовов ментальной безопасности» (Постановление Президиума Государственного Совета Республики Крым от 2 февраля 2021 г. № п254-2/2).

Для цитирования: Коноплева А. А. Пути обеспечения ментальной безопасности обучающихся вузов системы МВД России в условиях ведения гибридных войн // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 129–133. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-129-133>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ways to ensure the mental security of students of universities of the Ministry of Internal Affairs system of Russia in the conditions of conducting hybrid wars

A. A. Konopleva

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 14 Academician H. H. Steven St., Simferopol 295050, Russia
Anna A. Konopleva, konoplyova.artcrimea@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1997-4505>

Abstract. The article analyzes the social determinants and manifestations of mental security challenges, which are inevitably reflected in the minds of young people studying at the universities of the Ministry of Internal Affairs system of Russia. **Introduction.** The purpose of the article is to consider the process of formation of sustainable worldview principles among students of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs through the prism of the theory of generations. An assumption is made about the effectiveness of hybrid warfare methods in connection with the mimetic nature of the factors influencing the perception of information. **Theoretical analysis.** It is established that one of the ways to counter the challenges of mental security is the formation of a “professional identity” even at the stage of studying at a university, as well as the development of mental immunity, which involves the formation of a system of stable spiritual and moral guidelines. **Conclusions.** The challenges of mental security are in a dynamic state, not only influencing the minds of citizens, but also creating fashion trends. In this regard, it is necessary to form in the new generation worldview principles that are resistant to the methods of conducting hybrid wars. The proposed principles and methods for the formation of professional identity can become the basis for organizing the educational process in departmental educational institutions of the Ministry of Internal Affairs in conditions of mental instability.

Keywords: mental security, theory of generations, hybrid war, information war, generation “Z”

Acknowledgements: The reported study was funded of the State Council of the Republic of Crimea within the framework of the scientific project "Formation of sustainable worldview principles among modern youth of the Republic of Crimea in the face of mental security challenges" (Decree of the Presidium of the State Council of the Republic of Crimea dated February 2, 2021 No. p254-2/2).

For citation: Konopleva A. A. Ways to ensure the mental security of students of universities of the Ministry of Internal Affairs system of Russia in the conditions of conducting hybrid wars. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 129–133 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-129-133>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Особенности современного развития общества требуют от системы образования новых идей. Это обусловлено не только потребностями эпохи, но и специфическими чертами поколения, получающего образование в данный момент. Если говорить о ведомственном образовании, то ко всем уникальным характеристикам, обусловленным социальным и технологическим факторами, добавляются особенности, детерминированные будущей профессией, сопряженной с такими важными категориями, как долг, ответственность, справедливость и др.

Специфика службы в органах внутренних дел (далее – ОВД) предполагает, что процесс подготовки обучающихся ведомственных вузов, помимо реализации своих профессиональных задач, должен включать применение комплексного подхода, основанного на одновременной выработке профессиональных и личностных качеств. Вместе с тем эффективное выполнение функциональных обязанностей в современных условиях невозможно без организации работы по обеспечению ментальной безопасности сотрудников ОВД, что требует учета данного фактора при организации подготовки будущих специалистов еще на этапе их обучения в вузе.

Теоретический анализ

Понятие ментальной безопасности можно рассматривать сквозь призму личной безопасности и представить в виде конгломерата смыслов и направлений деятельности, детерминированных особенностями службы в ОВД и направленных на формирование у сотрудников состояния защищенности от ментальных угроз. Таким образом, постепенно набирающее популярность в современном российском научном дискурсе понятие ментальной безопасности можно представить как неотъемлемую часть личной безопасности, гарантирующей протекцию обучаемого на уровне сознания, проявляющуюся в способности активизировать защитные ментальные механизмы [1, с. 256] в случае возникновения угрозы.

Проявление интереса к ментальной защите во многом объясняется очевидностью ведения в международных масштабах гибридных войн с применением технологий, которые отражаются

преимущественно на духовной сфере личности и общества. Опасность данного феномена объясняется тем, что если речь идет о безопасности как одной из базовых потребностей человека, то ее отсутствие в физиологическом смысле, как правило, сопровождается развитием страха и устойчивого ощущения незащищенности. Однако в значении воздействия на духовные основания опасное влияние фактически не ощущается, поскольку в ходе ведения гибридных войн применяются технологии так называемого непрямого действия, и главным оружием становится информация.

Мишенью для такого противостояния является сознание населения. Это означает, что при достижении агрессором поставленных целей у противника происходит трансформация мировоззренческих принципов, подрывается авторитет правящей власти, распространяется чувство разочарования в своем государстве, народе, его традициях, укладе, истории. Примечательно, что перечисленные чувства подкрепляются устойчивой убежденностью в достоверности предлагаемой информации. Последствия такого воздействия приводят к ментальному геноциду, в результате которого целенаправленно нивелируется право свободного мышления, стираются этнические общности, разрушаются государства. Порождается хаос, в условиях которого скрытым агрессорам проще реализовывать свои истинные интересы, прибегая к методам «ментального терроризма» [2].

Влияние на ментальные структуры становится возможным как ввиду личностных характеристик, выраженных в повышенной зависимости от чужого мнения, неразвитости критического мышления, так и по причине наличия субкультурных особенностей. Современное поколение молодых людей, проходящих на данный момент обучение в образовательных учреждениях системы МВД, относится преимущественно к поколению «Z» (иные наименования: «зеты», линкстеры, «постмиллениалы»), т. е. тех, кто родился в XXI в. (в частности, с 2000 до 2010 г.). На мировоззрение постмиллениалов уже оказали воздействие ряд мировых событий, обеспечивших формирование некоторых мировоззренческих принципов.

В сознательном возрасте они стали очевидцами катастроф техногенного характера, терро-

ристических акций, попыток свержения власти революционным путем, разжигания военных действий, изменения образа жизни, обусловленного последствиями распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Таким образом, события XXI в. амбивалентно сказываются на ментальной безопасности. С одной стороны, создаваемая нестабильность препятствует устойчивому и предсказуемому развитию общества и личности. С другой стороны, нахождение в изменчивой среде приводит к укреплению системы, повышению ее защитных способностей, что позитивно сказывается на обеспечении личной, а соответственно, и ментальной безопасности [3].

Ход развития событий зависит от сформированности мировоззренческих принципов. У представителей взрослого поколения российских граждан, относящихся к поколениям «беби-бумеров», «X» и «Y», преимущественно сформированы устойчивые взгляды и убеждения, способные выстроить барьер для восприятия гибридного воздействия. Самой же незащищенной категорией перед непрямым воздействием являются несовершеннолетние и молодежь – представители поколений линкстеров и альфа (рожденные после 2010 г.). Гибридное влияние может обернуться тяжелыми последствиями, если речь идет о представителях профессий, в которых активная жизненная позиция должна подкрепляться чувством патриотизма, гражданственности, а также высоким уровнем компетентности лица в вопросах, которые становятся мишенью в условиях применения стратегии непрямого воздействия.

Уязвимость данным поколениям добавляет факт активного потребления интернет-контента, и обучающиеся вузов МВД, невзирая на наличие ряда ограничений, связанных с обеспечением личной безопасности, охраной государственной тайны, не являются исключением [4]. Таким образом, их сознание также может стать целью ведения информационной войны, рассматриваемой как часть гибридного противостояния.

Технологии информационного манипулирования, по нашему убеждению, эффективны, поскольку уходят своими корнями в естественные социокультурные процессы и сродни процессу миметического подражания, связанного с творческим началом (по мнению Платона) или пассивным воспроизведением (в соответствии с убеждениями Аристотеля) объектов, окружающих человека. И если ранее миметичность ассоциировалась с природой, то на сегодняшний день главным объектом для подражания становятся известные личности. Примером эффективности такого воздействия можно считать активную поддержку со стороны современной молодежи различных челленджей, отклик несовершеннолет-

них на призывы через социальные сети к участию в несанкционированных митингах в 2021 г.

Для современного поколения лежащий в основе мимесиса синкретизм представляет опасность при неточном размежевании, с одной стороны, явлений духовной сферы, например, таких как добро и зло, с другой – реального и виртуального миров. Это дает импульс для того, чтобы, к примеру, в первом случае оправдывать противозаконные действия, а во втором – погружаться в виртуальное пространство, теряя связь с реальным миром и примеряя к себе образы, заданные разработчиками компьютерных игр [5].

Ментальный иммунитет предполагает формирование системы устойчивых духовно-нравственных ориентиров. Урегулирование этой сферы – непростая задача, которая требует комплексного решения, реализуемого как на уровне всего государства, так и в рамках образовательной организации. В этом случае достижение ментальной безопасности возможно при осуществлении деятельности сразу по двум направлениям.

Во-первых, посредством применения правовых и организационно-управленческих мер следует обеспечить минимизацию вреда от столкновения с вызовами ментальной безопасности. Это свидетельствует о двух возможных векторах работы. С одной стороны, важное значение имеет деятельность руководителей, педагогов, обеспечивающих учебно-воспитательный процесс, которые в своем поведении не только должны служить образцом для молодых сотрудников, но и быть осведомленными в специфике механизмов гибридного воздействия. С другой стороны, насущной проблемой является ужесточение ответственности за распространение вредоносного контента в средствах массовой коммуникации. Мониторинг сети Интернет, при необходимости проведение оперативно-розыскных мероприятий позволят выявить источник угрозы и, если это возможно, своевременно нейтрализовать его. Это касается, к примеру, сайтов и аккаунтов, распространяющих ложную или противозаконную информацию.

Во-вторых, использование комплекса просветительских, социально-педагогических и психологических мероприятий при проведении профилактической работы подготовит интеллектуальный фундамент для критического восприятия информации. К данному разделу можно отнести также и работу, связанную с формированием и поддержанием положительного имиджа всего государства, представителей органов государственной власти, в том числе и сотрудников ОВД, пропагандой их позитивных качеств в глазах общественности, контролем произвольного использования образа полиции в кинематографе.

На уровне образовательного учреждения в таких условиях эффективным способом обеспечения ментальной безопасности может стать работа, направленная на формирование «профессиональной идентичности» обучаемого, основанной на целом комплексе характеристик, связанных с отчетливым восприятием себя как представителя профессии полицейского, и включающей три составных элемента, направленных на укрепление ментальной безопасности.

1. Главным элементом ментальной безопасности должно стать поведение сотрудника, соответствующее стандартам антикоррупционного поведения. Искоренение коррупции на всех уровнях деятельности ОВД – задача, без которой все остальные методы влияния на мировоззрение будут неэффективными. Еще на этапе обучения в вузе необходимо обеспечить формирование у обучаемого четкого понимания целесообразности распространяющихся на него запретов и ограничений, направленных на минимизацию коррупционных проявлений. Борьба за справедливость и высокие моральные идеалы представляет большую ценность, поскольку развенчивает у современного поколения постмиллениалов стереотип, сформированный при реализации стратегии непрямого действия, подрывающий авторитет органов государственной власти в глазах населения.

2. Следует обратить внимание на повышение компетентности сотрудников ОВД не только в профессиональной сфере, но и в области дисциплин, которые призваны формировать устойчивые мировоззренческие принципы. К таковым относятся: философия, история, мировоззренческая подготовка, политология, профессиональная этика и служебный этикет, религиоведение и др. Нестабильные социальные условия требуют от системы образования подготовки разносторонних специалистов, способных легко адаптироваться к новой деятельности. Поэтому метод обучения, связанный с развитием «жестких» навыков, постепенно сменяется методом формирования «гибких» навыков [6, с. 21–23]. Развитие последних невозможно без создания прочного мировоззренческого фундамента и умения прибегать к глубокому анализу событий социальной действительности. В этой связи идеи относительно возврата к принципам советской системы образования, носящей системный, а не отраслевой характер, звучат все более убедительно.

3. Формирование у обучаемых так называемого «русского самосознания», включающего осознание себя как представителя народа России сразу в нескольких измерениях: национальном, территориальном, религиозном, политическом [7]. Это отнюдь не означает введение новых стан-

дартов на этапе отбора в вузы МВД или стирание этнических различий. Самосознание в данном случае – скорее аксиологическая категория, означающая приобщение обучающегося в процессе его пребывания в вузе к системе культурных ценностей, имеющей консолидирующее значение для всего многонационального и поликонфессионального народа России.

Выводы

Не стоит забывать, что вызовы ментальной безопасности находятся в динамичном состоянии. Они не просто оказывают воздействие на сознание граждан, но и создают модные тренды. Очевидно, что уничтожить факторы, негативно воздействующие на ментальную безопасность, нельзя. Более того, нейтрализация одних будет означать появление новых. В связи с этим необходимо сформировать у нового поколения мировоззренческие принципы, устойчивые к методам ведения гибридных войн.

В контексте подготовки сотрудников ОВД в образовательных учреждениях и выработки устойчивости к негативному информационному влиянию необходимо обратить внимание на формирование у обучающихся «профессиональной идентичности», которая призвана не только справиться с ментальными угрозами, но и минимизировать негативное отношение к сотрудникам ОВД со стороны общества, детерминированное пренебрежительным отношением молодых сотрудников полиции к личной и профессиональной чести, достоинству, долгу, индивидуальной и групповой моральной ответственности. Таким образом, приоритетным в процессе подготовки современного поколения обучающихся в вузах МВД становится принятие мер, направленных на развитие у них понимания значения ментальных ценностей, а также правил и моделей поведения, позволяющих вести борьбу против вызовов ментальной безопасности, опираясь не на меры, вызывающие страх быть наказанным, а в большей степени делая акцент на компетентности будущих специалистов и формировании уважения к себе, государству и своей профессии.

Список литературы

1. Горлинский В. В. Образовательные стратегии устойчивого развития : формирование ментальных структур безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 254–259.
2. Баишева М. И. Духовно-нравственная приоритетность образования в условиях ментального терроризма // Фундаментальные исследования. 2013. № 4. С. 1842–1846.

3. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности : правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 2. С. 310–322.
4. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
5. Личность в информационном пространстве : проблемы и перспективы исследования / под ред. С. А. Буткевича. Симферополь : Полипринт, 2020. 237 с.
6. Бакаляр Е. Е. Гибкие навыки как слагаемые успеха в XXI веке // Учебный год. 2020. № 4 (62). С. 21–23.
7. Российская идентичность и вызовы времени. URL: <https://ria.ru/20130819/957220962.html> (дата обращения: 30.04.2021).
2. Baisheva M. I. Spiritual and moral priority of education in the conditions of mental terrorism. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic Research], 2013, no. 4, pp. 1842–1846 (in Russian).
3. Butkevich S. A. Prevention of threats to mental security: Legal, criminological and psychological and pedagogical tools. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 310–322 (in Russian).
4. On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of an Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 26, 2020 no. 460. Available at: <http://www.garant.ru> (accessed 30 April 2021) (in Russian).
5. *Lichnost' v informatsionnom prostranstve: problemy i perspektivy issledovaniya* [Butkevich S. A., ed. Personality in the Information Space: Problems and Research Prospects]. Simferopol, Poliprint Publ., 2020. 237 p. (in Russian).
6. Bakalyar E. E. Soft skills for success in the 21st century. *Uchebnyy god* [Academic Year], 2020, no. 4 (62), pp. 21–23 (in Russian).
7. *Rossiskaya identichnost' i vyzovy vremeni* (Russian identity and challenges of the time). Available at: <https://ria.ru/20130819/957220962.html> (accessed 30 April 2021) (in Russian).

References

1. Gorlinsky V. V. Educational strategies for sustainability: Building mental security structures. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 10, pp. 254–259 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 23.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 23.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 134–138

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 134–138

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138>

Научная статья
УДК 141.72:140.8

Отрицание материнства как идеологическая основа андроцентристской традиции

Т. А. Кострицкая

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кострицкая Таиса Андреевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Аннотация. Андроцентризм как исходная мировоззренческая установка в значительной степени определяет как содержание классических философских текстов, так и подходы исследователей к их интерпретации. Андроцентризм Запада и Востока покоится на одних и тех же идеологических постулатах. Их выявление и составляет цель данной работы. Способ обнаружения этих постулатов представляет собой последовательный ответ на вопрос: как в принципе возможен андроцентризм, являющийся мировоззренческой позицией, вытесняющей на периферию человечества ту его часть, которая расплачивается собственным здоровьем, болью, а подчас – и самой жизнью за физическое его воспроизводство. Установлено, что в основе андроцентристской идеологии лежит патриархатная концепция рождения, постулирующая важность «семени». Она базируется на трех взаимосвязанных постулатах, по содержанию представляющих собой патриархатные представления о женщине, основывающиеся на отрицании ее как целостного и автономного существа. Это отрицание задает также и структуру «приватной» сферы, определяя таким образом как мировоззрение индивидов, так и устройство общества в целом. Данная работа рекомендуется к ознакомлению тем исследователям и исследователям, которые стремятся осмыслить общество как таковое и патриархатное общество как современную его форму.

Ключевые слова: андроцентризм, материнство, патриархатная концепция рождения, критическая теория, теория общественного договора, женский опыт

Для цитирования: Кострицкая Т. А. Отрицание материнства как идеологическая основа андроцентристской традиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 134–138. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Denial of motherhood as the ideological basis of the androcentric tradition

T. A. Kostrikskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Taisa A. Kostrikskaya, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Abstract. Introduction. Androcentrism as an initial ideological attitude largely determines both the content of classical philosophical texts and the approaches of researchers to their interpretation. **Theoretical analysis.** It is noteworthy that androcentrism of "West" and "East" rests on the same ideological postulates. Their identification is the purpose of this work. The way to identify them is a consistent answer to the question of how, in principle, is androcentrism possible as an ideological position that displaces to the periphery of humanity that part of it that pays the price with its own health, pain, and sometimes even life itself for its physical reproduction? **Conclusions.** It was revealed that the basis of androcentric ideology is the patriarchal theory of birth postulating the importance of the «seed». It is based on the three interrelated postulates, which in terms of content are patriarchal ideas about a woman which are based on the denial of her as an integral and autonomous being. This negation also defines the structure of the "private" sphere, thus determining both the worldview of individuals and the structure of society as a whole. This work is recommended for consideration by those researchers who seek to comprehend society as such and patriarchal society as its modern form.

Keywords: androcentrism, motherhood, patriarchal conception of birth, critical theory, social contract theory, women's experience

For citation: Kostrikskaya T. A. Denial of motherhood as the ideological basis of the androcentric tradition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 134–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-134-138>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Концепция андроцентризма, впервые обожанная Шарлоттой Перкинс Гилман, обращает на себя внимание российской науки куда реже, чем более известные критики европоцентризма (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и пр.). Как будет показано далее, европейская и восточная традиции в равной степени андроцентричны и, более того, в своих основаниях они андроцентричны одним и тем же образом. Андроцентризм является наиболее универсальным «центризмом», пронизывающим так называемый «философский канон», но до сих пор не было предпринято отдельного исследования, стремящегося выявить основополагающие предпосылки идеологии, лежащей в его основе. Между тем он обладает собственной спецификой, выявлению сущности которой и посвящена данная работа.

Существует большая разница в значении иерархий, формируемых региональным и культурным «центризмами», и иерархии внутри человеческого рода, понимающей под субъектом, индивидом, «человеком» мужчину. Эта разница обусловлена не только тем, что таким образом якобы универсальные категории формулируются без учета опыта и перспективы целой половины человечества, но также и тем, о какой именно половине идет речь. Женская и мужская группы являются базовыми политическими группами в условиях общества, поскольку в руках одной из них находится политически значимая способность рождения, а в руках другой – обеспечение одного из необходимых условий реализации первой группой своей способности.

Человек не рождается в этот мир сам по себе. «Его» не рожают «родители» и «ему» не дарит жизнь Бог. Каждая женщина и каждый мужчина в этом мире получают свою жизнь от матерей, родительниц, которые создают их из себя в течение длительного времени и большой ценой. Контроль над этой способностью – необходимый элемент политического контроля, возможность прямого и непрямого принуждения женщин к ее реализации мужской группой – означает, что и содержание жизней рожденных ими детей также определяет эта группа в соответствии со своей выгодой. Иными словами, положение женщин в принципе является фундаментальным и определяющим в отношении действительной человеческой свободы или в нашем случае – несвободы.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: как в принципе возможно на уровне мышления андроцентристское вытеснение половины человечества, которая платит всю цену физического его воссоздания, из центра на периферию?

Теоретический анализ

Способ, с помощью которого осуществляется это вытеснение, заключается в присвоении женской способности рождения мужской группой в форме концепции, которую можно обозначить как доктрина семени. Возможно выделение двух ее форм: классической и современной. Сущность первой отображают слова Аполлона в «Эвменидах» Эсхила, сказанные им в оправдание матереубийства:

«Не мать дитяти, от нее рожденного,
Родительница: нет, она кормилица
Воспринятого семени. Посеявший
Прямой родитель...» [1, с. 183].

В соответствии с более современной версией этой концепции детей «рожают» «родители». В Античности существовали обе эти формы, но вторая проявляется разве что в трудах по естествознанию, в то время как для нас важно, прежде всего, политическое измерение этой доктрины, которое и определяло господствующее мировоззрение. Т. Гоббс же и вовсе сумел объединить обе версии в одном предложении, продемонстрировав отсутствие между ними сущностной разницы: «Что касается рождения, – пишет он, – то Бог назначил мужчине помощника, и всегда имеются двое, одинаково являющиеся родителями» [2, с. 156]. Б. Ротман отмечает, что открытие яйцеклетки как «семени» всего лишь распространило центральный концепт патриархата – утверждение о важности семени – на женщин, не изменив его содержания [3, с. 36].

Предлагаемая нами критика патриархатной концепции рождения опирается на утверждение о том, что создание детей является материальным, физическим процессом, осуществляемым женщинами во время беременности. Очевиден также факт автономии женского организма, который означает, что осуществляемые им процессы осуществляются только им и детерминированы в первую очередь его устройством. Представляется, что данные утверждения не требуют доказательств.

В обеих своих формах (классической и современной) патриархатная концепция рождения основана на метафоре семени, применяемой к процессу человеческого воспроизводства на трех основаниях.

Первое из них постулирует, что женщина не является сложным автономным организмом, но представляется как пустой сосуд, в котором развивается рожденный мужчиной или «родителями» ребенок. Женщина предоставляет «материю», из которой мужчина-плотник создает ребенка при помощи семени (Аристотель), которое и определяет функционирование женского организма на всем протяжении процесса создания: «Женский

пол не порождает сам из себя, ибо он нуждается в сообщающем движении и определяющем начале» [4, с. 86]. «Семя самца ... содержит в себе начало, способное ... производить движение в животном ... семя же самки содержит только материю. Переселив ее, оно приводит ее в свое состояние; будучи побеждено, изменяет в противоположное состояние или ведет к гибели» [4, с. 165]. Женщина по сути объявляется частью мужского тела, что позволяет представить ее способность рождения как его способность.

Второе основание неразрывно связано с первым. Метафора семени, отказывая женщине в физической автономии, в бытии отдельным существом при помощи постулирования ее пустым сосудом, предполагает тем самым вытеснение женщины из человеческого вида. В классической версии женское тело представляет собой поле, которое подлечит «засеванию» «фактическим родителем». Мы можем видеть это в процитированном выше отрывке из произведения древнегреческой литературы, и эту же версию мы встречаем в одном из важнейших памятников древнеиндийской литературы – «Законах Ману», которые «сына считают [принадлежащим] мужу. Относительно виновника [рождения] в священных текстах противоречие: некоторые объявляют [им] фактического родителя, другие – владельца поля» [5, с. 344]. Под «фактическим родителем» подразумевается вовсе не та, кто родила, а тот, от кого она зачала, настоящая же родительница полагается «полем».

Необходимость вытеснения женщин из человеческого рода в рамках метафоры семени и поля объясняет видение женщины как результата отклонения от единой мужской нормы. Женщина по Аристотелю «есть как бы бесплодный мужчина» [4, с. 81], причина существования которого – «несварение и холодность кровяной пищи» [4, с. 165].

Тот же подход встречается и в христианской традиции. С точки зрения Августина Аврелия, жена сотворена «помощницей» в деле деторождения [6, с. 87], а у Амвросия Медиоланского эта мысль повторяется с использованием метафоры земли и семени, «ибо если понять слово помощник в хорошем смысле, окажется, что роль женщины в рождении потомства велика и подобна роли земли, которая сначала укрывает посеянные семена, затем постепенно согревает их своим теплом и наконец порождает всходы» [6, с. 86].

Шарлотта Перкинс Гилман в своей работе, посвященной критике андроцентристской культуры, также приводит некоторые цитаты своих современников, в этом вопросе несколько не ушедших от Аристотеля. По мнению Г. Аллена, «женщины ... даже не половина расы, а

подвид, отобранный только для размножения». Х. Б. Марриотт Уотсон полагал, что «ее [женщины] конституционное беспокойство заставило ее отказаться от тех функций, которые одни оправдывают или объясняют ее существование» [7, с. 21]. Таким образом, часть вида, воссоздающая за свой счет весь вид, вытесняется за его пределы, а само существование женщины, вынужденно признаваясь необходимым, объясняется мужчинами как результат некоего недостатка, отклонение от нормы, наличие которого оправдано только одной «функцией». Обесчеловечивание женщин здесь абсолютно, и не имеет значения, как высоко оценивается важность определенной мужчинами для них роли.

Оба рассмотренных утверждения заключают в себе еще один постулат доктрины семени, достойный отдельного внимания.

Метафора семени, сформулированная на обозначенных основаниях, заключает в себе отрицание существования связи между беременной женщиной и создаваемым ею ребенком, поскольку первая предстает в качестве «утробы», «поля», «земли», а не целостного живого существа, весь организм которого вовлечен в процесс создания себе подобного. Речь идет о первичной и самой тесной связи между живыми существами, наличие которой до сих пор не осмыслено и подвергается отрицанию. Как отмечает Б. Ротман, концепция семени в ходе большого исторического периода определяла видение процесса создания ребенка и в медицине, когда предполагалось, что условия жизни женщины во время беременности, ее питание, режим сна, окружающая ее экологическая обстановка, принимаемые препараты не оказывают совершенно никакого влияния на развитие плода [3, с. 91].

Х. Хайн считает, что на определенном этапе человеческой истории «сельскохозяйственная модель была самой доступной, и вполне разумно, что ее распространили на зарождение человеческой жизни» [8, с. 345], однако обозначенные нами основания этой метафоры нельзя назвать разумными независимо от того, о каком времени идет речь. Характерно, что даже пытаясь осуществить критику оппозиции духа и материи на основе достижений феминистской теории, исследовательница не преодолевает собственную веру в доктрину семени: «Споры о степени участия родителей в создании ребенка абсурдны. Будем ли мы рассматривать ребенка с патриархатной позиции как “одушевленное семя”, посаженное в пассивную почву, или по-другому – как “мертвое семя”, оживленное материнской средой, мы видим, что обе стороны несут значительную ответственность» [8, с. 359]. Реальный, физический

процесс создания ребенка матерью, в котором они представляют собой неразделимое целое, а не «семья» и «среду», таким образом, вновь не мыслится таковым.

Ни один из перечисленных аспектов доктрины семени не утратил своей актуальности. Невооруженным взглядом видно, что практически вся наша лексика, связанная с актом рождения, базируется на идеях, лежащих в ее основе. Избегаемое нами слово «вынашивание» содержит мысль о том, что беременность есть в сущности передвижение с места на место развивающегося независимо от женского организма эмбриона, помещенного в «пустой сосуд» – мать. Феминистская традиция, не являясь автономной, также ни в коем случае не застрахована от подобного мышления. Критическое отношение к андроцентризму как к одному из «центризмов» без учета его специфики позволяет ему проникать даже в теории, изначально нацеленные на его преодоление.

Очевидна также актуальность классической версии доктрины, благодаря которой возможно сразу же по рождении ребенка матерью присвоить ему имя отца в форме отчества. На ней же основано и современное юридическое понимание материнства, а точнее, отсутствие такового и определение матери по образу и подобию отца как ближайшей родственницы ребенка. Как утверждает Б. Ротман, «женщины не получили прав на собственных детей в обществе как матери, они получили их как подобные отцам источники семени» [3, с. 36–37]. Г. Уилкинс же отмечает, что большую часть истории правовая связь матери с ребенком и отца с ребенком была не одинаковой и основанной на гендерных ролях, и только в связи с установлением коммунизма в России эти права и обязанности впервые были определены гендерно-нейтрально [9, с. 23]. Гендерная «нейтральность» в данном случае означает то, о чем писала Б. Ротман: вместо признания материнства женщины получили признание «отцовства», которое базируется на отрицании значимости процесса создания и рождения, физического по своей сути процесса, которому в рамках патриархатного дискурса отказано в бытии в своей сущности материальным. Такое отрицание, в свою очередь, предполагает отказ в значимости женскому здоровью и женским жизням, за счет которых и осуществляется этот процесс.

Реальное единство двух человеческих существ оказывается в этой парадигме наименее значимым, задавая таким образом и ценность человеческих отношений в принципе. Результатом является то, что личные, непосредственные взаимоотношения (например, забота или дружба) не являются признаваемой в обществе основой

крепких межличностных связей, их замещают созданные патриархатным обществом институты (система родства, брак), формулирующие патриархатную «приватную» сферу на основе мужских интересов. Этот момент отмечала и Шарлотта Перкинс Гилман, которая писала, что в человеческом обществе семья (под которой она понимала природное объединение) подчинена интересам мужчин, а не заботе и выращиванию детей, как у животных [7, с. 32]. Аналогия семени указывает и на то, что «родитель» в патриархатном обществе – это прежде всего владелец, поскольку «посеявший» или «владелец поля» не есть сам по себе источник семени, он является тем, кто его присвоил.

Понимание важности этого вопроса уменьшается обратно пропорционально степени андроцентризма теории. К. Пейтман, анализируя теории общественного договора, не раз повторяет мысль о том, что в основе предлагаемого ими обоснования политической жизни лежит присвоение мужчинами способности в одиночку порождать политическую жизнь [10, с. 89]. При этом она подчеркивает связь их понимания политического с принятием ими патриархатной концепции рождения, которую они не ставят под сомнение так же, как и их идеологический противник (патриархализм сэра Роберта Филмера).

Выводы

В отличие от иных «центризмов» андроцентризм имеет универсальное значение. Его наличие в теории означает не только упущение, которое происходит, когда из части делается вывод о целом, но также и присутствие в теории комплекса предпосылок, которые определяют ее содержание. Именно собственная специфика андроцентризма, заключающаяся в отрицании правды о принадлежности активной способности создавать детей исключительно женщинам, имеет важнейшее значение в определении содержания андроцентристской теории и составляет идеологическую основу андроцентристской традиции. Такой фундамент определяет необходимость создания целостной картины действительности, «объясняющей» одни неудобные факты за счет скрытого отрицания других. Следует отметить, что в силу этой специфики андроцентризма «гиноцентризм» как полноценный его аналог попросту невозможен, поскольку «зеркалом» андроцентризма является признание имплицитно отрицаемых им фактов (принадлежности женщин к человеческому роду, материального характера процесса создания детей, автономии женского организма, тесной взаимосвязи беременной женщины и плода) и их значения.

Список литературы

1. Эсхил. Трагедии. М. : Наука, 1989. 609 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
3. Rothman B. K. *Recreating Motherhood. Ideology and Technology in a Patriarchal Society*. New York ; London : W.W. Norton & Company, 1989. 282 p.
4. Аристотель. О возникновении животных. М. : Издательство Академии наук СССР, 1940. 250 с.
5. Законы Ману. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 496 с.
6. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Т. I : Книга Бытия 1–11. Тверь : Герменевтика, 2004. 304 с.
7. Gilman Ch. P. *The Man-Made World: Or, Our Androcentric Culture*. London ; Leipsic : T. Fisher Unwin, 1911. 269 p.
8. Хайн Х. Освобождение философии : конец оппозиции духа и материи // Женщины, познание и реальность : Исследования по феминистской философии / под ред. Е. А. Баллаевой. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 338–360.
9. Willekens H. *Motherhood as a Legal Institution: A Historical-Sociological Introduction*. In: *Motherhood and the Law*. Ed. by H. Willekens, K. Scheiwe, T. Richarz, E. Schumann. Göttingen, Universitätsverlag Göttingen, 2019, pp. 21–52.
10. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford : Stanford University Press, 1988. 264 p.
2. Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil*. New York, Touchstone, 1997. 511 p. (Russ. ed.: Hobbes T. *Leviatan, ili materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*. Hobbes T. *Soch.*: v 2 t. Moscow, Mysl' Publ., 1991, vol. 2. 731 p.).
3. Rothman B. K. *Recreating Motherhood. Ideology and Technology in a Patriarchal Society*. New York, London, W.W. Norton & Company, 1989. 282 p.
4. Aristotle. *Generation of Animals*. Cambridge, Harvard University Press, 1943. 708 p. (Russ. ed.: Aristotle. *O vozniknovenii zhitotnyh*. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk USSR, 1940. 250 p.).
5. *The Laws of Manu*. London, Penguin Classics, 1992. 448 p. (Russ. ed.: *Zakony Manu*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002. 496 p.).
6. *Ancient Christian Commentary on Scripture. Old Testament I: Genesis 1–11*. Downers Grove, IL, Inter Varsity Press, 2001. 256 p. (Russ. ed.: *Bibleyskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Vetkhii Zavet*. T. I: *Kniga Bytiya 1–11*. Tver', Germenevtika Publ., 2004. 304 p.).
7. Gilman Ch. P. *The Man-Made World: Or, Our Androcentric Culture*. London, Leipsic, T. Fisher Unwin, 1911. 269 p.
8. Hein H. *Liberating Philosophy: An End to the Dichotomy of Matter and Spirit*. In: E. A. Ballaeva, ed. *Zhenshchiny, poznanie i realnost: Issledovaniya po feministkoy filosofii* [Women, Cognition and Reality: Studies in Feminist Philosophy]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2005, pp. 338–360 (in Russian).
9. Willekens H. *Motherhood as a Legal Institution: A Historical-Sociological Introduction*. In: E. H. Willekens, K. Scheiwe, T. Richarz, E. Schumann, eds. *Motherhood and the Law*. Göttingen, Universitätsverlag Göttingen, 2019, pp. 21–52.
10. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford, Stanford University Press, 1988. 264 p.

References

1. Grene D., Lattimore R., eds. *The Complete Greek Tragedies. Aeschylus*. Chicago, University of Chicago Press, 1959. 358 p. (Russ. ed.: Aeschylus. *Tragedii*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 609 p.).

Поступила в редакцию 12.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 12.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 25.03.2022

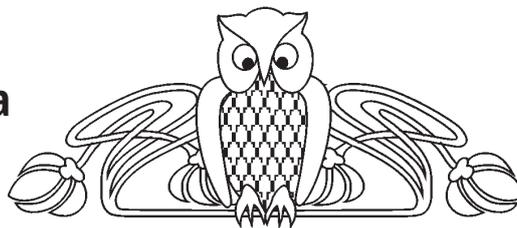

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 139–143
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 139–143
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-139-143>

Научная статья
УДК [1:316]+111.32

Эвентуальность философии человека в обществе риска

О. М. Ломако

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Аннотация. Статья посвящена анализу эвентуальности философии в обществе риска через антропологическое рассмотрение понятий «неопределённость», «возможность», «непредсказуемость», «бесконечность». Основная трудность в исследовании риска заключается в том, что он находится между рациональным и иррациональным, между определенностью и неопределенностью, между возможностью и действительностью. Речь идет о необходимости философской концептуализации понятий, поскольку отношения дефиниций выступают как социальные и антропологические отношения. Определяется эвентуальность философии риска в ее семантическом и темпоральном измерениях. Рассматривается единство понятий эвентуальности, риска, общества и времени в их социально-исторической трансформации. Риск и время оказываются неразрывно связанными феноменами, что предполагает наряду с изучением семантики риска анализ семантики времени. Выявляется парадоксальная сущность риска. Она носит темпоральный характер и определяется как предвидение непредсказуемого и рефлексивность неизвестного. В риске происходит разрыв континуума рациональности. Методологической основой статьи послужили социально-философский, философско-антропологический, рискологический и историко-философский подходы к исследованию проблемы человека в обществе риска. Формулируется вывод о том, что эвентуальность философии человека раскрывается через рефлексивность времени, которое в обществе риска становится допустимой опасностью темпоральной негативности возможного – в действии и в мышлении.

Ключевые слова: социальная философия, философская антропология, эвентуальность, общество риска, мировое общество риска, семантика риска, семантика времени, вероятность, возможность, неопределенность, бесконечность

Для цитирования: Ломако О. М. Эвентуальность философии человека в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 139–143. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-139-143>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The eventuality of human philosophy in the risk society

O. M. Lomako

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga M. Lomako, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the eventuality of philosophy in the risk society through the anthropological consideration of the concepts of uncertainty, possibility, unpredictability, infinity. The main difficulty in risk analysis is that risk lies between rational and irrational, between certainty and uncertainty, between possibility and reality. **Theoretical analysis.** We are talking about the need for philosophical conceptualization of concepts, since the relations of definitions act as social and anthropological relations. The eventuality of the philosophy of risk in its semantic and temporal dimensions is analyzed. The unity of the concepts of eventuality, risk, society and time in their socio-historical transformation is considered. Risk and time are inextricably linked phenomena, which implies, along with the consideration of the semantics of risk, the analysis of the semantics of time. The paradoxical nature of risk is revealed. It has a temporal character and is defined as the foresight of the unpredictable and the reflexivity of the unknown. In risk there is a break in the continuum of rationality. The methodological basis of the article is socio-philosophical, philosophical-anthropological, riskological and historical-philosophical approaches to the study of the problem of a person in the risk society. **Conclusions.** It is concluded that the eventuality of human philosophy is revealed through the reflexivity of time, which in the risk society becomes an acceptable danger of temporal negativity of the possible – in action and in thinking.

Keywords: social philosophy, philosophical anthropology, eventuality, risk society, world risk society, risk semantics, time semantics, probability, possibility, uncertainty, infinity

For citation: Lomako O. M. The eventuality of human philosophy in the risk society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 139–143 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-139-143>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современное состояние общества вызывает необходимость изучения сложных процессов, происходящих во всех сферах нашей жизни и существенно изменяющих все ее составляющие. После индустриального и постиндустриального этапов развития общество трансформируется в «общество риска». При этом постоянное производство рисков, являясь неизбежным следствием цивилизационного процесса, становится вполне легитимным. В XX–XXI вв. усиливается внимание к осмыслению возможностей бытия человека в обществе риска в его самых различных измерениях и аспектах, включая такой аспект, как эвентуальность.

Риск изначально понимался как опасность, которая ассоциировалась с понятиями «решение», «неопределенность», «случайность», «вероятность (шанс)». Понятие «эвентуальность» также обладает большим семантическим объемом и содержит целый веер значений. Эвентуальность – допустимость, вероятностность, возможность. В свою очередь, вероятностность раскрывается через понятия «вероятность», «случайность», «непредсказуемость».

Вполне очевидно, что по самой своей сути человек – существо рискующее. Декартовское «*cogito ergo sum*» предполагает собой «*risiko ergo sum*». Я рискую, следовательно, существую. И, если я существую, стало быть, рискую. Само существование человека становится риском. Можно добавить, что человек есть существо эвентуальное. Так, *человек-риск-эвентуальность* оказываются связанными в один семантический ряд, что вызывает необходимость анализа эвентуальности философии в обществе риска через антропологическое рассмотрение понятий «неопределенность», «вероятность», «возможность», «непредсказуемость», «бесконечность».

Эвентуальность философии риска в ее семантическом измерении

Согласно концепции У. Бека, социально-историческую трансформацию риска можно представить как основные этапы его развития: риск – общество риска – мировое общество риска [1, с. 19].

Рассмотрение зарождения рисков в мировосприятии человека предполагает анализ социально-исторической трансформации семантики риска, которая в процессе модернизации меняет свой содержательный характер. Логика риска предполагает его иронию, которая заключается в необходимости предвидения непредсказуемого. Иными словами, «ирония риска заключается в том, что рациональность, т.е. отложенный опыт,

приводя к необходимости оценки рисков по неподходящим масштабам, вынуждает считать риски контролируемыми и просчитываемыми, в то время как катастрофы постоянно случаются в ситуациях, о которых мы не имеем никаких знаний и которые не можем предвидеть» [2, с. 267].

Поскольку в рисках речь идет о возможных событиях, которые могут наступить, но в то же время не являются необходимостью, им в значительной мере присуща ирреальность. Риски представляют собой социальные конструкции и дефиниции в структуре соответствующих отношений власти. Они существуют в форме знания, как научного, так и альтернативного – внеаучного. Следовательно, их реальность может быть как драматизирована, так и минимизирована. Она может быть изменена и вообще ложно представлена соответственно нормам, по которым решается вопрос о знании и незнании. Другими словами, риски являются продуктами борьбы за определения (дефиниции) и конфликтов дефиниций в рамках определенных отношений, т. е. результатами инсценировки. Речь идет о необходимости философской концептуализации понятий, поскольку отношения дефиниций выступают в конечном итоге как отношения господства и власти. Возникает новая семантика рискогенности, поскольку методы калькуляции и институциональной обработки рисков становятся невозможными. В самом широком смысле слова семантика предполагает анализ отношения между языковыми выражениями и миром, как воображаемым, так и реальным. Анализ семантики времени в своей «Социологии риска» (глава «Будущее как риск») Н. Луман начинает с выявления различий в восприятии и осмыслении времени: «Поскольку все представления о времени требуют различий – будь это первичное различие как “до” и “после” – можно предположить, что время существует в парадоксальной форме одновременности неодновременного... Речь идет лишь о различительных формах развертывания парадоксальности, которая в последней инстанции есть не что иное, как парадоксальность единства и двойственности времени» [3, с. 45].

При этом формы, в которых разворачивается парадоксальность времени, не могут быть выбраны произвольно, а должны координировать семантику времени с общественными структурами. Это то самое теоретическое основание, которое приводит нас к выводу о том, что современное общество представляет будущее как риск. При переходе к модерну, точнее, во второй половине XVIII в. темпоральные структуры существенно изменились. Это изменение проявилось в том, что в Новое время семантика вре-

мени отражает, во-первых, различие прошлого и будущего и, во-вторых, выражает адаптацию этой семантики к изменившимся общественным структурам. Это вовсе не значит, что различие прошлого и настоящего было найдено только в Новое время и что понятие будущего возникло только теперь. Но при всех различиях очевидным становится созвучие представлений о времени с одновременно происходящей трансформацией общественных структур. Очевидно, что изменения в семантике времени имеют отчасти отношение к книгопечатанию и к дифференциации многочисленных социальных функциональных систем. Именно во второй половине XVIII в. время само становится рефлексивным, что было инициировано новым интересом к истории. Настоящее стало пониматься как точка отсчета, как центр времени. Тем самым при оценке риска с помощью разделения на прошлое и будущее настоящее становится неким «слепым пятном» наблюдения и оценки рисков.

Эвентуальность философии риска в темпоральном осмыслении бытия человека

История представлений о рисках всегда есть история представлений о будущем, которое не поддается рациональному расчету. Как невозможно узнать заранее будущее, точно так же нельзя адекватно описать современное общество в его многообразии, во всей сложности его структурных новаций. Отсюда следует своеобразный симбиоз будущего и общества. Речь идет об определенных неопределенностях относительно темпорального и социального измерений. Стало быть, делает вывод Н. Луман, будущее может восприниматься только в медиуме вероятности, как нечто более или менее вероятное или вовсе невероятное. Для настоящего это значит: никто не может использовать знание будущего или возможности его предвидения. В социальной совместной жизни пришлось отказаться от такого авторитарного утверждения. Правда, в XIX–XX вв. еще пытались связать этот симбиоз темпорального и социального измерений и таким образом гарантировать социальный порядок и возможность предвидения – через планирование или эволюцию, диалектически или юридически, революционно или реформистски. Единство мира XIX и отчасти XX в. лежало в альянсе темпорального и социального измерений, посредством которого извлекалась обоюдная польза и выявлялись возможности их рационального сопряжения. Однако именно в социальном измерении никакая калькуляция себя не оправдала. В конце XX в. возникает вопрос: это все еще наш мир? Можно ли так жить дальше? [3, с. 57–58].

Возможно, представление о структуре времени как о единстве прошлого, настоящего и будущего может считаться самым надежным. Это структура, которую можно описать терминами «событийность», «конечность», «бесконечность», «повторяемость», «длительность», «пауза», «парцелляция», «ритм», «темп». Однако надежное тоже может оказаться обманчивым или, по меньшей мере, не исчерпывающим. Вместо того чтобы понимать время онтологически: что *есть* время, что *было*, что *возможно*, – мы, как правило, понимаем время структурированно.

В каждой культуре и в каждом обществе предпринимались попытки разделить бесконечное время на маленькие отрезки, легко понимаемые «порции». И вдруг происходит нечто другое, противоположное. Сроки и горизонты времени теряются в эпоху модерна. Возникают вневременные пространства, которые превращаются в бесчисленные множества пространств бесконечного времени. Тем самым нетленность перестает принадлежать богам. Бесконечность времени есть то новое, что отличает эпоху модерна от всех предыдущих эпох [4, с. 141].

Понятие «модерн» неизбежно связано с понятием «цейтнот» (острая нехватка времени). Цейтнот стал повсеместным и обычным явлением. Возникает специфический континуум авторитарно настроенных режимов времени. Военные и монастырские режимы времени внедряются на предприятиях, в тюрьмах, школах, в армии, в приватной жизни. Их целью объявляется эффективное использование времени. М. Фуко описывает производство абсолютно полезного времени как часть стратегии господства и власти. Н. Луман, напротив, не нуждается для объяснения времени в «воле к власти», полагая, что организация работы привносит это с собой [5, с. 11], поскольку отличие эпохи предмодерна от модерна заключается в способе контроля и эффективности использования времени тем, чем «наполнено» время. Жизнь в армии, монастыре, школе и тюрьме – рутина, поэтому затраты времени в тех условиях строго регламентированы. В модерне, напротив, это темпоральные процессы – исследования, размышления, коммуникации, процессы заключения договоров и соглашений – временные затраты которых заранее неизвестны. Именно тогда возникает нехватка времени, цейтнот. Он рождается из незнания вопроса: за какой определенный период времени может быть выполнено желаемое.

Н. Луман рассматривал время как медиум управления непредвиденными обстоятельствами (Kontingenzbewältigung). Благодаря ему понятие «непредвиденные обстоятельства» (Kontingenz) стало осознаваться как центральный вопрос

чувства жизни в позднем модерне. Он говорит о «материальном измерении» и «социальном измерении» каждой задачи, которые состоят в отношении со временем. В модерне возникает принципиально бесконечное материальное измерение (никто всего не прочитал, никто всего не просчитал, никто всего не передумал) и бесконечное социальное измерение. Цейтнот возникает из этой бесконечности.

Одна из теорий современного цейтнота – дромология – основана на идее, согласно которой ускорение техники, как это происходит в транспорте, производстве, коммуникации, непосредственно проецируется на ускорение жизни (Поль Верильо). Чем быстрее передвигаются автомобили, поезда, самолеты, чем быстрее происходит передача информации, тем более стремительным должно быть человеческое бытие и тем выше его цейтнот. Однако двигаются аппараты, а человек находится в это время в состоянии покоя. Мобильная связь не гарантирует ускорения самой жизни. Нет и не может быть тождества между технической скоростью и скоростью человеческого бытия. Человек и техника – не одно и то же. Цейтнот стал повсеместным и обычным явлением. Уже наблюдения Н. Лумана показывают, что формула «скорость порождает скорость», так же как формула «только зло порождает зло» – слишком проста. Как зло часто происходит из добра, так и цейтнот, по мнению Н. Лумана, довольно часто рождается из медлительности, а не из скорости, не от темпорального сокращения процессов, а, напротив, из их небывалого *продлевания*.

Модерн – эпоха бесконечного размышления, бесконечного дискутирования, бесконечного улучшения и бесконечного отодвигания, бесконечной отсрочки, которые ограничивают пространство возможностей на пути времени [4, с. 67].

В этом отношении модерн является самой медленной эпохой в человеческой истории. Постоянное ожидание чего-то – какой-либо идеи, результата переговоров или соглашений, бюрократической обработки, результата исследования, перепроверки результата исследования, конца обучения, личностного развития. При этом все, что продлевается, сопровождается неопределенностью и непредсказуемостью.

К опыту темпорального продлевания относится также проблема бесконечности возможного. Уже потому, что человек вынужден реализовывать больше возможностей, возникает цейтнот. При этом совсем не обязательно возникает «ускорение» жизни. У человека, находящегося во времени, лишенном структуры, вместо временных горизонтов появляются временные возможности,

временные расписания дня, возможные недели, месяцы, дни. Если цейтнот – необходимость, то временная неопределенность – возможность. Человек, находясь в своей действительности в состоянии бездеятельности, пассивности, попадает постепенно в горизонт бесконечных нереализованных возможностей [4, с. 228–229].

Ситуацию можно скорее назвать рискованно двойственной: одновременно существуют спешка и ничегонеделание (безделие). В мире неограниченных возможностей отдельный индивид не имеет больше никаких объективных границ. Лишь время остается последней объективной границей и тематизируется как время жизни, продолжительность жизни, как сама жизнь, и потому возникает такое чувство, что жизненное время ускользает, уходит напрасно.

Жить в мировом обществе риска, отмечает У. Бек, значит жить в непреодолимом незнании, точнее, одновременно с угрозой и незнанием и возникающими отсюда политическими общественными и моральными парадоксами и дилеммами. Вследствие глобальности угрозы вместе с незнанием возрастают необходимость и потребность принимать решения на грани жизни и смерти. Термин «общество знаний» У. Бек называет «эвфемизмом первого модерна». В мировом обществе риска мы имеем дело с «обществом незнания», причем оно не может быть преодолено, как, например, это имело место в предмодерне – большим или лучшим знанием, лучшей наукой, а как раз напротив, создается лучшей и большей наукой. При этом У. Бек особое внимание обращает на то, что он не отождествляет знание и истину и понимает незнание «не в когнитивном смысле философии, теоретической науки или естественных наук, а в смысле социологии, где знание отождествляется с ожиданием» [1, с. 211]. В мировом обществе риска человек не знает, что его ожидает.

Выводы

Анализ эвентуальности философии человека в обществе риска раскрывается через единство двух измерений понимания человеческого бытия – семантического и темпорального. Семантика риска в условиях современности включает в себя тематизацию будущих опасностей, которые часто являются результатом успеха цивилизационного развития. Риск и время оказываются неразрывно связанными феноменами, что предполагает, наряду с рассмотрением семантики риска, анализ семантики времени. В принципе понятие «риск» обозначает будущее, которое нельзя предсказать, даже когда риск, казалось бы, рассчитан. Темпоральная семантика современ-

ности делает возможной рефлексию, которая не подчиняется больше рациональной калькуляции, что не в последнюю очередь связано с проблемой цейтнота. Она должна учитывать слишком много возможных состояний человека и общества. Тем самым теряется объективный критерий в оценке и предвидении рисков. Таким образом, эвентуальность философии человека раскрывается через рефлексивность времени, которое в обществе риска становится допустимой опасностью темпоральной негативности возможного – в действии и в мышлении.

Список литературы

1. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. 437 S.
2. Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека : логика и ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265–269. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
3. Luhmann N. *Soziologie des Risikos*. Berlin ; New York : De Gruyter, 2003. 252 S.
4. Hillenkamp S. *Negative Moderne*. Stuttgart : Klett-Cotta, 2016. 384 S.
5. Geyer Ch. Niklas Luhmann. *Die Knappheit der Zeit und die Vordringlichkeit des Befristeten*. Berlin : Kulturverlag Kadmos, 2013. 160 S.

References

1. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit* [World risk society. In search of the lost security]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2015. 437 S.
2. Lomako O. M. World risk society in Ulrich Beck's political philosophy: Logic and irony). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 265–269 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
3. Luhmann N. *Soziologie des Risikos* [The Sociology of Risk]. Berlin, New York, De Gruyter, 2003. 252 S.
4. Hillenkamp S. *Negative Moderne* [Negative Modern]. Stuttgart, Klett-Cotta, 2016. 384 S.
5. Geyer Ch. *Niklas Luhmann. Die Knappheit der Zeit und die Vordringlichkeit des Befristeten* [The Scarcity of Time and the Urgency of the Temporary]. Berlin, Kulturverlag Kadmos, 2013. 160 S.

Поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 13.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 13.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 144–149
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 144–149
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-144-149>

Научная статья
УДК 1:101

Э. В. Ильенков и борьба за подлинный марксизм: философское свободомыслие в позднем СССР

Д. В. Михель

Институт всеобщей истории РАН, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр., д. 32а

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Аннотация. В статье рассматриваются жизнь и философское творчество советского философа-марксиста Э. В. Ильенкова, подчеркивается важность вдумчивого возвращения к его философским идеям. На материале отдельных текстов Ильенкова и с опорой на современные исследования его творчества рассматриваются три сюжета: борьба философа за сохранение идей Маркса в рамках советской философии, его представления о судьбах социализма в СССР, его отношении к Западу и влиянию западных философских идей на советское общество. Ильенков показан как носитель иного типа мышления, представляющего собой вызов для современной философской культуры. Свою борьбу за марксизм он связывал с необходимостью реформирования партийно-идеологической системы на основе возвращения к аутентичным идеям Маркса и Ленина. Будущее социализма в СССР философ видел в переходе от «грубого коммунизма» к состоянию полного освобождения человека от власти частной собственности. Запад он воспринимал как бездуховную власть частной собственности, а современные западные течения мысли – как формы ее апологии. Формулируется вывод, согласно которому философское свободомыслие Ильенкова осталось марксистским донкихотством в рамках советской действительности.

Ключевые слова: Э. В. Ильенков, советская философия, философское свободомыслие, марксизм, социализм, Запад

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10053).

Для цитирования: Михель Д. В. Э. В. Ильенков и борьба за подлинный марксизм: философское свободомыслие в позднем СССР // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 144–149. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-144-149>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

E. V. Ilyenkov and the struggle for genuine Marxism: Philosophical freethinking in the later USSR

D. V. Mikhel

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Ave., Moscow 119334, Russia

Dmitry V. Mikhel, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Abstract. Introduction. The article deals with the life and philosophical work of the Soviet Marxist philosopher E.V. Ilyenkov. It emphasizes the importance of a thoughtful return to his philosophical ideas. **Theoretical analysis.** Based on selected texts by Ilyenkov and with reference to contemporary studies of his work, three subjects are examined: the philosopher's struggle to preserve Marx's ideas within Soviet philosophy, his ideas about the fate of socialism in the USSR, and his attitude toward the West and the influence of Western philosophical ideas on Soviet society. Ilyenkov is shown as a bearer of a different type of thinking, which is a challenge for contemporary philosophical culture. He associated his struggle for Marxism with the need to reform the party-ideological system through the return to authentic ideas of Marx and Lenin. He saw the future of socialism in the USSR in the transition from "rough communism" to a state of complete liberation of a man from the power of private property. He perceived the West as the soulless power of private property, and modern trends of Western thought as forms of its apology. **Conclusions.** It is concluded that Ilyenkov's philosophical freethinking remained Marxist quixotry within the framework of Soviet reality.

Keywords: E.V. Ilyenkov, Soviet philosophy, philosophical freethinking, Marxism, socialism, West

Acknowledgements: The paper was prepared as part of the Russian Science Foundation (grant No. 20-78-10053).

For citation: Mikhel D. V. E. V. Ilyenkov and the struggle for genuine Marxism: Philosophical freethinking in the later USSR. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 144–149 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-144-149>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Когда возникает вопрос о том, какой была духовная и интеллектуальная жизнь в поздний период существования Советского Союза, то перед нами с неизбежностью возникает фигура одного из наиболее ярких советских философов того времени – Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979). Начало его философского пути пришлось на время хрущевской «оттепели», когда среди советских философов возродились надежды на то, что каждому члену общества будет дана возможность полного творческого самовыражения, в том числе полной свободы мысли. С наступлением эпохи «застоя» эти надежды были утрачены, а возможности для философского свободомыслия исчезли. Ильенков не мог не размышлять над этими изменениями и остро переживал происходящее. Этот последний крупный марксистский философ советской эпохи своей жизнью и творчеством поставил так много вопросов, что на них до сих пор нет однозначных ответов – и это несмотря на то, что его непосредственные ученики и ближайшие последователи проводят большую работу, призванную сблечь его наследие и актуализировать наиболее значимые аспекты его мысли.

При рассмотрении философского творчества Ильенкова раз за разом хочется спрашивать о том, кем он был в лагере советских философов – непримиримым критиком официального советского марксизма или его последним защитником; как виделось ему развитие социализма в нашей стране в 1960-е и 1970-е гг. – чередой все более частых неудач или победоносным шествием, в ходе которого возникают лишь временные трудности; каким было его отношение к Западу, имея в виду тот факт, что марксизм как явление имеет западное происхождение? В статье предлагается вернуться к обсуждению этих вопросов, поскольку это позволит не только составить более полное представление о жизни и творчестве Ильенкова, но и уточнить наше понимание феномена философского свободомыслия в позднем СССР.

Теоретический анализ

Во второй половине 1960-х гг. Ильенков написал в ЦК КПСС письмо (точная дата его написания неизвестна; до сих пор также неясно, дошло ли оно до своего адресата), в котором охарактеризовал положение дел в современной ему отечественной философии. В этом письме он аргументированно обосновал, что марксистская философия в СССР все более вытесняется на периферию философской культуры. Вместо

марксистско-ленинской диалектики в Институте философии АН СССР и на философском факультете МГУ поощряется позитивизм – философия идеологически враждебная марксизму; новое поколение философов отказывается заниматься диалектикой, а вместо философии как науки продвигаются не имеющие никакой ценности «методологические проблемы» различных областей современного научного знания. Ильенков отмечал, что та же ситуация складывается и на страницах такого авторитетного издания, как многотомная «Философская энциклопедия», редактором которой он в то время работал. В ее 3-м и 4-м томах статей по проблемам диалектического и исторического материализма оказалось значительно меньше, чем статей по математической логике; иначе говоря, и здесь позитивизм вытеснял марксизм волей составителей энциклопедии и привлекаемых ими авторов.

Ильенков видел такое положение вещей недопустимым и подчеркивал, что оно ведет к деградации марксистско-ленинского философского учения. В качестве средства против этого ползучего выдавливания марксизма из советской философской культуры он предлагал вернуться к ленинскому пониманию философии и ее предмета. «Надо кончать с разбродом в понимании самого существа философии как науки... надо полностью восстановить ленинские нормы в области философии. Восстановить ленинский уровень ее культуры и грамотности» [1, с. 384]. Ильенков отмечал, что плохое знание марксистско-ленинской философии ведет к ее «позитивистскому извращению». По этой причине партийному руководству страны следует взять под контроль процесс подготовки философских кадров, сосредоточив усилия на воспитании интеллектуалов, способных передать новым поколениям идеи Маркса и Ленина без их искажения. «Через 10–15 лет у нас в стране вообще не останется людей, занимающихся философией в ее марксистско-ленинском понимании» [1, с. 386].

Это письмо точно диагностировало те проблемы, которые сложились в сообществе советских философов уже в 1960-е гг. Советская философская общественность в те годы начала свой скрытый отказ от марксизма-ленинизма, не связывая с ним уже ни свою собственную судьбу, ни судьбу своей страны. А. А. Гусейнов, анализируя философскую позицию Н. В. Мотрошиловой и других философов-шестидесятников, по этому поводу тонко заметил: «Философы-шестидесятники ориентировались

на философский Запад, хотели быть на его уровне, войти в его тематическое и проблемное поле... Они стали рассматривать философию не в перспективе коммунистического идеала, а в перспективе либеральных ценностей. Речь шла не о прокламациях, а о смене философских приоритетов, имен, тем (Платон вместо Демокрита, Декарт вместо Гельвеция, Кант вместо Гегеля, аксиология вместо классового подхода, бытие вместо материи)» [цит. по: 2, с. 9].

Тем не менее и критикуемые Ильенковым советские западники, официально остававшиеся на марксистских позициях, и сам Ильенков со все более малочисленными единомышленниками в значительной степени находились по одну сторону баррикад в отношении господствующей в СССР политико-идеологической системы. Все они желали ее глубокого реформирования, но Ильенков – на основе ленинских норм, а советские философы-западники – по лекалам западного либерализма. Общее недовольство господствующей системой нарастало со времен XX съезда КПСС, когда развенчание культа личности Н. С. Хрущевым посеяло среди советских интеллектуалов надежды на грядущие перемены. Еще более оно усилилось после отстранения от власти самого Хрущева, когда многие осознали, что «оттепель» кончилась, и страна скатывается в «застой».

Почему Ильенков в своей критике официального марксизма выступил за возвращение именно к «ленинским нормам» и отверг поворот на Запад, на чем исподволь настаивали шестидесятники? При ответе на этот вопрос можно согласиться с Ю. В. Пущаевым, который считает, что после XX съезда структура марксизма как мировоззрения в Советском Союзе коренным образом изменилась: как В. И. Ленин, так и И. С. Сталин совмещали в себе две функции – вождя партии и главного философа-теоретика; оба не только руководили страной, но и публиковали теоретические труды и активно высказывались по философским вопросам; Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев совершенно отказались от роли интеллектуалов, передоверив ее своим помощникам по идеологической линии; марксизм как правящая философия фактически был отброшен самими вождями. «Философов на самой вершине власти уже не было и быть не могло» [3, с. 32].

Понятно теперь, почему письма Ильенкова в ЦК и другие руководящие органы оставались без ответа. На вершине советской политико-идеологической системы не было никого, кто мог бы его услышать. Среди советских фило-

софов Ильенков был одним из немногих, если не последним, кто твердо придерживался марксистских позиций. Но его борьба за подлинный марксизм была обречена на провал, поскольку ни среди своих коллег, ни в высших эшелонах власти к этому времени уже не было никого, кто хотел бы спасти марксистско-ленинское учение и тем более использовать его для решения жизненно важных проблем, стоящих перед страной.

Оставаясь до конца философом-марксистом, Ильенков всегда был политическим мыслителем, размышлявшим о судьбах страны. Проблема, которая больше всего его беспокоила в последние два десятилетия жизни, касалась того, что современное советское общество недостаточно социалистическое и продолжает нести на себе «родовые пятна капитализма». В апреле 1966 г. Ильенков подготовил доклад «Маркс и западный мир», который должен был прозвучать на философском конгрессе в США. Самого Ильенкова в США не пустили, но доклад был там опубликован на английском языке и вызвал резонанс в советских партийных и интеллектуальных кругах.

Особое внимание при изучении доклада Ильенкова, конечно, вызвала та часть, где он рассуждал о марксовом понимании коммунизма. Согласно Ильенкову Маркс не сразу стал коммунистом, а подошел к коммунизму как теоретик, изучавший вопрос о том, почему идеи коммунизма овладели большим числом людей в наиболее развитых западных странах – Англии и Франции. Проанализировав труды молодого Маркса, Ильенков пришел к выводу о том, что на Западе коммунизм родился не в головах людей, а вырос из реальных условий социально-экономического развития, а именно из процесса подчинения человека институту частной собственности и вытекающей из этого его потребности освободиться от «отчуждающего» подчинения. Вывод Маркса, цитирует классика Ильенков, таков: «Коммунизм... как таковой... не есть цель человеческого развития... коммунизм является... для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего» [4, с. 162].

Торжество частной собственности по Ильенкову способствует распространению «профессионального кретинизма» [5, с. 368, 371], т.е. подчинению всей жизни человека какой-то одной производственной функции, его закабалению. Коммунизм рождается из естественного стремления человека к свобо-

де, из нежелания быть только «винтиком» в капиталистической социально-экономической машине. Когда энергия массового несогласия с этим обстоятельством приобретает зримые формы, начинается процесс освобождения человека от давящей силы частной собственности. Этот процесс, однако, носит диалектический характер. Анализируя Маркса, Ильенков вынужден констатировать, что на первом этапе перехода от частной собственности к общественной происходит лишь «формально-юридическое обобществление собственности», которая становится собственностью общенародной, но сосредоточивается в руках правящей партийно-бюрократической элиты. Это стадия «грубого и непродуманного коммунизма». «Но этот “грубый коммунизм”, верно осознающий свою ближайшую цель – отрицание частной собственности, сочетается с иллюзией, будто бы чистая негативная акция и есть “позитивное разрешение” всех проблем современной цивилизации» [4, с. 162].

«Грубый коммунизм» – это только начало процесса освобождения человека от власти частной собственности, от частичности и не-свободы. Но этот тип коммунизма и был тем социализмом, который утвердился в СССР. Никакого дальнейшего движения по освобождению человека не происходило; он продолжал оставаться «винтиком» в рамках партийно-бюрократической системы, демонтаж которой был обещан и Марксом, и Лениным в «Государстве и революции». Ильенков же предлагал вернуться к идеям классиков и напоминал о том, что коммунизм – это, прежде всего, процесс и движение к тому состоянию, когда собственность по-настоящему станет общенародной, перейдя в подлинное распоряжение каждого индивида, а человек из «винтика» превратится в «тотально развитую личность». Без таких личностей подлинный коммунизм вообще невозможен. Причем, утверждает Ильенков, «реализацию коммунистического идеала ни в коем случае нельзя откладывать “на завтра”. Его нужно реализовать сегодня, сейчас» [5, с. 376].

В своей защите социализма Ильенков всегда подчеркивал значимость двух наук – политической экономии и педагогики, в которых видел главное средство формирования всесторонне развитых личностей, из которых и складывается коммунистическое общество. Всегда много уделяя внимания вопросам образования, воспитания, школьного дела, Ильенков в этой связи также указывал и еще на один немаловажный момент. Идеи классиков марксистско-ленинской

философии, особенно идеи Маркса, должны были перейти из книг, где им было суждено забвение и умирание, в головы большого числа людей. Переход от «грубого коммунизма» к его следующему этапу, сопровождающемуся избавлением от государства и внешнего принуждения, непременно предполагал «присвоение этих идей каждым участником коммунистического движения» [4, с. 165]. Однако этого в Советском Союзе упорно не происходило, в том числе и по причине саботажа данного процесса со стороны партийно-бюрократического аппарата и философов, отказывавшихся от марксизма в пользу других типов мысли.

До нас дошла небольшая записочка, переданная осенью 1970 г. Ильенковым своему студенту на философском факультете МГУ Н. Б. Шулевскому. В ней перечислены авторы философских трудов, которых он рекомендовал молодому человеку освоить, чтобы получить в свое распоряжение «азбуку разума». В списке всего 17 имен – от Платона до Маркса и Ленина, а также русского религиозного философа, монархиста И. А. Ильина. Имя последнего в высшей степени неожиданно, хотя Ильенков назвал лишь одну работу русского мыслителя – «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и Человека» [6, с. 237]. Упоминание Ильенковым имени Ильина свидетельствует о том, что он был неплохо осведомлен о творчестве представителей того философского лагеря, к которому всегда относился враждебно. Однако нам представляется, что дело не только в этой осведомленности, а в том, что Ильенков каким-то особенным образом связывал в своем собственном восприятии Гегеля, Маркса и русскую философию.

А. Д. Майданский, анализируя мировоззрение Ильенкова, отзывается о нем следующим образом: «По делам своим и по устремлениям души Э. В. Ильенков принадлежал к породе “русских европейцев” – людей европейски мыслящих, но при этом не являющихся “западниками” в тесном смысле слова» [7, с. 93]. В самом деле, всю свою жизнь ведя интеллектуальную борьбу за спасение наследия Маркса, Ильенков боролся со скрытым западничеством на советской почве в лице набирающих популярность среди его коллег неопозитивизма и аналитической философии, не говоря уже о его негативном отношении к другим направлениям современной западной мысли. Ни одного имени западного философа XX в. в списке, продиктованном студенту-философу, у Ильенкова не было. Но была между тем важная ремарка:

«Только тогда, когда мы научимся смотреть на мир, на себя и на мышление глазами основных философских систем... можно читать, изучать любые учения и книги, не беспокоясь о своем духовном здоровье» [6, с. 237]. Иначе говоря, знакомство с идеями философии XX в., прежде всего западной, по мысли Ильенкова, могло представлять угрозу для духовного здоровья молодого советского интеллектуала. Похоже, для самого Ильенкова эта оговорка была вовсе не случайной.

В. М. Межуев, сохранивший симпатии к марксизму и после распада СССР, откровенно заявлял о том, что Ильенкова следует воспринимать не просто как марксиста, а как типично русского философа [6, с. 52]. По его мнению, Ильенков разделял общее для всей русской философии убеждение о сущностном противоречии между «цивилизацией» и «культурой», где цивилизация всегда есть порождение распада и бездуховности, а культура – творение народного духа. Позитивизм, неопозитивизм и вообще западную немарксистскую философию Ильенков понимал как идейную апологию бездуховности «цивилизации» и капитализма, тогда как в марксизме и его диалектике он находил воплощение народных чаяний о свободном развитии каждого человека. Кроме того, по мысли Межуева, Ильенков, как до него А. А. Блок, остро осознавал нарастающее укрепление «буржуазного духа» в советском обществе, причем уже почти сразу после осуществления «пролетарской революции» [6, с. 51]. «Дух капитализма» в окружающей его советской действительности и отступление от подлинного марксизма в сторону новомодных западных философских течений стали для Ильенкова тем вызовом, на который он стремился ответить как личность и как философ-марксист. Тем не менее, утверждает Межуев, Ильенков как «последний марксист-романтик, рыцарски отстаивающий высокие и гуманные идеалы культуры в мире, где все больше набирают силу идола цивилизации», не справился с этим вызовом. «Эпоха возвышенного гегельянски-марксистского донкихотства кончилась» [6, с. 53]. Причем она закончилась еще при жизни Ильенкова, и поэтому вовсе не удивительно, что в августе 1991 г. на защиту распадающегося на части социалистического государства в огромной стране почти никто не вышел.

Весьма сильное утверждение Межуева о философской позиции Ильенкова выглядит вполне обоснованным, если обратиться к текстам самого Эвальда Васильевича. В своем до-

кладе, подготовленном для конгресса в США, он примечательным образом провел границу между Западом и Востоком: «Мир делится на “западный” и “восточный” по иному критерию: этот критерий – форма собственности... трещина проходит через самое сердце современной культуры, вовсе не совпадая с географическими рубежами и политическими границами современного мира. Она пролегает не только между партиями внутри одной и той же страны, но часто даже и через ум и сердце одного и того же человека» [4, с. 157]. Все, что разделяет «цивилизацию» и «культуру», «дух капитализма» и его отрицание, «западное» и «восточное», следовательно, есть повсюду – как на Западе, так и на Востоке. Поддержав «западное» на Востоке, партийно-идеологический аппарат и советские интеллектуальные круги по Ильенкову предали саму возможность «восстановления полного индивидуального развития» и достижения людьми «реального, земного идеала» [4, с. 167–168].

Выводы

Поводя итог сказанному, нельзя не видеть, что Ильенков не нашел поддержки своим идеям ни в кругах партийно-государственного руководства, ни среди подавляющего большинства коллег. Его философское свободомыслие – и в прочтении текстов Маркса, и в понимании развития социализма, и в отношении к Западу – так и осталось марксистским донкихотством в рамках советской действительности, неумолимо отвергающей заветы классиков марксизма-ленинизма. Как метко заметил Межуев, Ильенков оказался человеком «не от мира сего», тем, кто разошелся со своим временем [6, с. 54]. В самом деле, своей жизнью и своим творчеством он знаменовал конец марксизма в России.

Список литературы

1. Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В. И. Толстых. М. : РОССПЭН, 2009. 431 с.
2. Мотрошилова Н. В. Работы разных лет : избранные статьи и эссе. М. : Феноменология-Герменевтика, 2005. 576 с.
3. Пуцаев Ю. В. Философия советского времени : М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). М. : ИНИОН РАН, 2018. 356 с.
4. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
5. Ильенков Э. В. Идеал : Собр. соч. Т. 3. М. : Канон+РОИИ «Реабилитация», 2020. 512 с.
6. Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков : (Книга – диалог) / сост. и ред. В. И. Толстых. М. : Институт философии РАН, 1997. 240 с.

7. Майданский А. Д. «Русский европеец» Э. В. Ильенков и западный марксизм // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 93–100.

References

1. Tolstykh V. I., ed. *Ewald Vasil'evich Ilyenkov*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 431 p. (in Russian).
2. Motroshilova N. V. *Raboty raznykh let: izbrannye statyi i esse* [Works of Different Years: Selected Articles and Essays]. Moscow, Filosofiya-Germenevtika Publ., 2005. 576 p. (in Russian).
3. Pushchaev Yu. V. *Filosofiya sovetskogo vremeni: M. Mamrdashvili i E. Ilyenkov (energii ottalkivaniya i priyazheniya)* [Philosophy of the Soviet Age: M. Mamardashvili and E. Ilyenkov (Repulsion and Attraction Energies)]. Moscow, INION RAN Publ., 2018. 356 p. (in Russian).
4. Ilyenkov E. V. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture]. Moscow, Politizdat, 1991. 464 p. (in Russian).
5. Ilyenkov E. V. *Ideal: Sobranie sochineniy* [An Ideal: Collected Works]. Vol. 3. Moscow, Kanon+ ROII "Reabilitatsiya" Publ., 2020. 512 p. (in Russian).
6. Tolstykh V. I., compl. and ed. *Drama sovetskoi filosofii. Evald Vasilevich Ilyenkov: (Kniga – dialog)* [The Drama of Soviet Philosophy. Evald Vasilevich Ilyenkov: (Book – Dialogue)]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 1997. 240 p. (in Russian).
7. Mайдanskiy A. D. E. V. Ilyenkov's "Russian European" and Western Marxism. *Voprosy filosofii* [Voprosy filosofii], 2015, no. 3, pp. 93–100 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 13.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 150–154

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 150–154

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-150-154>

Научная статья

УДК 1(091)

Синтез любви и страдания в философии С. Л. Франка

К. А. Мочинская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мочинская Ксения Александровна, аспирант кафедры теологии и религиоведения, kсения_mochinskaya@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2484-2440>

Аннотация. В статье рассматривается понятие синтеза в переживании любви и страдания. В контексте исследования проблемы значимыми оказались труды русского религиозного философа С. Л. Франка. Анализируется понятие «синтез» в рамках концепции метафизики всеединства мыслителя. Концептуальное значение синтеза определяется в соотношении антиномичных частей бытия. Устанавливается, что любовь и страдание – противоположные по смыслу чувства. Раскрывается значение каждого из указанных ощущений. Любовь представляется категориями «признания» и «обладания». Страдание осмысляется как «несовершенство» или «трагизм» бытия. Философ характеризует специфику обозначенных чувств как предмет душевной жизни. В таком направлении выявляется динамизм, присущий любви и страданию. Диалектика, свойственная каждому из чувств, позволяет оценить их: определить положительное или отрицательное значение. В рефлексии ощущений обнаруживается противоречие между ними. Страдание воспринимается как нечто отрицательное, а любовь как положительное, в чем и проявляется их антиномичный характер. При анализе такого соотношения формулируется вывод о возможности синтеза отмеченных чувств с доминирующим вектором поиска положительного. Это положение подразумевает преодоление противоречия в области «непостижимого» через резиньяцию.

Ключевые слова: синтез, философия любви, философия страдания, антиномия, резиньяция, русская религиозная философия, метафизика всеединства

Для цитирования: Мочинская К. А. Синтез любви и страдания в философии С. Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 150–154. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-150-154>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Synthesis of love and suffering in the philosophy by S. L. Frank

K. A. Mochinskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kseniya A. Mochinskaya, kсения_mochinskaya@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2484-2440>

Abstract. Introduction. The article considers the concept of synthesis in the experience of love and suffering. In the context of the study of the problem, the works of the Russian philosopher S. L. Frank turned out to be significant. **Theoretical analysis.** The analysis of the notion of synthesis is carried out within the framework of the concept of the metaphysics of the all-unity of the thinker. The conceptual meaning of synthesis is determined in the ratio of antinomic parts of being. It is established that love and suffering are feelings opposite in meaning. The value of each of these sensations is revealed. Love is represented by the categories of “recognition” and “possession”. Suffering is understood as the “imperfection” or “tragedy” of being. The philosopher characterizes the specifics of the designated feelings as the subject of mental life. In this direction the dynamism, inherent in love and suffering is identified. The dialectic, inherent in each of the senses, allows us to evaluate them: to determine their positive or negative meaning. In the reflection of sensations, a contradiction between them is revealed. Suffering is perceived as something negative, and love as positive, in which their antinomial character is manifested. **Conclusions.** When analyzing such a ratio, a conclusion is formulated about the possibility of synthesizing the noted feelings with a dominant vector of the search for positive. This provision implies the overcoming of the contradiction in the field of the “unknowable” through a resignation.

Keywords: synthesis, philosophy of love, philosophy of suffering, antinomy, resignation, Russian religious philosophy, metaphysics of all-unity

For citation: Mochinskaya K. A. Synthesis of love and suffering in the philosophy by S. L. Frank. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 150–154 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-150-154>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Синтез в переводе с греческого языка означает «соединение» различных частей и сторон исследуемого предмета в некую целостность. Следовательно, изучение этого предмета заключается в осмыслении единства и взаимосвязанности его составляющих. Именно подобный подход, по мнению таких известных авторов трудов по истории русской философии, как В. В. Зеньковский и Н. О. Лосский, отражен в метафизике всеединства С. Л. Франка. Как полагает современный исследователь В. П. Рожков, в работах отмеченных философов предпринята попытка создания Франком философии «всеобъемлющего синтеза» [1, с. 239]. В свете обозначенных позиций представляется концептуально продуктивным выявить особенности рефлексии синтеза любви и страдания в духовно-нравственном контексте метафизики всеединства.

Теоретический анализ

Прежде всего, при постижении переживания страдания и любви ощущается содержание определенной смысловой противоположности в их проявлении. Как полагает С. Л. Франк, подобный аспект возможно обосновать в онтолого-гносеологической интерпретации. При этом выявляется характерный для философа акцент на реализацию принципа онтолого-гносеологического единства как синтеза, предполагающего «единство знания и его предмета» [2, с. 39]. Рассуждая в таком контексте, С. Л. Франк пишет: «Отображение непосредственного восприятия непостижимого как самооткрывающейся трансрациональной реальности в измерении сужающего познания, т. е. мышления, совершается, следовательно, через усмотрение безусловно неразрешимого, непреодолимого никакими новыми, высшими понятиями, антиномизма в существе непостижимого» [3, с. 311]. Здесь философ использует понятие «суждение», указывая на его методологическое значение. Мыслитель полагает: в свете любого суждения раскрывается «соотношение вещей», являющееся «логически уловимым», что в данном смысле само по себе выражает нечто положительное. Следовательно, усматривается «трансрациональное единство», которое дано через «двойное утверждение – как положительного, так и отрицательного соотношения, – т. е. имеет форму антиномизма» [3, с. 311]. Причем понятие антиномии выступает в дихотомическом контексте, где любые возникающие противоречия не исключают, но взаимообуславливают друг друга. Согласно обозначенному аспекту С. Л. Франк указывает,

что подобное осознание антиномизма – часть мышления, стремящегося к «непостижимому», но неспособного осмыслить его.

Такое мышление представляется «трансцендентальным», а возможность обнаружить именно «непостижимое» реализуется через антиномическое восприятие или познание. Оно и выражается в противоположных по смыслу суждениях, поскольку указанная форма познания заключается в «витании» между положительным и отрицательным: «трансрациональная истина лежит именно в невыразимой середине, и несказанном единстве между этими двумя суждениями» [3, с. 312]. Истина определяется мыслителем как «непостижимое» или «единство познаний», являющихся «несогласимыми» в синтезе. Философ подчеркивает, что человек пребывает в состоянии резиньяции, отказываясь от поиска синтеза в противоречии. А в ощущении возникает «витание» между противоположными по смыслу понятиями.

Очевидно, что в подобном аспекте резиньяция осознанна, поскольку через осмысление обозначенного «витания» усматривается «единство двух познаний» [3, с. 313], где раскрывается истина. В данном контексте мыслитель характеризует состояние реальности как «устойчивое». Следовательно, в единстве противоположностей обнаруживается истина.

Так и раскрывается содержание понятия «синтез». При характеристике соотношения противоположного С. Л. Франк обращается к изысканиям философа и теолога Николая Кузанского: «Совпадение есть противоречие без противоречия» [4, с. 61]. Синтез, охватывающий реальность, по смыслу «трансрационален» и является очевидным, но невыразимым. Такое определение связано с ощущением резиньяции, поскольку с обозначенным синтезом можно лишь соприкоснуться, а осознанный отказ от его поиска в противоположных понятиях приводит к «охваченности» им.

Этот «непостижимый», по выражению С. Л. Франка, аспект содержит в себе преодоление: в резиньяции человек преодолевает всякое противоречие. Необходимо отметить, что возможность преодоления – это путь к истине. Причем ее критерием выступает преодоление в философской интерпретации, где подразумевается понимание или усвоение. Мыслитель объясняет то, что осознательность «именно одновременная антиномистическая значимость в отношении непостижимого противоречащих друг другу суждений» [3, с. 314]. Иными словами, в свете «непостижимого» не требуется отрицание возникающего противоречия. Напротив, необходимо его осмысление, что выражается в преодолении. Здесь и выявляется понятие «синтез».

При изучении метафизики всеединства С. Л. Франка такой аспект рассматривается Н. О. Лосским. Мыслитель акцентирует внимание на том, что «непостижимое» находится вне границ противоречия, а само отрицательное значение преодолевается. Он подчеркивает именно «отрицание отрицания» и объясняет: суть заключается в избавлении от противоречия в противоположном, а также «в сохранении его положительного значения – связи между обособленными дифференцированными сущностями» [5, с. 393]. Это онтологический аспект, восходящий к единству, где отрицательное значение преодолевается в «непостижимом», что находится за пределами противоречия.

При осмыслении болезненного переживания возможно сделать вывод о том, что оно заключает в себе нечто отрицательное. Страдание в сознании человека понимается как неприятное и негативное проявление существования. В онтологическом смысле С. Л. Франк так и определяет мучение: боль в действительности связана с выражением «трагизма» жизни. Само наличие страдания, душевного или телесного, доказывает трагичность существования человека, вынужденного признавать собственное тягостное переживание.

Однако смирение с фактом существования боли искажает смысл трагедии и ведет к состоянию отчаяния. Такая безысходность и выражает отрицательное проявление страдания, ведет к бесцельному стремлению ощущать мучение, т. е. «упиваться» им. Как полагает С. Л. Франк, смысл трагедии в преодолении и «ей присущ динамизм, влекущий к ее разрешению» [6, с. 433]. По этой причине необходим выход из состояния страдания, поскольку оно «неустойчиво». В самом проявлении трагичности жизни заключена возможность пережить мучение, преодолеть его.

Проблема страдания интерпретируется философом как «несовершенство» реальности. Примечательно, что тягостное переживание связано с аспектом зла. Однако мыслитель полагает: существование страдания является лишь его следствием и возникает из «распада всеединства» [3, с. 549]. В онтологическом смысле подобный распад разделяет единство бытия на различные части, его составляющие. Именно поэтому их взаимодействие при таком разделении приобретает противоречивый характер.

Страдание возникает из этого распада, что выражается через «противоборствующие части» бытия. Смысл тягостного переживания раскрывается через противоречие, которое, по мнению С. Л. Франка, возможно преодолеть. Здесь устраняется и зло в страдании, поскольку в значении такого переживания боли содержится

положительный смысл. Философ полагает, что важно именно «перестрадать» мучение. Следовательно, в стремлении пережить боль заключена его положительность. Противоречивый характер страдания трансформируется из отрицательного и тягостного аспекта существования, связанного со злом, в положительный и выступает благом или добром.

Смысл любви, полагает С. Л. Франк, также противоречив. Это выражается в ее ощущении. Обозначенный феномен реализуется в отношении «я» к «ты», где «ты» – другой по отношению «ко мне» человек. Философ подчеркивает, что любовь выражена через трансформацию восприятия «ты» как «я» в сознании человека. По мнению мыслителя, здесь и проявляется противоречие, поскольку любовь выражается в категориях «признания» и «обладания» [3, с. 375].

По смыслу обозначенные понятия противоречивы. По этой причине в феномене любви усматривается «колебание» в отношении «я» и «ты»: в одном направлении как к «бытию «я», т. е. через признание реальности «ты», в другом – как «самобытия», что принадлежит «я» и представляется через обладание «ты». Согласно С. Л. Франку в любви обнаруживается соотношение этих ощущений. Следовательно, в признании и обладании выражен антиномичный характер указанного чувства. Здесь не требуется исключение одной из категорий, поскольку идеал любви реализуется в обозначенном «колебании».

Такой аспект выражает динамизм данного феномена, который является основой душевной жизни человека. Философ полагает, что именно динамический характер содержания любого чувства создает возможность для его положительной или отрицательной оценки. Отсюда возникают «элементарные душевные реакции типа “приятного” и “тягостного”» [2, с. 524], которые позволяют выявить противоречие в соотношении различных ощущений. Очевидно, что любовь и страдание в такой интерпретации антиномичны друг другу. При этом в этот момент блаженство противопоставлено страданию. Следовательно, встает вопрос относительно возможности синтеза обозначенных чувств.

В смысле страдания синтез реализуется в осознании боли, а точнее через ее преодоление. Только таким образом устраняется зло в мучении, а переживание теперь заключает в себе положительное значение. В любви противоречивый характер приобретает и сама взаимосвязь «я» и «ты», так как С. Л. Франк обозначает подобное соотношение через понятия «один» и «другой». В этом случае «ты» воспринимается как другая личность. Однако именно здесь противоположности

совпадают, что и заключается в смысле любви. Философ акцентирует внимание на понятии «антиномистический монодуализм», в котором усматривается основа реальности. В свете такого понимания обнаруживается ее «непостижимость», что находится вне любой ограниченности противоположным. Следовательно, реализуется преодоление возникающего в противоречии ограничения, осуществляемое в синтезе.

Феномен любви заключает в себе «совпадение в смысле бытия для другого и в другом», где «ты» трансформируется в восприятии личности в «другое я» [3, с. 377]. Вследствие этого совпадение представляет собой стремление к единству без устранения противоречия, но его преодоления. Согласно представлению С. Л. Франка противоположность в данном случае не исключается, а разрешается в любви. Смысл этого феномена раскрывается в признании и обладании, где первое содержит в себе положительное значение, выступая результирующим вектором, который и выражает целостность и глубину данного чувства.

Возвращаясь к понятию оценки переживания, философ полагает, что ее наличие показывает «качественную первооснову динамического, так называемого волевого начала душевной жизни» [2, с. 525–526]. В противопоставлении любви и страдания уже заключен аспект оценки этих чувств. Именно динамизм, свойственный осмыслению различных переживаний, позволяет осуществить преодоление отрицательного в их ощущении.

Боль заключает в себе способность преодолеть мучение, где ключевым выступает стремление пережить страдание, поскольку существо трагедии раскрывается в выходе из нее. Любовь – это «способность к единению и отождествлению с любимым» [7, с. 201]. Так И. А. Ильин указывает на душевное проявление любви. При отрицании духовной обоснованности любви отвергается и ее предмет: чувство понимается абстрактно и проявляется бесцельно. Однако В. П. Рожков объясняет, что «любовь как состояние души определяет и одухотворяет действие любящего в отношении любимого человека» [8, с. 139]. Динамизм этого феномена выявляется в отношении «я» и «ты», а диалектика чувства реализуется через признание и обладание. Но положительность любви заключается в предметности, т. е. направленности на конкретное «ты». Вектором устремленности станет ее принадлежность «ко мне», где основой выступит признание «ты» как «второе я».

Разделение на положительное и отрицательное в оценке собственных ощущений теперь устраняется через усмотрение положительного в

страдании и любви. Динамизм душевной жизни раскрывает способность человека пережить мучение и одухотворить любовь. Иными словами, любовь и страдание в своей специфике совпадают через восприятие в них положительного содержания.

В философии С. Л. Франка именно характеристика положительности создает возможность для этого синтеза. Следовательно, при рассмотрении смысла переживания страдания и чувства любви необходимо заключить, что здесь и выражается возможность их синтеза. Более того, философ отмечает единство двух указанных ощущений, которое реализуется через отказ от их противопоставления в этом аспекте. В преодолении таким способом противоречия между ними реализуется «охваченность» синтезом.

Выводы

Итак, любовь и страдание противоречивы по содержанию и противопоставлены друг другу по смыслу. Однако в поиске преодоления противоречия в обозначенных феноменах возможно отметить их единство и положительное содержание. Это реализуется в синтезе, поскольку смысл поиска выявления противоречия в страдании и любви заключается не в устранении или отрицании противоречия между ними, а в его преодолении, в признании антиномичного характера их взаимосвязи. В синтезе заключается смысл преодоления.

Здесь речь идет не просто о взаимосвязанных частях, а об антиномичном характере соотношения этих частей, которое по сути в метафизике всеединства С. Л. Франка является противоположающимся в бытии. Смысл – в их единстве, которое достигается через преодоление противоречия, резиньяцию. А доминирующий вектор антиномии выражается в положительном значении, в единстве, свойственном первоначально, первореальности, т. е. раскрывается в Боге, поскольку Бог есть любовь и, следовательно, как полагает С. Л. Франк, «все положительное принадлежит к Богу, возникает из Бога, совершается в Боге» [3, с. 552].

Таким образом, в осмыслении единства страдания и любви всеобъемлющий синтез метафизики всеединства реализуется в векторной доминанте любви, которая позволяет «перестрадать» страдание.

Список литературы

1. Рожков В. П. Метафизическая концепция всеединства С. Л. Франка // Белов В. Н., Рожков В. П. Религиозная философия. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2011. С. 237–248.

2. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб. : Наука, 1995. 656 с.
3. Франк С. Л. Непостижимое : Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М. : Правда, 1990. С. 181–608.
4. Кузанский Николай. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / сост. В. В. Биbihин. М. : Мысль, 1980. 471 с.
5. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 608 с.
6. Франк С. Л. С нами Бог. М. : АСТ, 2003. 750 с.
7. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М. : ДАРЪ, 2017. 480 с.
8. Рожков В. П. Абсолют любви в русской религиозной философии. Саратов : Научная книга, 2003. 144 с.
2. Frank S. L. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The Object of Knowledge. The Human Soul]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 656 p. (in Russian).
3. Frank S. L. The Unknowable. An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 181–608 (in Russian).
4. Kuzanskiy Nikolay. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Essays: in 2 vols. Vol. 2. Comp. V. V. Bibikhin]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 471 p. (in Russian).
5. Losskiy N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2018. 608 p. (in Russian).
6. Frank S. L. *S nami Bog* [God with Us]. Moscow, AST Publ., 2003. 750 p. (in Russian).
7. Il'in I. A. *O soprotivlenii zlu siloy* [About Resisting Evil by Force]. Moscow, DAR Publ., 2017. 480 p. (in Russian).
8. Rozhkov V. P. *Absolyut lyubvi v russkoy religioznoy filosofii* [The Absolute of Love in Russian Religious Philosophy]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2003. 144 p. (in Russian).

References

1. Rozhkov V. P. Metaphysical concept of the all-unity by S. L. Frank. In: Belov V. N., Rozhkov V. P. *Religioznaya filosofiya* [The Religious Philosophy]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2011, pp. 237–248 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

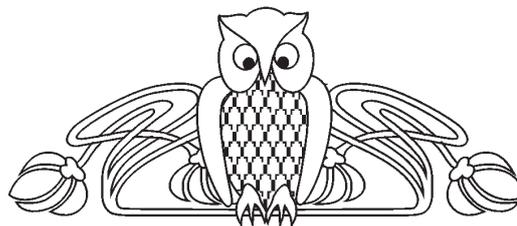

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 155–159
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 155–159
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-155-159>

Научная статья
УДК 141.131

Платоновская «сотериология» в контексте классической йоги

С. Н. Поздняков

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Брянский филиал),
Россия, 241050, г. Брянск, ул. Горького, д. 18

Поздняков Сергей Николаевич, кандидат философских наук, ведущий специалист кафедры правового обеспечения государственного управления, posn@br.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4209-6840>

Аннотация. В статье в рамках компаративистской методологии рассматривается близость «сотериологических» аспектов философии Платона с принципами «Йога-сутр» Патанджали. Цель исследования – установление концептуальных параллелей в подходах Платона и классической йоги к решению вопроса о форме высшей духовной реализации человека. По аналогии с восьмиступенчатой йогой Патанджали наиболее общие точки соприкосновения Платона с классической йогой представлены в виде системы из восьми практических принципов работы с телом и психикой человека. Практика поддержания физического и душевного здоровья человека, ее непрерывный характер, внутренняя и внешняя чистота, самоконтроль, подчинение органов чувств, сохранение психоментального покоя и равновесия, устранение неведения и практика медитации составляют смысловой стержень платоновской «системы йоги». Ключевым положением этой системы является медитативная практика достижения высшего состояния сознания. Практика медитации у Платона реализуется постепенно и завершается тем же сотериологическим результатом, что и овладение «внутренними» средствами йоги в системе Патанджали. Подчеркивается глубокая и сложная связь между психотехникой, философией и религиозной мудростью в рассматриваемых системах. Изучение этой взаимосвязи – важное направление в современной философской и религиозной компаративистике.

Ключевые слова: Платон, Патанджали, «Йога-сутры», классическая йога, сотериология, психотехника, духовное развитие, транс-персональный опыт

Для цитирования: Поздняков С. Н. Платоновская «сотериология» в контексте классической йоги // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 155–159. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-155-159>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Plato's «soteriology» in the context of classical yoga

S. N. Pozdnyakov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Bryansk of Branch of Ranera), 18 Gorkogo St., Bryansk 241050, Russia

Sergey N. Pozdnyakov, posn@br.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4209-6840>

Abstract. Introduction. In the article, the connection between the «soteriological» aspects of philosophy of Plato and the principles of classical yoga presented in the Yoga Sutras of Patanjali is considered in the framework of the comparative methodology. The aim of the study is to establish conceptual parallels in the approaches of Plato and classical yoga to solving the issue of the highest spiritual realization of a person.

Theoretical analysis. The most common points of the contact of Plato with classical yoga in the form of a system of eight practical principles of working with the human body and psyche are presented by analogy with the eight-step yoga of Patanjali. The practice of maintaining the physical and mental health of a person, continuous nature of this practice, internal and external purity, self-control, subordination of the senses, maintaining mental peace and balance, eliminating ignorance and the practice of meditation constitute the semantic core of Plato's «yoga system». The main position of this system is the meditative practice of achieving a higher state of consciousness. **Conclusions.** The practice of meditation in Plato is realized gradually and ends with the same soteriological result as the mastery of the «internal» means of yoga in the Patanjali system. The deep and complex connection between psychotechnics, philosophy and religious wisdom in the studied systems is emphasized. The study of this relationship is an important direction in modern philosophical and religious comparative studies.

Keywords: Plato, Patanjali, Yoga Sutras, classical yoga, Soteriology, psychotechnics, spiritual development, transpersonal experience

For citation: Pozdnyakov S. N. Plato's «soteriology» in the context of classical yoga. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 155–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-155-159>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Э. Фрауваллер в своей «Истории индийской философии» утверждал, что если рассматривать йогу как систему психотехнических практик или как путь к освобождению – спасению, она может быть совмещена с любым философским учением [1, S. 408]. Сравнительный анализ «сотериологических» аспектов философии Платона с основными положениями «Йога-сутр» Патанджали, а также ранними и средними «Упанишадами» позволяет выявить целый комплекс взаимосвязанных идей и концепций. В настоящее время вопрос о наличии в философии Платона, в частности в его учении о бессмертии души, элементов «сотериологии» является допустимым [2, р. 191–216]. Метафизическая и онтологическая основа санкхьи, психологическая окраска, а также представление йоги в виде системы позволяет использовать текст «Йога-сутр» как некое зеркало для отражения аналогичных взглядов Платона. Условно эти взгляды можно представить в виде системы из восьми принципов, которые, вероятно, не отражают все точки соприкосновения Платона с традицией классической йоги, иногда содержат существенные отличия, но в целом задают одинаковое с ней направление движения мысли, целью которого является познание высшей формы реализации человека. Платоновское определение философии как системы знаний и практик, с помощью которых человек приходит к познанию самого себя, осознает свою божественную природу и достигает бессмертия, коррелирует с целью и содержанием классической йоги в целом.

Система платоновской «йоги»

Первый принцип – практика баланса физического и душевного здоровья.

«Когда стоит вопрос о здоровье и болезни, о добродетели и пороке, нет ничего важнее, нежели соразмерность или несоразмерность между душой и телом как таковыми» [3, с. 494]. Лучшим средством для этого Платон считает гимнастику в сочетании с занятием музыкой и философией. У Патанджали среди вспомогательных средств йоги особое место занимают такие разделы, как практика йогических поз (асаны) и контроль дыхания (пранаяма). Асаны регулируют физиологические процессы в теле, снимают напряжение в нем и подготавливают его к практике концентрации [4, с. 143]. У Платона близкую функцию выполняют гимнастические упражнения, простые и естественные, подобно музыке [3, с. 171]. Гимнастика в сочетании с правильным дыханием, «колебательными движениями» и очищением образуют у Платона своеобразный

комплекс практической йоги [5, с. 73], направленный на поддержании души и тела в равновесии и здравии. Причем преимущество Платон отдает так называемой «внутренней гимнастике» («Тимей», 89а), при которой тело совершает движения внутри себя и само по себе аналогично движению мысли и Вселенной [3, с. 496].

Второй принцип – постоянство практики.

Патанджали подчеркивает, что цель йоги достигается только благодаря постоянной практике (абхьяса) – непрерывному усилию по сохранению устойчивости сознания. Она реализуется посредством подвижничества, воздержания, знания и веры [4, с. 92]. С таким же волевым усердием в течение всей жизни «практикует» умирание платоновский философ [6, с. 14]. Суть этой практики – внутренняя дисциплина и философское устремление к истине, восприятие душой мира Идей. Она является необходимым условием для полной психической трансформации человека и достижения неконцептуального восприятия единства Бытия [3, с. 269]. Движение от дискурсивного мышления через интуитивное познание Идей к неконцептуальному экстатическому единству вполне напоминает йогическую практику достижения высшей формы сосредоточения (самадхи). Важнейшим элементом этой практики выступает самообучение (свадхьяя), которое своими отдельными средствами сближается с мусическим воспитанием у Платона, а именно в том аспекте, в котором выражают свое значение мифология, поэзия, музыка и наука. И если согласно «Йога-сутрам» свадхьяя предполагает изучение шастр, трактующих об освобождении, то у Платона указанные средства используются для очищения и воспитания души на пути к созерцанию вечных сущностей [3, с. 169].

Третий принцип – внутренняя и внешняя чистота.

Такой принцип йоговской ниямы, как шаучья, реализуется за счет сохранения чистоты тела и устранения загрязненности сознания. Платон неоднократно подчеркивает необходимость избавления души от оков тела, очищения и достижения чистого знания средствами философии [6, с. 38]. Одна из целей йоговской практики – «сжигание» васан и самскар, бессознательных формирующих факторов и потенций, являющихся ключевыми элементами кармического цикла [7, с. 397]. До тех пор, пока кармические потенциалы не изжиты, бесполезно менять «модификации» сознания – они неизбежно прорываются из подсознания и порождают новый кармический опыт. Платоновская практика внутреннего покоя в сочетании с развитием интеллектуальной добродетели с целью очище-

ния души от разного рода загрязнений близка йоговской практике очищения. В «Федоне» (83d) Платон отмечает, что эмоциональный опыт как гвоздь пригвозждает душу к телу, лишая ее возможности общения с божественным [6, с. 32]. Подобно тому как тело морского бога Главка напоминает чудовище, облепленного морскими отложениями, так и «кармические впечатления», как камни и ракушки, приклеившиеся к душе, затмевают ее истинную природу [3, с. 410]. Без искоренения таких впечатлений душа не сможет освободиться от цикла рождений и смертей и достичь истинного бессмертия («Государство», 614b–621b). Платон сближается с Патанджали не только в определении родовых характеристик кармы, но и в понимании механизма созревания ее «плода». Мы видим здесь одинаковую компенсационную схему кармы как реализации причинно-следственных связей.

Четвертый принцип – самоконтроль.

В йоге в основе практики самоконтроля лежит бесстрашие (вайрагья), т. е. отрешенность от всех форм желаний и непривязанность к чувственным объектам мира сансары [4, с. 92]. В «Федоне» (64c–68b) Платон практически дословно повторяет определение бесстрастия Патанджали в характеристике образа жизни философа, стремящегося освободить свою душу от всякого общения с телом и установившего полный контроль над всеми телесными желаниям [6, с. 15–19]. У Платона практика самоконтроля связана с развитием универсальной добродетели – рассудительности. Она понимается как способность быть «владыками удовольствий, которые нам доставляют еда, питье и любовные утехи» [3, с. 153]. Это вполне соответствует йоговской брахмачарье, т. е. сексуальному воздержанию, а в более широком смысле – отказу от потакания своим чувственным желаниям. В «Федоне» (64d–e) отмечается, что истинный философ в отношении забот о теле ограничивает себя только самым необходимым [6, с. 15], что является сутью принципа сантоши (удовлетворенности). В «Пире» Платон показывает Сократа как человека, стойко переносящего воздействие случайных обстоятельств (голода и холода), невосприимчивого к алкоголю и сексуальным соблазнам, сохраняющего сверхъестественное спокойствие и выдержку, т. е. олицетворяющего йоговскую практику подвижничества (аскетизма) [4, с. 138].

Пятый принцип – подчинение органов чувств.

Согласно «Йога-сутрам», подчинение органов чувств (пратьяхара) – начальный этап в овладении «внутренними» средствами йоги. В результате пратьяхары формируется

способность выводить сенсорную деятельность из-под влияния внешних объектов [7, с. 409]. В «Федоне» (64e, 65c, 66a–e, 67d) Платон описывает аналогичную практику как «отсечение» сознания от объектов чувственного опыта. Достигнуть полного отвлечения чувств от внешних объектов невозможно без контроля ментального состояния, очищения сознания от различных страстей, эмоций и желаний, которые в индийских текстах («Катха-упанишада» I.3.3–9; «Шветашватара-упанишада» II.8–13) часто сравниваются с конями, запряженными в колесницу под управлением Атмана. В «Федре» (246a–254e) аллегория колесницы используется Платоном в контексте доказательства бессмертия души. Концепция колесницы из «Катха-упанишады» отличается от платоновской деталями, например, в характеристике коней, акцентом на высший интеллект (буддхи) и его силу [8, с. 104]. Однако обе концепции утверждают, что только человек, обладающий различающим интеллектом (виджняна) в качестве управителя-возницы, способен «обуздать» чувства и достигнуть конца «путешествия», высшей цели практики, т. е. освобождения или бессмертия.

Шестой принцип – психоментальный покой.

Достижение внутреннего покоя является подготовительной ступенью к прекращению деятельности сознания, когда чувства уже подчинены уму, однако ментальный поток еще не остановлен. Цель этой практики заключается в достижении особого психоэмоционального состояния, для которого характерны отсутствие беспокойства и ясность сознания. Платон часто подчеркивает важность достижения состояния внутреннего покоя. В «Государстве» (439c–441b) Сократ советует своим ученикам в несчастиях всегда сохранять спокойствие, доверившись лучшему началу души – разумному [3, с. 401]. Три начала души (разумное, яростное и воделеющее) близки трем гуннам, т. е. саттве, раджасу, тамасу, деятельным свойствам Prakriti [4, с. 82]. Незагрязненность саттвы раджасом и тамасом служит условием внутреннего спокойствия и проявления мудрости, которая заключается в способности видеть объект таким, каков он есть сам по себе. По Платону самое опасное начало – воделеющее, связывающее душу с миром чувственных объектов и являющееся препятствием к познанию истины. Как разумное начало души должно привести в равновесие и подчинить себе все остальные части, так и саттва должна, преодолев раджас и тамас, стать правящим элементом и основой для осознания различия между собой и Пурушей [4, с. 59].

Седьмой принцип – устранение невеждения.

Результатом практики саньямы Патанджали называется устойчивый «свет мудрости» [4, с. 148]. Выход из пещеры на солнечный свет согласно платоновской метафоре символизирует восхождение души из мрака невежества к свету знания, переход от телесного рабства к освобождению [3, с. 298]. Этот символ напрямую связывает освобождение с просветлением, если использовать терминологию йоги. При сосредоточении йогина на лотосе сердца «деятельность сознания представляется в форме сияния солнца, луны, планет, драгоценных камней» [4, с. 104]. В традиции йоги невежество (авидья) – это источник человеческих страданий и главная причина, препятствующая постижению сущности бытия. Речь идет не о простом невежестве, а именно о незнании человеком своей истинной природы. Йоговский практик различающего постижения пребывает в состоянии высшей ясности и в осознании высшего господства [4, с. 134]. Платоновского философа, «практикующего» различие (вивеку), трудно сбить с толку объектами и событиями преходящего нечистого чувственного мира. Тот, кто любит красивые вещи, но не ценит красоту саму по себе, кто познает мнения, а не истину, по Платону («Государство», 476d) находится в состоянии сна или, иными словами, во власти авидьи.

Восьмой принцип – практика медитации.

«Внутренними» средствами йоги согласно «Йога-сутрам» являются концентрация (дхьяна), созерцание (дхьяна) и сосредоточение (самадхи). Они настолько сложны и тонкоразличимы, что практик йоги невольно может «соскользнуть» из одной в другую. У Платона аналогичные методы также часто перетекают друг в друга, сливаясь в своеобразную практику медитации, цель которой – добиться, чтобы созерцающее (душа), как и требует ее изначальная (божественная) природа, стало подобно созерцаемому [3, с. 498]. По своему финальному воплощению это напоминает самадхи – состояние сознания, которое достигается «благодаря полному растворению во внутренней природе созерцаемого объекта» [4, с. 49]. И как в состоянии самадхи устраняется различие между процессом созерцания и его объектом и прекращается концептуализация воспринимаемой реальности, так и в платоновской медитации как внутреннем путешествии души с целью непосредственного восприятия мира Идей достигается «разумение» (мудрость) или неконцептуальное состояние осознания Реальности [3, с. 442]. В двух рассмотренных системах высшие «сотериологические» цели

достигаются благодаря медитативной практике реализации высшего состояния сознания. Единственная цель саньямы – освобождение как конечный результат йоги. По Платону очищение и успокоение ума, разрушение эгоистической личности, устранение невеждения и обретение мудрости – это средства на пути достижения истинного бессмертия и «спасения» души.

Выводы

Мы исключаем гипотезу прямого или опосредованного заимствования Платоном идей из Индии в силу ее исключительно умозрительного характера. Доказать на основе достоверных источников возможность прямого контакта Платона с индийской философией невозможно. Материал, который содержат прямые античные свидетельства, незначителен и ненадежен [9, р. 108–120]. Осмелимся предположить, что сходство рассмотренных концепций объясняется единством их психотехнической основы, т. е. принципов работы с физическим телом и сознанием или тождеством трансперсонального опыта, носящего универсальный характер [10]. Если допустить наличие подобного опыта у Платона, то становится понятна иерархия уровней бытия (Единое, мир Идей, мир чувственно-воспринимаемых вещей), сознания, соответствующих им способов познания и то внимание, которое философ уделяет именно высшему уровню знания. Познание у Платона движется от концептуализированного мира явлений к неконцептуализированному знанию реальности. В йоге различающему сознанию (виджняна) с присущей ему субъектно-объектной дихотомией противопоставляется недвойственное сознание йоги (джняна), исключаящее такую дихотомию. Отсюда вытекает сотериологическая функция познания – только познание высшего уровня бытия ведет к освобождению. Для высшей онтологической сферы характерен свой тип познания, суть которого по Платону заключается в том, что ум в общении с постоянным и неизменным постоянен и неизменен [6, с. 35]. В проекции на систему Патанджали – это «citta-vritti nirodha» (непорождение видоизменений сознания). В обоих случаях «познание превращается в медитацию, а метафизика становится сотериологией» [7, с. 380].

Список литературы

1. *Frauwallner E.* Geschichte der indischen Philosophie. Salzburg : Otto Müller Verlag, 1953. 495 S.
2. *Menn S.* Plato's Soteriology? // *Philosophy and Salvation in Greek Religion.* Ed. by V. Adluri. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. P. 191–216.

3. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus, А. А. Takho-Godi. М. : Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
4. Классическая йога. «Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья» / пер. с санскрита Е. П. Островской, В. И. Рудого. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 260 с.
5. Шейнман-Топштейн С. Я. Платон и ведийская философия. М. : Наука, 1978. 217 с.
6. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus, А. А. Takho-Godi. М. : Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
7. Элиаде М. Избранные сочинения : Йога: Бессмертие и свобода; Патанджали и йога / пер. с фр. А.П. Антипенко, Р. И. Черниковой. М. : Ладомир, 2013. 560 с.
8. Упанишады : в 3 кн. Кн. 2 / пер., предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. М. : Наука, Ладомир, 1991. 336 с.
9. Karttunen K. *India in early Greek literature*. Helsinki : The Finnish Oriental Society, 1989. 293 p.
10. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада : познание запредельного. СПб. : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2007. 480 с.
2. Menn S. Plato's Soteriology? In: V. Adluri, ed. *Philosophy and Salvation in Greek Religion*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2013, pp. 191–216.
3. Losev A. F., Asmus V. F., Takho-Godi A. A., total ed. *Platon. Sbranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3. 654 p. (in Russian).
4. *Klassicheskaya yoga. "Yoga-sutry" Patandzhali i "Vyasa-bkhash'ya"* [Classical Yoga. Yoga Sutras by Patanjali and Vyasa-bhasya]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaksiya vostochnoy literatury Publ., 1992. 260 p. (in Russian).
5. Sheynman-Topshteyn S. Ya. *Platon i vediyskaya filosofiya* [Plato and Vedic Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 217 p. (in Russian).
6. *Platon. Sbranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, vol. 2. 528 p. (in Russian).
7. Eliade M. *Izbrannye sochineniya: Yoga: bessmertie i svoboda; patandzhali i yoga* [Selected Works: Yoga: Immortality and Freedom; Patanjali and Yoga]. Moscow, Ladomir Publ., 2013. 560 p. (in Russian).
8. *Upanishady: v 3 kn.* Кн. 2 [Upanishads: in 3 books. Book 2]. Moscow, Nauka, Ladomir Publ., 1991. 336 p. (in Russian).
9. Karttunen K. *India in early Greek literature*. Helsinki, The Finnish Oriental Society, 1989. 293 p.
10. Torchinov E. A. *Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo* [The Paths of the Philosophy of East and West: Cognition of the Beyond]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2007. 480 p. (in Russian).

References

1. Frauwallner E. *Geschichte der indischen Philosophie* [History of Indian Philosophy]. Salzburg, Otto Müller Verlag, 1953. 495 S. (in German).

Поступила в редакцию 07.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 07.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–164

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 160–164

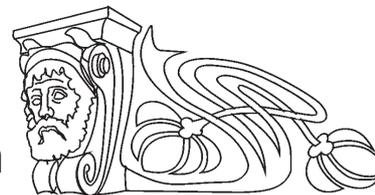
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-160-164>

Научная статья

УДК 165.62

Реконструкция проблематики темпоральности повседневного мышления в феноменологической социологии А. Шютца

О. А. Сомова

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Сомова Оксана Андреевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии¹; ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии², oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Аннотация. Статья нацелена на выявление проблемного ядра темпоральных оснований повседневности, представленных в рамках феноменологической социологии. Сформулированное А. Шютцем понятие повседневности во многом опирается на концептуальные положения философии Э. Гуссерля о внутреннем сознании времени и А. Бергсона, разграничившего рефлексивное Я и жизненное единство сознательных процессов. Раскрывается тезис о том, что корреляция прошлого и настоящего выступает основанием повседневного мышления и в совокупности с пространственной близостью формирует область типичного. Временная последовательность элементов цепи типизаций выражается в предполагающем отношении к миру, где наступление события ведет к просчитываемому и некритически воспринимаемому результату. Ключевую роль в повседневной когнитивной установке играет горизонт современников, в котором происходит соотношение субъективного и объективного времен, что означает тесную связь между повседневной когнитивной установкой и объективным знанием. Повседневное мышление тесно сплетено с intersubъективным миром социальной реальности и фактически превышает пределы обыденного взаимодействия. В связи с этим делается вывод о том, что механизм функционирования повседневности, строящийся на разветвленной системе типизаций, отождествляет запас знания и свободу, обладает всеобъемлющим характером упорядочивания знания и распространяется в том числе и на области научного и творческого мышления.

Ключевые слова: темпоральность, повседневность, знание, типизация, феноменология

Для цитирования: Сомова О. А. Реконструкция проблематики темпоральности повседневного мышления в феноменологической социологии А. Шютца // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–164. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-160-164>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reconstruction of the temporal foundations of everyday thinking in phenomenological sociology of A. Schütz

O. A. Somova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112 Bolshaya Kazachya St., Saratov 410012, Russia

Oksana A. Somova, oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Abstract. Introduction. The article is aimed at identifying the problematic place of temporal foundations of everyday life, formulated in the framework of phenomenological sociology. The concept of everyday life outlined by A. Schütz is based on the conceptual provisions of E. Husserl's philosophy about the inner consciousness of time and A. Bergson, who distinguished the reflexive self and the vital unity of conscious processes. **Theoretical analysis.** The author reveals the thesis that the correlation between the past and the present is the basis of everyday thinking and, together with spatial proximity, forms the area of the typical. The temporal sequence of the elements of the typifications chain is expressed in an assumed relation to the world, where the occurrence of an event leads to a calculated result. The horizon of contemporaries plays a key role in the everyday cognitive attitude, in which the correlation of subjective and objective times takes place, which means a close connection between the everyday cognitive attitude and objective knowledge. Everyday thinking is intertwined with the intersubjective world of social reality and transcends the limits of everyday interaction. **Conclusions.** The mechanism of functioning of everyday life identifies knowledge and freedom, therefore, it has an all-encompassing character of ordering knowledge and extends to the areas of scientific and creative thinking too.

Keywords: temporality, everyday life, knowledge, typification, phenomenology

For citation: Somova O. A. Reconstruction of the temporal foundations of everyday thinking in phenomenological sociology of A. Schütz. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 160–164 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-160-164>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Повседневность является одним из ключевых концептов для социальной философии. Артикулирование значимости повседневности позволило осуществить «феноменологическую прививку» социологии и сформировать научный инструментарий, соразмерный жизни человека и порывающий с властью «социального факта». Социолог феноменологического направления А. Шютц обратил внимание на то, что повседневная жизнь человека содержит в себе не проблематизируемые ранее в науке обоснования социальной жизни.

Под повседневностью он понимает воспринимаемый в состоянии естественной установки сознания жизненный мир индивида [цит. по: 1, с. 122]. Лапидарное резюме высказываниям Шютца о когнитивном стиле повседневности дает И. Гофман. Отмечая, что работы австрийского социолога не дают исчерпывающего представления о повседневности, Гофман пишет, что в различных статьях под повседневностью Шютц понимает следующее: 1) особое, всеобъемлющее напряжение сознания; 2) воздержание от сомнений в существовании внешнего мира; 3) превалирующую форму осмысленной спонтанности, основанной на проекте и характеризующейся намерением воплотить проектируемое положение вещей в реальность; 4) трудовую форму переживания индивидуального «Я»; 5) особую форму социальности (общий интересубъективный мир коммуникации и социального действия); 6) стандартизованную временную перспективу, возникающую во взаимодействии внутренне переживаемого временем субъективного и космического, что составляет универсальную временную структуру интересубъектного мира [2, с. 66]. Множественность трактовок, выявляемых в работах Шютца, позволяет охарактеризовать повседневность как комплексный опыт – собственную форму сознания, посредством которой постигается «реальность» и в которой «реальность» обрабатывается таким образом, что она оказывается данной в качестве основополагающей для нашей деятельности сознания [3, S. 14]. Подобное видение высвечивает лишь объективирующий момент повседневности, что так или иначе прочитывается во всех перечисленных определениях повседневности. Представляется, что когнитивная схема повседневности во временном

проявлении затрагивает более широкие области жизненного мира. Более того, отстаиваемые Шютцем задачи социальной науки наводят на мысль о том, что сам Шютц видел в повседневности определенным образом понимаемый индивидами план жизни, осознаваемый ими как не единственный [4, р. 14, 117–118]. Мы не можем согласиться с интерпретацией Гофмана, но его резюме симптоматично и указывает на фактическое понимание концепции естественной установки Шютца (что подтверждается целым направлением социального конструктивизма). Обратимся к исходным текстам Шютца, чтобы установить причину расхождения между вменяемыми смыслами повседневности и восстановить недостающие свойства данного когнитивного стиля мышления.

Теоретический анализ

Время играет большую роль в прояснении механизма образования смыслов. Объясняя конструирование субъективного смысла, Шютц обращается к временности потока сознания и апеллирует к «внутреннему сознанию времени», понятию феноменологии Э. Гуссерля, с одной стороны, и к пониманию длительности сознания, одного из центральных понятий философии А. Бергсона. Временность сознания согласно Гуссерлю связана с конституированием объективного мира. Единство восприятия вещи формирует образ, к которому сознание может всегда вернуться и который служит точкой опоры для выстраивания линий ожиданий. Три временных момента в их взаимных отсылках составляют «конкретное живое настоящее» (*konkrete Lebensgegenwart*), которое утверждается в мире через соотнесение интересубъективного времени [5, с. 55]. Функциональный центр всех этих коридоров соотнесенности возникает как полюс Эго в идентичности синтеза внутреннего времени. «Субъективное время в повседневном жизненном мире характеризуется встречей между длительностью (*durée*) и космическим временем» [6, р. 9].

Длительность выступает как единство сознания, стирающее пространственно-временную дискретность, и представляет собой однородную динамическую реальность. Опыт переживания не может быть осмыслен во время события, это происходит позднее, при помощи рефлексии и воспоминаний. Воспоминания о событии означают вычленение из памяти разного рода

объектов, составляющих общее единство ушедшей длительности. Длительность обнаруживает себя в памяти, память формирует сознание как таковое [7, с. 434]. Вытесненное рефлексией в границы времени-пространства Я всегда существует апостериорно как рефлексивное начало, придающее дискретность жизненной длительности. Апостериорность памяти не означает ее отсутствие в длительности, на что и обращает внимание Шютц: существует осознание согласованности тела с каждой фазой существа, достигнутое путем сравнения предыдущих фаз [8, р. 35]. Значение предмета формируется посредством интроспективного анализа и определяется вариативностью памятных образов и их взаимообусловленностью.

Для повседневности характерно чувство домашнего комфорта, имманентное рецептурному прагматизму общественной жизни. Унисон повседневного взаимодействия, при нарушении которого последняя прекращает свое невидимое глазу действие [9, с. 138], весьма точно продемонстрирован Шютцем на примере исполнения музыкальных произведений и театральных постановок. Здесь единое пространство и параллельная (одновременная) временность синтезированы через мелодию, песни и жесты, ритмы которых, как камертон, синхронизируют через пространственную близость субъективную и объективную временность [8, р. 187, 193]. Иллюстрируемая при помощи театрального и музыкального искусства фундаментальная непрерывная ситуативность повседневности, однако, предполагает существенное допущение о договорном характере ситуации, и возможная критика не ускользает от понимания Шютца. Для него театральное единство пространства, времени и действия остается прекрасной иллюстрацией повседневности, и это, на наш взгляд, уводит социолога от одного важного следствия. В случае живого социального взаимодействия разрыв между ситуацией и переживаемым настоящим не всегда существует. Из приведенного отрывка следует, что повседневная установка осуществляется через вовлечение и синхронизацию, но синхронизация субъективного и объективного времен не нарушается, если субъект не принимает непосредственного участия в действии, так как ею фундируется интерессубъективность. В случае, когда начинается или, лучше, когда прекращается действие повседневной установки? Этот вопрос приобретает особенно острое звучание в свете невозможности ясной дифференции между прошлым и настоящим, отмечаемой исследователями проблематики темпоральности в концепции Шютца [цит. по: 6, р. 25].

Временная и пространственная близость позволяет сформироваться сообществу современников, т.е. тех людей, о существовании которых Я осведомлен, даже если никогда не видел их лично [10, с. 137]. В современниках выражена смысловая плоскость «само собой разумеющегося», поскольку в случае современников «потокость» сознания связана не столько с последовательностью мыслительных актов, сколько с интенционально общим миром создаваемой реальности. Определенный сектор внешнего мира равно доступен всем партнерам и в качестве источника целей и взаимодействия обосновывает гомогенную систему релевантностей [10, с. 151]. Существующий мир современников – это мир, понимаемый в качестве общего отрезка времени, который позволяет воздействовать друг на друга в коммуникативной среде [11, S. 318]. Интерессубъективность социальной реальности подразумевает возможность воспринимать результаты духовной жизни других людей как объективный смысл вещей. Шютц конкретизирует объективный характер данности интерессубъективности в понятии социально обусловленного знания. Это означает, что объем личного знания, имеющего социальное происхождение, больший, чем «чистое» субъективное знание, если о таком вообще возможен разговор. Так, темпоральный аспект объективности, ранее описанный Гуссерлем, получает более развернутое объяснение в качестве «типичного» в повседневной когнитивной установке.

Многообразие форм взаимодействия современников так или иначе основано на опыте, который позволяет осведомленности о существовании других принимать максимально анонимные и удаленные формы [10, с. 137]. Вся система социальных взаимодействий фундирована первичным опытом включения в малые группы, который в дальнейшем экстраполируется по аналогии. Складывающийся жизненный мир по существу опирается на биографическое прошлое человека, сформированное цепью последовательных ситуаций, осмысленных в символической системе конкретного общества. Как замечает О. В. Головашина, исследующая вопрос социального времени, идея о «взаимной смене перспектив» опирается на повседневное взаимодействие, сконструированное в прошлом и потому имеющее определяющее значение для поддержания социальной реальности [12, с. 45]. Типичное означает релевантное, т.е. соответствующее наличной ситуации, в связи с чем во временном аспекте наблюдается непрерывность повседневности [13, с. 196].

В рамках феноменологии естественной установки представления о повседневности складываются в несколько противоречивую картину. С одной стороны, Шютц с энтузиазмом описывает многообразие структуры повседневного мышления человека, различает нюансировку его мотиваций и рефлексивного начала поступков. Повседневность представляется полем для творчества субъекта, но с другой стороны, повседневность в известной степени гомогенна и состоит из набора типичных ситуаций и образцов поведения в ней. Сам Шютц не переставал упоминать об обширности сферы типичного [8, р. 188]. В этой связи представляет интерес пассаж известного специалиста в области наследия американской школы социологии и биографа А. Шютца Х. Вагнера, в котором философская биография самого Шютца доказывает несвободу человека от повседневности. Вагнер отмечает, что даже в сфере научных изысканий, представляющейся предельно свободной для реализации интеллектуального потенциала, сам Шютц действовал в соответствии с условиями современного ему военного времени. Он оставил много теоретических набросков, опубликованных позднее его последователями и коллегами, что говорит об осознании Шютцем малой доли возможности закончить свои проекты [14, р. 167–169]. Во временной протяженности повседневность неминуемо становится биографией. Лакунарное видение повседневного мышления, согласно которому повседневное отождествляется с жизнью обывателя и его, преимущественно хозяйственными, потребностями [15], существенно сужает действительную сферу проявления рассматриваемой когнитивной установки и нивелирует ее темпоральные особенности. Речь должна идти о *разных «повседневностях»* в случаях, когда подразумевается усредненное восприятие реальности или когда подразумевается типизирующее мышление. Шютц этого различения не проводит. Иными словами, можно «мыслить повседневно» даже в ситуации критически настроенной мысли.

Выводы

Повседневность фундирована предполагающей временностью, т.е. ожиданием наступления тех или иных событий, понятных со стороны их функциональной выраженности. Биографическая составляющая современников имеет смысл только как наиболее вероятная траектория поведения. Факт означивания вещи разворачивается в цепочку, где каждое звено нанизано на предыдущий акт осмысления, что в итоге вырастает в систему типичных ожиданий и, как следствие, поведения. Относительная свобода поведения со-

гласно мысли Шютца возможна только в случае достаточной информированности, что предполагает оперирование системами релевантности. Однако социальная природа жизненного мира в состоянии естественной установки сознания замыкает свободу и иные, не-повседневные модусы мышления в наборы типизаций и ставит действия субъекта в зависимость от широты его знания, что резко ограничивает реализацию свободы человека. Опираясь на сформулированный Шютцем механизм освоения повседневного жизненного мира, можно иначе решить вопрос о возможности познавательной свободы и вынести ее за границы осведомленности актора, поскольку описанный социологом алгоритм типизации в своем осуществлении не ограничивается исключительно предназначенной быть невидимой сферой повседневного. Концепция конституирования естественной установки, как можно теперь увидеть, выходит далеко за пределы обыденной жизни, объясняя временным характером сознания стереотипичность любой, даже творческой, сферы деятельности.

Список литературы

1. Шульга А. Типология категориально-понятийного аппарата феноменологической социологии (продолжение) // Социология : теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 119–147.
2. Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта. М. : Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
3. Luckmann Th. Von der alltäglichen Erfahrung zum sozialwissenschaftlichen Datum // Phänomenologie und soziale Wirklichkeit: Entwicklungen und Arbeitsweisen. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2003. S. 13–27.
4. Schutz A., Parsons T., Grathoff R. H. The Theory of Social Action: The Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons. Indiana University Press, 1978. 171 p.
5. Прехтель П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск : Водолей, 1999. 96 с.
6. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schütz // Time & Society. 2006. № 15. P. 5–31.
7. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск : Харвест, 1999. 1408 с.
8. Schutz A. 1899–1959. Life forms and meaning structure. London, Boston, Melbourne and Henley : Routledge, 2014. 232 p.
9. Бибихин В. В. Мир. Язык философии. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
10. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

11. Schutz A. Symbol, reality and society // Collected Papers. The Problem of Social Reality. The Hague, Boston, London : Martinus Nijhoff, 1962. Vol. 1. P. 287–357.
12. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального : конструирование времени и времени // Философия и общество. 2016. № 3. С. 42–56.
13. Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 399 с.
14. Wagner H. Phenomenology of consciousness and sociology of the life-world. The University of Alberta Press, 1983. 225 p.
15. Фролова С. М. Понимание повседневности в темпоральном измерении // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 3. С. 184–191.
1991. 90 S. (Russ. ed.: Prechtl P. *Vvedeniye v fenomenologiyu Gusserlya*. Tomsk, Vodoley Publ., 1999. 96 p.).
6. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schütz. *Time & Society*, 2006, no. 15, pp. 5–31.
7. Bergson A. *Matière et mémoire, Essai sur la relation du corps à l'esprit*. Paris, Les Presses universitaires de France, 1939. 282 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat*. Minsk, Kharvest Publ., 1999. 1408 p.).
8. Schutz A. 1899–1959. *Life forms and meaning structure*. London, Boston, Melbourne and Henley, Routledge, 2014. 232 p.
9. Bibikhin V. V. *Mir. Yazyk filosofii* [World. The Language of Philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2016. 448 p. (in Russian).
10. Schutz A. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Wien, Springer, 1932. 286 S. (Russ. ed.: Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.).

References

1. Shulga A. Typology of the categorical-conceptual apparatus of phenomenological sociology (continuation). *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: Theory, Methods, Marketing], 2008, no. 4, pp. 119–147 (in Russian).
2. Goffman E. *Frame analysis. An Essay on the Organization of experience*. Boston, Northeastern University Press, 1986. 557 p. (Russ. ed.: Goffman I. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow, Institute of Sociology RAN Publ., 2003. 752 p.).
3. Luckmann Th. From everyday experience to the social scientific date. In: *Phänomenologie und soziale Wirklichkeit: Entwicklungen und Arbeitsweisen* [Phenomenology and social reality: Developments and working methods]. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2003. S. 13–27 (in German).
4. Schutz A., Parsons T., Grathoff R. H. *The Theory of Social Action: The Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons*. Indiana University Press, 1978. 171 p.
5. Prechtl P. *Husserl zur Einführung*. Junius Verlag GmbH, 1991. 90 S. (Russ. ed.: Prechtl P. *Vvedeniye v fenomenologiyu Gusserlya*. Tomsk, Vodoley Publ., 1999. 96 p.).
6. Muzzetto L. Time and Meaning in Alfred Schütz. *Time & Society*, 2006, no. 15, pp. 5–31.
7. Bergson A. *Matière et mémoire, Essai sur la relation du corps à l'esprit*. Paris, Les Presses universitaires de France, 1939. 282 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat*. Minsk, Kharvest Publ., 1999. 1408 p.).
8. Schutz A. 1899–1959. *Life forms and meaning structure*. London, Boston, Melbourne and Henley, Routledge, 2014. 232 p.
9. Bibikhin V. V. *Mir. Yazyk filosofii* [World. The Language of Philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2016. 448 p. (in Russian).
10. Schutz A. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt Eine Einleitung in die verstehende Soziologie*. Wien, Springer, 1932. 286 S. (Russ. ed.: Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.).
11. Schutz A. Symbol, reality and society. In: *Collected Papers. The Problem of Social Reality*. The Hague, Boston, London, Martinus Nijhoff, 1962, vol. 1, pp. 287–357.
12. Golovashina O. V. Temporality in social studies: construction of time and by time. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2016, no. 3, pp. 42–56 (in Russian).
13. Smirnova N. M. *Sotsialnaya fenomenologiya v izuchenii sovremennogo obshchestva* [Social Phenomenology in the Study of Modern Society]. Moscow, Canon +, ROOI Rehabilitation Publ., 2009. 399 p. (in Russian).
14. Wagner H. *Phenomenology of consciousness and sociology of the life-world*. The University of Alberta Press, 1983. 225 p.
15. Frolova S. M. Understanding of everyday life in temporal dimension. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 2010, no. 3, pp. 184–191 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 06.11.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 06.11.2021; accepted for publication 25.03.2022

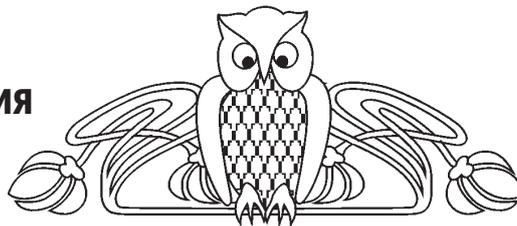

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 165–169
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 165–169
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-165-169>

Научная статья
УДК 37:316

Стратегии модернизации образования в постсекулярном мире

В. А. Сюсюкин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сюсюкин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, vladimirs23@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3161-4705>

Аннотация. В данной статье проводится исследование основных направлений модернизации института образования в условиях постсекулярного общества, социально-философская аналитика трансформаций современного образования на различных уровнях его институциональности: учебно-методическом, организационно-управленческом, коммуникативном, ценностно-смысловом и др. Исследуются когнитивные особенности восприятия современного образования в качестве института, включающего в себя элементы как светской, так и религиозной культуры. В завершение работы формулируются следующие выводы: современный институт образования необходимо трансформируется под влиянием сложнейших процессов современности. В условиях постсекулярного мира меняется не только само восприятие образования как социального института, но и его парадигмальные основания, что в свою очередь определяет формирование качественно новой политики в сфере кадров высшего образования. Показано, что в условиях постсекулярности теологи и религиоведы выступают не только теоретическими исследователями, но и ценными экспертами-гуманитариями, способными качественно анализировать противоречивые этно-конфессиональные и социальные отношения на региональном и федеральном уровнях, а также предлагать практические решения важнейших стратегических задач государства.
Ключевые слова: институт образования, постсекулярное общество, модернизация образования, гуманитарное знание, ценности образования, современное образование

Для цитирования: Сюсюкин В. А. Стратегии модернизации образования в постсекулярном мире // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 165–169. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-165-169>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modernizing education in the post-secular world

V. A. Syusyukin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Syusyukin, vladimirs23@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3161-4705>

Abstract. Introduction. This article examines the main directions of modernization of the institution of education in a post-secular society; socio-philosophical analysis of the transformations of modern education is carried out at various levels of its institutionalization: educational and methodological, organizational and managerial, communicative, value-semantic, etc. **Theoretical analysis.** In addition, the author of the work explores the cognitive features of the perception of modern education as an institution that includes elements of both secular and religious cultures. **Conclusions.** At the end of the work, the author comes to the following conclusions: the modern institution of education must be transformed under the influence of the most complex processes of modernity. In the conditions of the post-secular world, not only the very perception of education as a social institution is changing, but also its paradigmatic foundations, which in turn determines the formation of a qualitatively new policy in the field of higher education personnel. Using the example of theologians and religious scholars, it is shown that in the conditions of post-secularity, these specialists are no longer only theoretical researchers, but also valuable experts in the humanities who are able to qualitatively analyze contradictory ethno-confessional and social relations at the regional and federal levels, as well as offer practical solutions to the most important strategic objectives of the state.

Keywords: institute of education, post-secular society, modernization of education, humanitarian knowledge, values of education, modern education

For citation: Syusyukin V. A. Modernizing education in the post-secular world. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 165–169 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-165-169>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Говорить об образовании в современной гуманитарной науке стало популярно и модно, что совсем не удивительно, ведь образование как социальный институт является чрезвычайно интересным предметом исследования для широкого спектра специалистов-гуманитариев: философов, социологов, психологов, культурологов. Однако особая роль принадлежит социально-философской рефлексии, с помощью которой в рамках данного исследования становится возможным раскрытие сущностных оснований института образования как важнейшей структуры общества, транслирующей не только ценности и смыслы в пространство общества, но и являющейся соединяющим звеном в коммуникации между различными участниками общественного процесса.

Современный институт образования с учетом его вариативности и всеобъемлемости нуждается в качественной социально-философской рефлексии, которая позволяет вскрыть социальный «код образования»: его сущностные основания, перспективы и риски развития. Такого рода анализ позволяет взглянуть на институциональность образования как на целостную систему, включающую в себя сложные и противоречивые процессы, различные диалектически связанные компоненты, а также серьезные вызовы для современного общества. Спектр данных вызовов крайне разнообразен: от сложных и противоречивых процессов цифровизации до поиска баланса и гармонии между светским и религиозным компонентами обучения в образовательных учреждениях. В рамках данной работы предстоит проанализировать процессы модернизации, которые можно обнаружить в рамках института высшего и среднего образования в условиях *постсекулярного общества* – социальной конфигурации, в пространстве которой религиозность начинает возвращать ранее утраченные позиции. С уверенностью можно заявить, что «именно в образовательном пространстве сосредоточены основные социально-экономические, политические, религиозные и культурологические проблемы. Поэтому на повестку дня ставится вопрос о возможности универсального подхода к образованию в поисках стратегии гармоничного межцивилизационного развития на основе идеалов справедливости и равноправия» [1, с. 25].

Для внесения ясности в наш категориально-понятийный аппарат и оформление прозрачности дискурса исследования необходимо четко очертить смысловые границы понятия «модернизация». Под *модернизацией образова-*

ния мы будем понимать процесс качественного преобразования института образования в соответствии с требованиями современности, стратегическими задачами государства, а также актуальными запросами нынешнего общества. Иными словами, модернизацией образования можно назвать такую трансформацию, в рамках которой образование не только способно ответить запросам современности, но и предвосхитить новые, еще более сложные вызовы.

Теоретический анализ

Значимость института образования для современного общества сложно переоценить. Именно образование, будучи институтом, являющимся некоторой точкой схождения различных социальных сил и участников, позволяет обеспечивать стабильность социального климата в различных его аспектах: политическом, социокультурном, религиозном и др. Институт образования, разумеется, несет в себе целый набор важнейших для человеческой культуры функций, однако здесь представляет интерес именно срез социально значимых функций. Поскольку в исследовании речь идет о социально-философской рефлексии, следует отметить тот функционал института образования, который напрямую связан с общественной жизнью человека.

Во-первых, институт образования формирует и поддерживает единое аксиологическое поле для человеческого общества, т. е. создает и утверждает *социальные ценности*. Здесь имеется в виду тот факт, что именно образование конструирует в сознании участников общественного процесса систему ценностей и приоритетов, которые становятся в будущем важнейшими ориентирами для конструктивной и продуктивной деятельности человека. Каждое общество обращается к набору определенных ценностей, являющихся для него наиболее важными, приоритетными и значимыми. В свою очередь, этот аксиологический набор зачастую проходит этап серьезной формальной институционализации посредством трансформации его в нормативно-правовой акт, который уже на юридических основаниях регламентирует общественную жизнь людей. Создание и поддержание единого ценностного мира для конкретного общества – важнейшее условие существования и процветания социальной жизни человека. Разумеется, на уровне отдельных взятых людей расхождения в ценностях неизбежны, закономерны и естественны, ведь каждая индивидуальность детерминирована не только социокультурным фоном, но и собственной самобытностью и уникальностью. Однако важнее всего выделить здесь более

фундаментальное и базовое: какие ценностные основания заложены в нормативно-правовую базу общества; какие ценности в общественной жизни государство выдвигает на первый план и что для большей части общества является наиболее важным для их бытия.

Именно в этой связи можно подчеркнуть колоссальную роль института образования. В процессе обучения и воспитания на различных уровнях образования личность не только совершенствует себя и пополняет свой человеческий капитал, но и приобщается к устоявшимся общественным нормам, которые выступают некоторыми «правилами» социальной игры. Размышляя над этим вопросом, В. В. Сидельник отмечает: «По характеру стержневых ценностей аксиологические модели образования можно условно разделить на две основные группы: ценности сохранения существующего порядка вещей и ценности его преобразования. К первой группе можно отнести те образовательные системы, которые первоочередное значение придают принципу сохранения и передачи культурного наследия» [2, с. 181].

Иными словами, разные системы образования в качестве важнейшего центрального института преследуют различные цели. Если для первых приоритетным становится сохранение устоявшегося благоприятного социального климата, то для других – трансляция ценностей в обществе с целью повышения уровня социальной динамики, конечной точкой которой станет более благоприятное общественное состояние.

Во-вторых, анализируя социальную значимость института образования в реалиях современного общества, мы можем говорить о взаимосвязи *образования и воспроизводства культуры общества*. Данная функция напрямую связана с ценностными основаниями общественной жизни, речь о которых шла выше. Однако здесь хотелось бы сделать акцент именно на тех социокультурных практиках, которые формализуются и обретают свой социальный статус благодаря институту образования. Как уже отмечалось, институт образования является не только источником ценностных ориентиров общества. Образование, занимая одну из центральных позиций в пространстве общественной жизни, направляет человека к наиболее рациональным, морально устоявшимся и исторически проверенным паттернам социального поведения.

Очевиден тот факт, что степень усваивания этих устоявшихся норм детерминирована множеством факторов, в том числе индивидуальными особенностями субъекта, его расположением к интериоризации ценностей и норм.

Однако, несмотря на все условия и риски, образование – флагман социализации индивида в обществе. Необходимо отметить, что «в широком смысле образование предстает как общественное благо и ценность, вписанная в социокультурную систему, являющаяся не только важнейшей частью духовной культуры общества, но и базисом, фундирующим ее» [3, с. 11]. Фундаментальность образования как раз и заключается в его содействии воспроизводству культуры в пространстве общественной жизни. В качестве примера можно обратиться к такой социокультурной практике, как проектная деятельность учащихся. Сущностно данная практика включает в себя мощные интенции, направленные на преобразование окружающей действительности, решение сложнейших кейсов социальной жизни человека, минимизацию рисков общественной коммуникации. Всякая проектная деятельность ставит своей целью решение какого-либо социального кейса. А если решение в данный момент невозможно, то обозначаются стратегии для продуктивного осмысления и работы с данной проблемой. В рамках вузовского пространства имеются проекты, связанные с популяризацией науки, гуманистическими отношениями людей, просвещением в сфере здравоохранения и финансовой грамотности. Говоря о постсекулярном обществе, мы также можем обнаружить проекты, направленные на популяризацию религиозного образования и сотрудничество с религиозными организациями с целью осуществления общей социально значимой деятельности.

Очевидным является тот факт, что модернизация института образования в условиях постсекулярности будет обладать рядом специфическими чертами, обусловленными особенностями социальной концепции постсекулярного общества. Особое место в данном дискурсе занимает соотношение двух фундаментальных категорий культуры – религиозной и светской. Важность такого соотношения возрастает в рамках дискурса образования. Обусловлено это тем, что именно в образовательной деятельности чрезвычайно важной и актуальной является возможность совмещения двух, казалось бы, противоположных взглядов на мир. Характеризуя образование в данных условиях, прежде всего отметим *«преодоление мышлением дихотомий и противоречий»*. Исторически устоявшаяся бинарная оппозиция светского и духовного в условиях постсекулярного общества переосмысливается и размывается. Духовность, к примеру, с одной стороны, остается неким неуловимым, связанным с трансцендентным элементом культуры. Однако теперь

она и подлежит рациональному осмыслению. Вера становится не только системой догм и предписаний, но качественно новым полем для дискуссий ученых, теологов, общественных и культурных деятелей» [4, с. 132]. Это происходит на всех уровнях образования: внедрение религиозных дисциплин в светские заведения, где культурное наследие различных религий осмысливается на языке светской науки. По этой причине можно говорить о *первой линии* модернизации образования. Она связана со сферой восприятия непосредственного культурного наследия цивилизации: религия воспринимается не как пройденный и устаревший этап, а как серьезная часть мировой культуры, обладающая мощным социальным, педагогическим и культурообразующим потенциалом для нынешнего сложного общества. Именно диалектическое снятие противоречий между религией и светской культурой занимает здесь ключевое место, что позволяет обнаружить новые горизонты для развития и трансформации образования.

Помимо этого, об учебно-методической важности данных процессов в образовании свидетельствует тот факт, что государство уделяет немало внимания данной сфере. Заметим, что «интересна предлагаемая постановка задач для кафедр теологии классических университетов: необходима переработка действующих и разработка новых стандартов (профессиональных и образовательных) в области теологии, религиозных и национальных отношений» [5, с. 358].

Второй линией модернизации образования в условиях постсекулярности является стратегия конструктивного взаимодействия светских вузов и религиозных организаций на базе общих площадок федерального уровня. Данный факт демонстрирует единство светских и духовных образовательных учреждений на уровне стратегического развития собственных капиталов, а также общность концептуального восприятия приоритетов и наиболее перспективных линий развития современного образования. Иными словами, можем сказать, что университеты страны в большинстве своем согласны с позицией, согласно которой светская и духовная стороны образовательной деятельности тесно связаны. Они способны дополнять друг друга, а результатом, в свою очередь, подобной деятельности могут стать междисциплинарные форумы, круглые столы и конференции. Обращаясь к примерам такого формата взаимодействий образовательных учреждений, можно вспомнить успешный опыт создания в 2018 г. «Научно-образовательной теологической ассоциации» (НОТА), целью которой являются

развитие, методическая поддержка и продвижение теологического знания, включающего в себя ценностно-мировоззренческое ядро для отечественной культуры.

Модернизация современного образования по линии объединения образовательных учреждений на базе крупных площадок федерального уровня служит маркером политики государства в сфере высшего образования. Для государства стал очевидным тот факт, что в обществе давно назрела необходимость консолидации светских и духовных вузов не только для преобразования и улучшения качества образовательного процесса, но и для возможности решения важнейших стратегических задач по сохранению культурной и национальной идентичности, просвещения населения, развития патриотического воспитания граждан.

Третья линия модернизации образования в постсекулярном мире поддерживает направления «Религиоведение» и «Теология» в пространстве вузовского образования, которые в современном образовательном дискурсе уже не являются объектом для скепсиса и необоснованной критики. Современное общество давно убедилось в том, что поддержка данных направлений – важнейшая задача для сохранения социокультурной стабильности общества. Религиоведы и теологи – это востребованные специалисты на рынке труда, не только способные заниматься образовательно-просветительской деятельностью, но и обладающие широким спектром компетенций для анализа этно-конфессиональных отношений в регионе, разработки программ в сфере стабилизации социальных отношений различных слоев населения, создания перечня предложений и мероприятий по противодействию террористической угрозе. Сама область духовного в современном обществе стала особым социальным измерением, в пространстве которого профессиональной деятельностью должны заниматься люди, обладающие экспертными знаниями и компетенциями.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, можно заявить, что сама динамика и специфика постсекулярного общества диктует новые правила и условия взаимодействия и функционирования различных социальных институтов. Образование, будучи одним из центральных институтов современного общества, должно модернизироваться по различным направлениям своей деятельности: учебно-методическому, проектному, инновационному, организационно-управленческому. Сама приставка «пост» в термине «пост-

секулярный» говорит уже о том, что на уровне восприятия религии всем обществом произошло серьезное изменение. В религии теперь видят не устаревшую архаичную мировоззренческую программу, а усматривают в ней потенциально эффективную для различных сфер общества культурную единицу. Постсекулярная культура – это культура, в которой линия демаркации между светскостью и духовностью размывается. Особенно это заметно на примере института образования, содержательная часть которого включает в себя не только светские концепции и поведенческие модели, но и религиозные. Все эти факты могут свидетельствовать о том, что дальнейшее развитие сферы образования будут проходить в векторе сближения светской и духовной культур.

Список литературы

1. Кирабаев Н. С., Тлостанова М. В. Модели современного гуманитарного образования // Высшее образование в России. 2009. № 1. С. 24–32.
2. Сидельник В. В. Аксиология образования // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 1. С. 180–182.
3. Данилов С. А., Ручин В. А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 10–14. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-10-14>
4. Сюсюкин В. А. Постсекулярные дискурсы в цифровом обществе : перипетии религиозного образования // Современная культурология : проблемы и перспек-

тивы : сборник статей молодых ученых / под ред. Е. В. Листвиной, Н. П. Лысиковой. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 130–135.

5. Шмонин Д. В. Теология в системе образования современной России : точки роста // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. № 4. С. 355–363.

References

1. Kirabayev N. S., Tlostanova M. V. Models of modern humanitarian education in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2009, no. 1, pp. 24–32 (in Russian).
2. Sidelnik V. V. Axiology of education. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov], 2016, no. 1, pp. 180–182 (in Russian).
3. Danilov S. A., Ruchin V. A. Risk-generating aspect of education and sociocultural potential of the society in the context of digitalization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 10–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-10-14>
4. Syusyukin V. A. Post-secular discourses in a digital society: The vicissitudes of religious education. In: E. V. Listvina, N. P. Lysikova, eds. *Sovremennaya kulturologiya: problemy i perspektivy: sbornik statey molodykh uchenykh* [Modern Cultural Studies: Problems and Prospects: Collection of articles by young scientists]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2021, pp. 130–135 (in Russian).
5. Shmonin D. V. Theology in the education system of modern Russia: Growth points. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Russian Christian Academy for the Humanities], 2018, no. 4, pp. 355–363 (in Russian).

Поступила в редакцию 19.02.2022; одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 19.02.2022; approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 170–175

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 170–175

<https://phpp.sgu.ru>

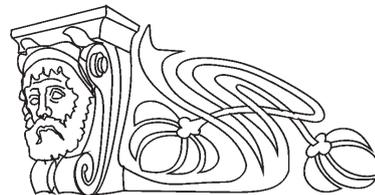
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-170-175>

Научная статья

УДК 130.123:316.776.33

Как кино меняет социальную реальность: the social impact entertainment

С. В. Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Аннотация. Статья посвящена анализу медиаконцепций, описывающих, обосновывающих и подкрепляющих социальное влияние киноконента. Кино может не только изменять социальную психологию, но прямо детерминировать социальное действие, подобно тому, как реклама детерминирует потребительское поведение. Рассматриваются теоретические и практические истоки концепции «Social Impact Entertainment» с учетом обобщений М. Сабидо и его опыта по внедрению концепции «Entertainment-Education» в производство коммерческих мелодраматических сериалов. Особое внимание уделяется рецепции методологии Сабидо американской некоммерческой организацией Population Media Center и характерной для нее модернизации теоретических оснований методологии. Установлен диапазон социальных проблем, для решения которых РМС-методология считается эффективной: профилактика и лечение социально значимых заболеваний, контроль рождаемости, лечение аддикций, снижение дискриминационного поведения. Показана структура исследовательского цикла, сопровождающего разработку и дистрибуцию медиаконента, производимого по модели «Social Impact Entertainment», вызываемая его спецификой синергия усилий высшего образования, академических исследователей, кинобизнеса, экспертов и мэтров киноиндустрии. Формулируется вывод о том, что в условиях гибридного потребления модель «Social Impact Entertainment» выходит за рамки кинематографа и применяется к разработке и продвижению конента всех массовых цифровых медиа развлекательного характера: документальное кино, видеоконтент, компьютерные игры, стримы, телешоу используют прямую мотивацию реципиентов на включение в конкретные виды социальных действий. Интеграция механики рекламного объявления в сторителлинг нарратив цифрового конента позволяет решить широкий спектр проблем, связанных с социальным вовлечением, от адаптации в сообществах социальных движений до преодоления страхов новизны.

Ключевые слова: социальное влияние, социальные изменения, медиаконтент, цифровой контент, импакт-контент, social impact entertainment

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00297 «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики»).

Для цитирования: Тихонова С. В. Как кино меняет социальную реальность: the social impact entertainment // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 170–175. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-170-175>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

How cinema changes social reality: The social impact entertainment

S. V. Tikhonova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sophia V. Tikhonova, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Abstract. Introduction. The article deals with the analysis of media concepts that describe, justify and reinforce the social influence of the film content. Cinema can change not only social psychology, but directly determine social action, just as advertising determines consumer behavior. **Theoretical analysis.** The author examines the theoretical and practical origins of the concept of “social impact entertainment”, starting with the theoretical generalizations of M. Sabido and his experience in introducing the concept of “Entertainment-Education” into the production of commercial melodramatic series. The author pays special attention to the rethinking of the Sabido methodology by the American non-profit organization Population Media Center and its modernization. She establishes a range of social problems for which the

PMC methodology is effective: prevention and treatment of socially significant diseases, birth control, treatment of addictions, reduction of discriminatory behavior. The structure of the research cycle accompanying the development and distribution of media content produced according to the "social impact entertainment" model leads to a synergy of efforts of higher education, academic researchers, film business, experts and masters of the film industry. **Conclusions.** The author comes to the conclusion that in the conditions of hybrid media consumption, the "social impact entertainment" model goes beyond the boundaries of cinema and is applied to the development and promotion of content of all mass digital media of an entertainment nature. Documentaries, video content, computer games, streams, TV shows use direct motivation of recipients to be included in specific types of social actions. The integration of ad mechanics into the storytelling narrative of digital content solves a wide range of problems related to social engagement, from adaptation in social movement communities to overcoming fears of novelty.

Keywords: social impact, social change, media content, digital content, impact content, social impact entertainment

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00297 "Time mythologization in the modern media environment: The risks of transformation, construction strategies, discursive practices").

For citation: Tikhonova S. V. How cinema changes social reality: The social impact entertainment. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 170–175 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-170-175>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Может ли кино менять общество? Эстетическое воздействие кино на человека позволяет ему выполнять ряд мировоззренческих функций, связанных с изменением ценностного отношения, информированием, пропагандой и обучением. Кино воспитывает и просвещает, развлекает и утешает. Модели воздействия кино на личность обычно объясняют вклад первого в социальную динамику опосредованно, через изменения социальной психологии. При этом видеореклама, появившаяся в 1941 г., накопила огромное количество методик и техник прямого воздействия на человеческое поведение. Вопрос о способности кино менять социальную реальность напрямую, так, как реклама меняет потребительское поведение, приобретает особое значение в цифровую эпоху, когда производство видеоконтента перестало зависеть от сложных технологических комплексов и доступно каждому владельцу смартфона. Кино контент стремительно эволюционирует под воздействием гражданской журналистики, гибко реагирует на изменение повестки дня и становится близким своему зрителю настолько, что роли сценариста, режиссера, продюсера и зрителя становятся диффузными. В рамках данной статьи рассмотрим развитие концепций, превращающих кино (и, шире, медиаконтент) в инструмент прямого побуждения к социальному действию.

Теоретический анализ

Современный подход к социальному воздействию кино контента получил название «Social Impact Entertainment» (SIE). Оно закрепились за концепцией создания медиаконтента, ориентированной на использование его развлекательного потенциала для осуществления

социального влияния. Если современное образование стремится к применению элементов развлекательности в обучении, присоединяя развлечения к социальным изменениям, то продюсеры и режиссеры выбирают обратную стратегию, присоединяя к развлечениям социальные изменения. Кинематограф в этом случае используется как экспериментальная площадка по отработке нового способа социального действия, которое потом должен совершить зритель по принципу челленджа.

Теоретической основой SIE стали идеи М. Сабидо. В 70-х гг. XX в. он применил теорию социального научения А. Бандуры для разработки собственной «теории тона», раскрывающей зависимость конкретного коммуникативного эффекта аудитории от языка тела актера, порождающего эмоциональный резонанс. Опираясь на идею о триедином мозге П. Мак-Лина (в настоящее время считается несостоятельной с точки зрения научной обоснованности), Сабидо разделил психические процессы (потoki, тоны) на инстинктивные, эмоциональные, интеллектуальные, показывая, что в актерской игре присоединением тонов друг к другу можно добиться их усиления: «Можно расположить элементы потока таким образом, чтобы усилить, ослабить, выделить и (или) уменьшить тон коммуникации» [1, p. 17]. Далее он показал распределение тональности в жанре мелодрамы, связав ее с характером персонажей и их функциональную ролью в развитии сюжета. Положительные и отрицательные персонажи, характер которых не меняется на протяжении сюжета, концентрируют способы социального поведения, пригодные или непригодные для решения конкретной проблемы. В соответствии с теорией социального научения Бандуры они будут получать вознаграждение и наказание за

свою поведенческую стратегию. Переходные персонажи, к которым относятся главные герои, эволюционируют от плохого к хорошему, приходя от неудач (наказание) к успеху (вознаграждение). Именно с ними соотносит себя зритель, во-первых, рассматривая получаемое ими вознаграждение, как свое личное; во-вторых, используя его как основу собственной стратегии, приближая ее к поступкам главного героя. Поскольку сериальные драмы продолжают годами, зритель воспринимает их персонажей как представителей своей домашней группы и ориентируется на их поступки. Коммуникативную детализацию этого процесса Сабидо основывал на собственной модификации модели коммуникации Шеннона-Уивера, приблизив коммерческий мелодраматический сериал к специфике маркетинговой коммуникации. Он замкнул исходную линейную модель в круг, с источником коммуникации соотнес производителя продукта, с сообщением – предложение его купить, с каналом – саму мыльную оперу, а ответ на коммуникацию – покупку товара и изменение рейтингов.

В целом методология Сабидо отличается очевидной эклектичностью, включает в себя сомнительные и спорные концепты, далека от тщательной теоретической проработки и неоднократно критиковалась академическим сообществом. Но ее главным достоинством была прагматическая апробация, начавшаяся с мотивации читателей газеты «Casos de Alarma» на присоединение к системе социального обеспечения. Получив положительный результат тиражирования концептуально обоснованного контента, Сабидо перешел к применению своей «теории тона» в продюсерской деятельности. Его объектом был массовый коммерческий кино контент формата теленовеллы – сериала, сюжетная линия которого выстраивается вокруг романтических отношений пары. Такого рода продукты не обладали особой эстетической ценностью, не несли серьезной мировоззренческой или, тем более, когнитивной нагрузки и традиционно были направлены на развлечение. Хорошо известный российскому зрителю мексиканский сериал «Просто Мария» (компания Останкино демонстрировала его шестой римейк в 1993–1994 гг.) показал прямое влияние стратегии вертикальной социальной мобильности, выбранной главной героиней, на потребительское поведение: «просто» Мария завоевывала высокий социальный статус через совершенствование своих профессиональных навыков портнихи, соответственно, продажи

швейных машин Зингер, очевидно, возросли после выхода сериала, более того, возросло и число учащихся в классах грамотности для взрослых и в классах шитья [2].

Если в рекламном потенциале не было ничего нового, то его образовательное воздействие оказалось неожиданным. Этот эффект Сабидо использовал для продвижения в крупной латиноамериканской корпорации СМИ «Televisa», специализирующейся на производстве испаноязычного кино контента. Сабидо получил в ней пост вице-президента по исследованиям и снял шесть сериалов социальной направленности. Первый – «Ven conmigo» («Пойдем со мной») – пропагандировал образование для взрослых через специализированные классы, остальные концентрировались на планировании семьи. Создание теленовелл требовало координации с программами правительства и третьего сектора, Сабидо позиционировал модель мыльных опер как «развлечение с доказанной социальной пользой»; этот концепт позднее был трансформирован в идею коммуникационной стратегии «Entertainment-Education» и получил весьма широкое хождение в странах третьего мира [3]. Успех идей Сабидо в секторе коммерческих сериалов открыл новые перспективы для творческих поисков в области «образования без принуждения» посредством любых видов и жанров популярной массовой культуры, хотя их родной стихией был и остается жанр сериалов.

Подход Сабидо адаптировался американской некоммерческой организацией Population Media Center (PMC), штат Вермонт, применяющей развлекательно-образовательный контент для изменения взглядов и поведения, связанных со здоровьем и благополучием, в двадцати странах мира, для повышения эффективности развлекательного образования, и в этом качестве получил название PMC-методологии [4]. Ее теоретический блок совершенствуется. Например, публикации PMC опираются на данные исследований динамики социальных норм групп, в частности переломных моментов группового взаимодействия, когда нормативные представления меньшинства становятся доминирующими [5]. Особую важность приобретают результаты сравнительного анализа воздействия разных форм передачи обучающей информации – через истории о вымышленных персонажах и научный текст, в соответствии с которыми идентификация с персонажами и эмоциональное вовлечение в проблему, характерное для художественного видеоконтента,

эффективнее обеспечивает сдвиг в знаниях, ценностных отношениях и поведенческих установках [6, 7]. Точность части когнитивного компонента образовательного контента снижается при усвоении через киноформу, но возрастает его мотивационное воздействие за счет эффекта погружения [8]. Все это позволяет калибровать классические теории коммуникации таким образом, чтобы выявить все аспекты коммуникативной цепи, характерной для социального подражания.

Соответственно, создание конкретного вида контента на основе РМС сопровождается длительным исследовательским циклом. Предварительная фаза начинается с антропологических и культурологических исследований аудитории, далее следует изучение проблемы, на решение которой должен быть направлен контент. Собранная информация становится основой разработки характеров персонажей и настройки основных сюжетных линий. После этого проводится изучение структуры политики, связанной с ключевой проблемой, резюмируются модели национального легального регулирования связанных с ней отношений, позиции государства, групп влияния и лидеров мнений. Затем создается сетка ценностей, фиксирующая положительные и отрицательные значения узловых моментов сюжетных линий. После полномасштабного производства проекта (или ее пилотной части) и ее запуска идет мониторинг, в ходе которого на основе обратной связи с аудиторией оценивается ее реакция на персонажей и интерпретации их поведенческого выбора. Через некоторое время после воздействия независимая исследовательская группа проводит количественное исследование влияния контента, предполагающее сравнение позиций аудитории и не-аудитории.

Эмпирический анализ

К проблемам, решаемым с помощью РМС-методологии, относятся профилактика и лечение социально значимых заболеваний, контроль рождаемости, лечение аддикций, снижение дискриминационного поведения. Поскольку распространение социальных сетей превратило потребителей в производителей контента, гибридизация жанров масскульта происходит под влиянием не только вкусов и запросов аудитории, но и под влиянием производимых ею продуктов – роликов Ютуба и ТикТока, сторителлинга социальных медиа, ориентированных на текст. Современная массовая культура отходит от канонических форм мыльной оперы,

радиоспектакля, телепрограммы. Появляются токшоу, включающие в себя элементы гражданской журналистики; компьютерные игры продолжают фильмы, а фильмы ставятся по мотивам игр; сериалы из дешевого жанра превращаются в высокий; документальное кино сближается с компьютерной игрой, постановкой, стримом и включенным наблюдением.

Как уже отмечалось, научные исследования играют принципиально значимую роль, что сближает академическое сообщество и прикладные центры. Например, сериал «East Los High» (2013–2017), спродюсированный при участии Population Media Center, изучался исследователями, аффилированными в Университете Калифорнии (Лос-Анджелес) [9], в Школе театра, кино и телевидения которого (UCLA TFT) был открыт «Skoll Center for Social Impact Entertainment». Эта структура создавалась на пожертвования миллиардера Д. С. Сколла, интересы которого лежат в области интернет-предпринимательства (eBay) и кинопроизводства (множество фильмов, включая оscarоносных «Spotlight», «Citizenfour» и «An Inconvenient Truth»). Сколл был одним из первых идеологов импакт-инвестирования, концепции, вменяющей инвестициям социальную ответственность и предполагающую, что инвестор одновременно преследует в качестве цели финансовую отдачу и позитивное социальное воздействие. В упомянутой статье говорится о том, как концепция «Entertainment-Education» позволила сериалу повлиять на знания, взгляды и поведение молодых латиноамериканцев (американцев), относящиеся к области репродуктивного здоровья и подростковой беременности; особое внимание авторы уделяют жанровым находкам, сближающим продукт и зрителей.

Исследователи Университета Калифорнии также создали аналитический отчет «The State of SIE», освещающий и картирующий ландшафт развлечений с социальным воздействием с помощью отраслевых экспертов и художников (<https://thestateofsie.com>).

В России в 2021 г. запущен просветительский проект «Импакт-медиа. Продюсирование импакт-контента», стейкхолдеры – частный медиахолдинг Национальная Медиа Группа, АНО «Лаборатория Социальных Коммуникаций «Третий Сектор» и Школа кино и телевидения Фёдора Бондарчука «Индустрия». Активно работают Клуб «Импакт Медиа», объединяющий киносообщество вокруг проблем создания и продвижения социально значимых

медиа-сообщений. Исследования ведутся на Платформе «Центра социального проектирования», в частности разработан аналитический отчет «Социально значимое кино: запрос аудитории и перспективы развития» (Москва, 2021), посвященный социальным запросам к российскому кино в условиях гибридного медиа-потребления, лояльности аудитории и ее реакциям на импакт-кинопроекты. К успешному российскому импакт-контенту можно отнести медиапроекты #ЯВОЛОНТЕР, #УСЛЫШЬМЕНЯ; фильмы «Спаси другого», #ЯВОЛОНТЕР, «ТЕРИБЕРКА.LIFE ОНИ ЭТО МЫ, ДЕЛО ЖИЗНИ»; множество роликов и короткометражек. Прорывом в этом направлении стало интерактивное кино. Первый интерактивный фильм «Найден. Жив» не только рассказывает зрителю о работе поисковых команд «Лиза Алерт», но и содержит элементы обучения поисковой работе, включая инструменты прямого вовлечения в нее.

Выводы

Важно отметить, что импакт-контент направлен на совершение конкретного поступка, имеющего социальное значение. Им может быть заявка на волонтерскую работу, обращение за психологической помощью или в центр поддержки людей, попавших в кризисную ситуацию, прохождение медицинского обследования. При этом данные канала, необходимого для совершения поступка, прямо встраиваются в контент – зрители несколько раз во время трансляции видят телефон и электронный адрес кризисного (волонтерского) медицинского центра, а в сюжет включаются эпизоды, демонстрирующие эффективность контактов по этому каналу. Фактически используется механика рекламного объявления, не только сообщающая о нужном реципиенте объекте, но и одновременно обучающая доступу к нему и снимающая страхи, связанные с новизной доступа. Такая первичная коммуникация превращает локальный поведенческий акт в триггер включения в заинтересованное сообщество и локальную социальную активность, по отношению к которым мировоззренческие изменения скорее вторичны.

Список литературы

1. Sabido M. Miguel Sabido's Entertainment-Education // *Entertainment-Education Behind the Scenes* / eds. L. B. Frank, P. Falzone. Cham : Springer International Publishing, 2021. P. 15–21.
2. Singhal A., Obregon R., Rogers E. M. Reconstructing the story of *Simplemente Maria*, the most popular telenovela in Latin America of all time // *Gazette* (Leiden, Netherlands). 1995. Vol. 54, № 1. P. 1–15.
3. Singhal A., Rogers E. M., Brown W. J. Harnessing the potential of entertainment-education telenovelas // *Gazette* (Leiden, Netherlands). 1993. Vol. 51, № 1. P. 1–18.
4. Barker K. Broadcasting New Behavioral Norms : Theories Underlying the Entertainment-Education Method // *Handbook of Communication for Development and Social Change* / ed. J. Servaes. Singapore : Springer Singapore, 2018. P. 1–20.
5. Nyborg K., Anderies J. M., Dannenberg A., Lindahl T., Schill C., Arrow K., Carpenter S. R., Chapin F. S., Crépin A.-S., Daily G., Ehrlich P. R., Folke C., Jager W., Kautsky N., Levin S., Madsen O. J., Polasky S., Schelfer M., Walker B., Weber E., Wilen J., Xepapadeas A., Zeeuw A. Social norms as solutions // *Science*. 2016. Vol. 354, № 6308. P. 42–43.
6. Love G. D., Tanjasiri S. P. Using Entertainment-Education to Promote Cervical Cancer Screening in Thai Women // *Journal of Cancer Education*. 2012. Vol. 27, № 3. P. 585–590.
7. Murphy S. T., Valente T., Rimal R., Baezconde-Garbanati Z. Narrative versus Nonnarrative : The Role of Identification, Transportation, and Emotion in Reducing Health Disparities: Narrative vs. Nonnarrative // *Journal of Communication*. 2013. Vol. 63, Narrative versus Nonnarrative, № 1. P. 116–137.
8. Morgan S. E., Movius L., Cody M. J. The Power of Narratives: The Effect of Entertainment Television Organ Donation Storylines on the Attitudes, Knowledge, and Behaviors of Donors and Nondonors // *Journal of Communication*. 2009. Vol. 59. The Power of Narratives, № 1. P. 135–151.
9. Kim G., Noriega C. The Value of Media Studies Approaches for the Evaluation of Entertainment Education: A Case Study of East Los High // *Health Education & Behavior*. 2020. Vol. 47, № 1. P. 24–28.

References

1. Sabido M. Miguel Sabido's Entertainment-Education. In: Frank L. B., Falzone P., eds. *Entertainment-Education Behind the Scenes*. Cham, Springer International Publishing, 2021, pp. 15–21.
2. Singhal A., Obregon R., Rogers E. M. Reconstructing the story of *Simplemente Maria*, the most popular telenovela in Latin America of all time. *Gazette* (Leiden, Netherlands), 1995, vol. 54, no. 1, pp. 1–15.
3. Singhal A., Rogers E. M., Brown W. J. Harnessing the potential of entertainment-education telenovelas. *Gazette* (Leiden, Netherlands), 1993, vol. 51, no. 1, pp. 1–18.
4. Barker K. Broadcasting New Behavioral Norms: Theories Underlying the Entertainment-Education Method.

- In: J. Servaes, ed. *Handbook of Communication for Development and Social Change*. Singapore, Springer Singapore, 2018, pp. 1–20.
5. Nyborg K., Anderies J. M., Dannenberg A., Lindahl T., Schill C., Arrow K., Carpenter S. R., Chapin F. S., Crépin A.-S., Daily G., Ehrlich P. R., Folke C., Jager W., Kautsky N., Levin S., Madsen O. J., Polasky S., Scheffer M., Walker B., Weber E., Wilen J., Xepapadeas A., Zeeuw A. Social norms as solutions. *Science*, 2016, vol. 354, no. 6308, pp. 42–43.
 6. Love G. D., Tanjasiri S. P. Using Entertainment-Education to Promote Cervical Cancer Screening in Thai Women. *Journal of Cancer Education*, 2012, vol. 27, no. 3, pp. 585–590.
 7. Murphy S. T., Valente T., Rimal R., Baezconde-Garbanati Z. Narrative versus Nonnarrative: The Role of Identification, Transportation, and Emotion in Reducing Health Disparities: Narrative vs. Nonnarrative. *Journal of Communication*, 2013, vol. 63, Narrative versus Nonnarrative, no. 1, pp. 116–137.
 8. Morgan S. E., Movius L., Cody M. J. The Power of Narratives: The Effect of Entertainment Television Organ Donation Storylines on the Attitudes, Knowledge, and Behaviors of Donors and Nondonors. *Journal of Communication*, 2009, vol. 59, The Power of Narratives, no. 1, pp. 135–151.
 9. Kim G., Noriega C. The Value of Media Studies Approaches for the Evaluation of Entertainment Education: A Case Study of East Los High. *Health Education & Behavior*, 2020, vol. 47, no. 1, pp. 24–28.

Поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 13.03.2022; approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 25.03.2022

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 176–182

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 176–182
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-176-182>

Научная статья
УДК 005.32

Организационные эффекты лояльности персонала в учреждениях социальной сферы

О. В. Андриященко, Н. В. Моисеенко, И. Ю. Суркова

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2

Андриященко Оксана Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, deskew@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4952>

Моисеенко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом, mois1971@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6816-5555>

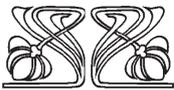
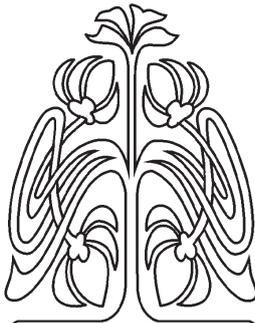
Суркова Ирина Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом, irina_surkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-0128>

Аннотация. В статье рассмотрены результаты диагностики лояльности персонала Управления социальной поддержки населения и Центра занятости населения, выполненной в рамках комплексного исследования учреждений социальной сферы. Анализируются основные факторы, влияющие на организационную лояльность, описываются опорные теоретические модели, послужившие теоретико-методологической основой исследования. Для определения уровня и структуры лояльности применялся комплексный подход с использованием опросника OCS Портера-Стирса, при этом для диагностики объектов и факторов лояльности использовались отдельные индикаторы авторской анкеты. Обосновывается влияние на уровень лояльности таких показателей, как категория персонала (руководители и рядовые сотрудники); стаж работы в организации (новички и опытные работники); принадлежность к определенным отделам организации, соответственно, влияющей на функционал сотрудников; уровень профессионального выгорания (напряжение, резистенция, истощение). Отдельно анализируется влияние лояльности на потенциальную текучесть персонала, что фактически маркирует проблемные зоны в управлении персоналом и актуализирует задачи закрепления кадров, чрезвычайно важные для социальной сферы.

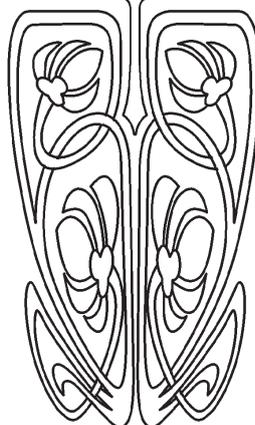
Ключевые слова: организационная лояльность, удовлетворенность персонала, профессиональное выгорание, потенциальная текучесть, социальные службы, социальная поддержка населения

Для цитирования: Андриященко О. В., Моисеенко Н. В., Суркова И. Ю. Организационные эффекты лояльности персонала в учреждениях социальной сферы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 176–182. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-176-182>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Organizational effects of staff loyalty in social institutions

O. V. Andryuschenko, N. V. Moiseenko, I. Yu. Surkova ✉

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 bld. 2, Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Oksana V. Andryuschenko, deskew@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4952>

Nataliya V. Moiseenko, mois1971@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6816-5555>

Irina Surkova, irina_surkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-0128>

Abstract. Introduction. The article presents the research based on the organizations' request to improve the efficiency of their activities, the need to build complex HR systems in modern conditions of a dynamic and rapidly changing environment. Authors consider the results of the staff commitment diagnostics of "Social Support Department" and "Employment Center". This research is a part of a comprehensive study of social support institutions and employment centers, implemented by order of the Ministry of Labor and Social Protection in the Saratov region. **Theoretical analysis.** The main factors influencing organizational commitment are analyzed, the basic theoretical models that served as the theoretical and methodological basis of the study are described: the behavioral approach of H. S. Becker, the *attitudinal commitment* of Richard T. Mowday, Richard M. Steers, Lyman W. Porter, multidimensional models of J. P. Meyer, N. J. Allen, P. Morrow, T. Becker's theory of loyalty foci. The Porter-Steers OCS questionnaire was used for determining the level and structure of commitment within the context of integrated approach. Separate indicators of the author's questionnaire were used to diagnose objects and commitment factors in addition. **Conclusions.** According to the study's results, the authors conclude that the influence on the commitment level of such indicators as the category of personnel (managers, supervisors and ordinary employees); work experience in the organization (beginners and experienced employees); belonging to certain departments of the organization, respectively, affecting the functionality of employees; the level of professional burnout (tension, resistance, exhaustion). Separately, the influence of commitment on potential staff turnover is analyzed. It marks problem areas in personnel management and actualizes the tasks of securing personnel, which are extremely important for the social sphere.

Keywords: organizational loyalty, staff satisfaction, professional burnout, potential turnover, social services, social support of the population

For citation: Andryuschenko O. V., Moiseenko N. V., Surkova I. Yu. Organizational effects of staff loyalty in social institutions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 176–182 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-176-182>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Организационная лояльность длительное время является объектом внимания как теоретиков, так и практиков. Пик интереса к этому явлению приходится на 2000-е гг., именно к этому времени завершается формирование теоретического корпуса материалов и происходит накопление большого массива эмпирических данных. Позднее феномен лояльности переосмысливается в контексте связи с другими явлениями, такими как организационная культура, социально-психологический климат, бренд работодателя и пр. На место восприятия лояльности как универсального средства от всех организационных проблем приходит более зрелое понимание того, что это комплексное явление, имеющее в своей основе сложный механизм предикторов. Запрос от организации на быстрые «рецепты» в управлении лояльностью смещается в сторону более осознанных трансформаций, в которых лояльность – это не столько цель, сколько метрика, позволяющая организациям не сбиваться с курса в деле организационных и hr-изменений.

Теоретическая рамка исследования

Прежде чем приступить к описанию результатов, зафиксируем теоретическую рамку проведенного исследования – обозначим основные подходы к пониманию организационной лояльности и представим панораму ключевых факторов, влияющих на данное явление.

Теория лояльности имеет давнюю традицию. Истоком теоретической концептуализации данного феномена принято считать работы Г. Беккера 1960–1964 гг. [1], однако ее оформление как самостоятельного направления приходится на 1970–1990-е гг. (проекты Р. Маудэя, Л. Портера, Р. Стирса [2], затем – Дж. Мейера и Н. Аллен [3]).

Г. Беккер, будучи одним из первых, кто представил теоретическую концепцию лояльности, трактовал ее как результат позитивных транзакций индивида и организации на основе позитивных подкрепителей. Слабой стороной его интерпретации лояльности было недостаточное внимание к эмоционально-поведенческому комплексу реакций индивида на организацию. Этот пробел был воспол-

нен десятилетие спустя в рамках проекта Р. Маудэя, Л. Портера и Р. Стирса, которые систематизировали и оформили наработки предшественников по психологической линии, в частности Р. Кантер [4] и Г. Келмана [5].

Маудэй, Портер, Стирс определили лояльность в терминах идентификации сотрудника с организацией и выделили в ее структуре три компонента: 1) силу веры и принятие целей и ценностей компании; 2) готовность проявлять значительные усилия на благо организации; 3) силу желаний поддерживать принадлежность к компании [2, р. 226]. Несмотря на явный «психологизм» проекта Маудэя, как и у Беккера, поведение индивида занимает центральное место. Помимо прочего, несомненная заслуга Маудэя – создание первого в теории лояльности опросного инструмента для диагностики лояльности (опросник ОСQ). Его логическим продолжением стал опросник OCS-93 Дж. Мейера и Н. Аллен. В отличие от проекта Маудэя их модель лояльности, заложенная в структуру опросника, является многомерной и содержит следующие компоненты: 1) аффективный – в компании остаются потому, что хотят этого; 2) продолженная лояльность – в компании остаются потому, что это выгодно; 3) нормативная лояльность – в компании остаются потому, что испытывают чувство долга перед ней [3, р. 64].

Что касается факторов, влияющих на лояльность, то в этом направлении «классическим» считается исследование Дж. Мэтью и Д. Зака [6]. Ими была обнаружена положительная корреляция между лояльностью и полом, возрастом, стажем работы, уровнем заработной платы. Негативно с лояльностью коррелировали семейное положение и уровень образования. Впоследствии множество исследований, проведенных в разных социокультурных контекстах, либо подтверждали, либо опровергали полученные результаты. Наиболее часто противоречивые данные получают по таким характеристикам, как пол, возраст, уровень образования, стаж работы. Так, Э. Синх и Б. Гупта (Singh & Gupta, 2015), проведя опрос 500 сотрудников крупнейших индийских компаний, получили стабильно высокие показатели корреляции – чем старше сотрудники, тем выше их аффективная лояльность к компании. Однако сами авторы подчеркивают, что их исследование не репрезентативно для других социокультурных контекстов [цит. по: 7, р. 14]. Ряд исследователей получили варианты нелинейной зависимости лояльности от возраста. Это объясняется преимущественно наличием переменных-медиаторов. Б. Эшфорт и Дж. Чанг обнаружили U-образный график

зависимости. Р. Несмеянова на российской выборке также получила данные о том, что стаж работы является медиатором для связи лояльности и возраста, однако, в отличие от Эшфорта, Чанга и других исследователей ее результаты демонстрируют линейную зависимость [цит. по: 8, р. 279].

Среди факторов, влияющих на лояльность, отечественные и зарубежные исследователи называют следующие: автономия работы; разнообразие трудовых задач; сложность и напряженность работы; условия труда; степень вовлеченности в решение проблем организации; степень информированности работников о проблемах организации; стиль лидерства; групповая сплоченность; доверие к организации; соответствие ценностей; организационная поддержка; организационная справедливость; организационная культура; структура организации; оплата труда [9, с. 9–11].

Среди наиболее значимых последствий лояльности в поле исследовательского интереса чаще всего попадает текучесть. Здесь большинство авторов сходятся в наличии негативной корреляции (Likewise, Mathieu and Zajac, 1990, Shelby and Vaske, 2008, Haidich, 2010). Сильная негативная корреляция наблюдается даже в тех отраслях, где высокая текучесть является нормой, например в секторе HORECA [10, р. 112]. Помимо этого, в качестве значимых последствий высокой лояльности называется вовлеченность, хотя многие исследователи полагают, что между этими двумя явлениями существуют переменные-медиаторы, в частности удовлетворенность.

Дизайн исследования

Диагностика уровня и факторов лояльности была проведена в рамках исследовательского проекта учреждений социальной сферы, реализованного с сентября по декабрь 2020 г. на базе двух организаций – Управления социальной поддержки населения и Центра занятости населения. Цель проекта состояла в выявлении факторов, влияющих на результативность деятельности, и разработка рекомендаций по повышению эффективности функционирования и реализации стратегии развития.

Для определения уровня и структуры лояльности применялся опросник OCS Портера-Стирса, для диагностики объектов и факторов лояльности – авторская анкета. Суммарный объем выборки по двум организациям составил 89 респондентов. На основе исходных данных был проведен кросс-анализ для установления текущего состояния лояльности и основных факторов.

Результаты исследования

На основе анкетирования персонала в ГКУ СО «Управление социальной поддержки населения» по опроснику Портера-Стирса был выявлен уровень лояльности персонала как в самой организации, так и в ее структурных подразделениях. В качестве нормативных были взяты значения, полученные В. Доминьяком при валидации ОСQ на российской выборке: в целом по организации среднее 4,5 (стандартное отклонение – 0,93), рядовые сотрудники – 4,4 (стандартное отклонение – 0,87), руководители среднего звена – 4,6 (стандартное отклонение – 0,81).

Общеорганизационный уровень лояльности можно назвать средним, так как больше половины респондентов (53%) находятся в диапазоне 3,58–5,42 (средняя – 4,46), 30% сотрудников аккумулирует диапазон с низкими значениями. Наименьшее число респондентов, а именно 17%, дали достаточно высокую оценку уровня лояльности персонала (рис. 1).

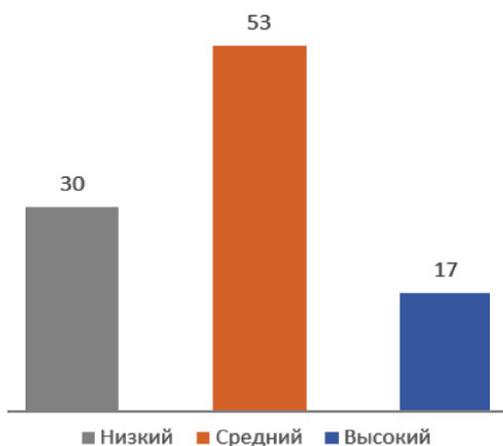

Рис. 1. Распределение сотрудников по уровням лояльности, % (цвет online)

Fig. 1. Stratification of employees by commitment levels, % (color online)

В разбивке по категориям персонала были получены следующие данные: и руководители среднего звена, и рядовые сотрудники находят-

ся преимущественно в диапазоне среднего уровня лояльности (69,2 и 47,1% соответственно). Второй по частотности диапазон – **низкая лояльность**. Здесь процент рядовых сотрудников выше, чем руководителей – 31,4% против 23,1%. **Высокий уровень** характерен для 21,6% рядовых сотрудников и всего для 7,7% руководителей. Таким образом, наблюдается более однородная группа руководителей, но их показатели не поднимаются выше среднего, в то время как рядовые сотрудники, в том числе в силу своей большей численности, менее однородны и имеют полярные группы в диапазонах высокой и низкой лояльности.

В исходных ответах респондентов **минимальные значения** (1–2 балла) чаще всего набирали утверждения, касающиеся готовности работать сверхурочно (38%) и рекомендовать организацию знакомым (32%), преданности организации (28%), согласия на любую работу (35%). **Максимальные баллы** (6–7) получали чаще всего – гордость за организацию (40%), готовность повышать свою производительность (36%), забота о судьбе организации (40%).

В рамках кросс-анализа можно наблюдать зависимости между лояльностью и другими переменными. В частности, таблицы сопряженности показывают, что наибольшее количество сотрудников с **высоким уровнем** лояльности имеют **стаж работы до 3 лет** (33%), среди тех, кто проработал в организации **4–10 лет, преобладает средний уровень** лояльности (65%) и в диапазоне **низкой лояльности** почти поровну распределились респонденты со стажем 4–10 (30%) и более 11 лет (35%) (рис. 2).

Можно предположить, что подобные результаты связаны с тем, что «новички» не так давно пришедшие в организацию, пока что видят ее в более благоприятном свете, чем сотрудники с более длительным опытом работы. На этапе 4–10 лет уровень лояльности падает и фиксируется в среднем диапазоне, что, скорее всего, связано с увеличением сложности и объема выполняемой

Рис. 2. Кросс-зависимости по переменным «лояльность – стаж работы», % (цвет online)

Fig. 2. Cross-dependencies on the variables “commitment – work experience”, % (color online)

работы. Гипотетически на этой стадии происходит накопление симптомов профвыгорания. И после 11 лет можно наблюдать дифференциацию сотрудников на две группы: тех кто адаптировался к ситуации, их лояльность попадает

в диапазон высоких значений; тех, кто не смог этого сделать и пополнил ряды респондентов с низким уровнем лояльности. Проверим нашу гипотезу на кросс-зависимостях стажа и стадии профвыгорания (рис. 3).

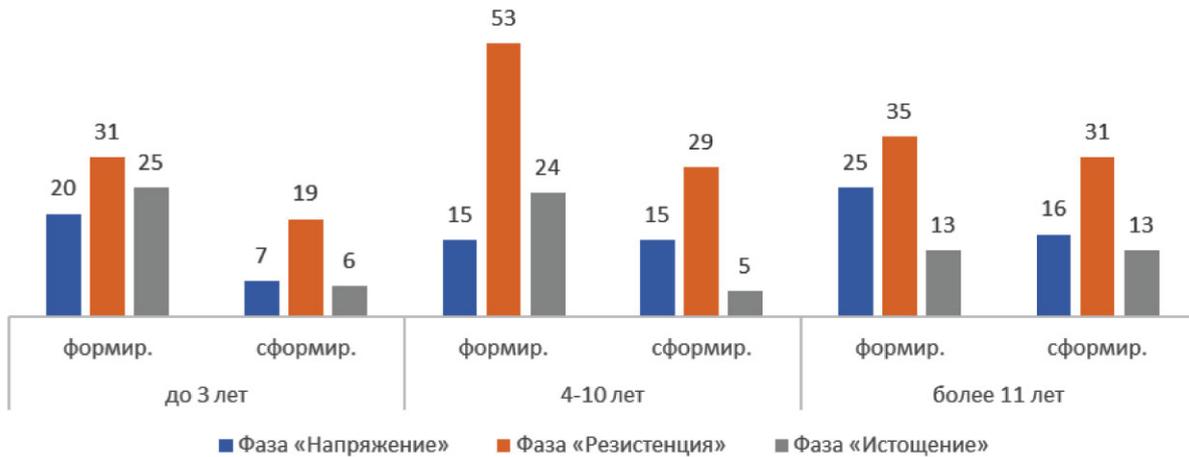

Рис. 3. Кросс-зависимости по переменным «стаж работы – фазы профвыгорания», % (цвет online)
 Fig. 3. Cross-dependencies on the variables “work experience – phases of professional burnout”, % (color online)

Формирующиеся и сформированные стадии профвыгорания наблюдаются как раз у сотрудников со стажем 4–10 лет, преимущественно это стадия «Резистенции» (аккумулирует 82%). У «новичков» задействованы все 3 фазы, но нет четкого доминирования какой-то одной, что свидетельствует о неоднородности этой группы респондентов с точки зрения восприятия стрессогенных факторов. Тревожный сигнал – почти треть «новичков» уже находятся в терминальной фазе «Истощение» (у 25% формируется, у 6% сформирована), потенциально – это кандидаты на уход из организации.

По связке переменных «фаза истощение – лояльность» можно проследить две явные и предсказуемые тенденции: если фаза профвыгорания уже **сформирована, то уровень лояльности падает.**

И лояльность, и профвыгорание – это результат действия комплекса факторов, определяющих уровень развития этих явлений. На первый взгляд, очевидные факторы, связанные материальным/нематериальным вознаграждением, соответствием заработка объему и сложности работы, **практически не влияют на лояльность**, равно как и восприятие работы значимой. Среди респондентов с низким, средним и высоким уровнем лояльности количество тех, кого частично устраивает система материального вознаграждения, 67, 79 и 64% соответственно. По системе нематериального поощрения значения ниже, но тоже не имеют тенденцию к связи с уровнем лояльности – 50,

54, 45%. Вне зависимости от уровня лояльности почти все респонденты (от 95 до 100% в каждой подвыборке) считают свою работу значимой. Что касается соответствия уровня заработка сложности и объему выполняемой работы, то здесь достаточно неожиданно наибольшее количество респондентов (91%) с высоким уровнем лояльности считают, что их оплата труда не соответствует их трудовому вкладу.

В то же время отношения в коллективе и отношение к работе как интересной имеют очень явную тенденцию к **повышению уровня лояльности**. Среди респондентов с низким уровнем лояльности только 39% считают свой коллектив дружным. С высоким уровнем лояльности таких уже 82%.

Отдельно следует сказать про режим работы, материально-техническое обеспечение и удобство индивидуального рабочего места – факторы, которые традиционно относят к «гигиеническим», т.е. тем, которые потенциально могут снизить удовлетворенность, но в своем оптимальном состоянии практически не влияют на нее. Несмотря на то, что прослеживается явный тренд к положительной оценке этих факторов при высокой лояльности и снижение удовлетворенности при низкой, мы предполагаем, что это **связано с опосредующими переменными**. В зависимости от своего состояния гигиенические факторы могут либо эскалировать, либо редуцировать состояние профвыгорания, которое, в свою очередь, влияет на уровень лояльности персонала.

Одним из маркеров лояльности, наиболее значимым для организации, является низкий уровень потенциальной и фактической текучести. На данный момент половина сотрудников (51%) не готова покинуть организацию, а вероятность смены места работы рассматривают 43%, 6% затруднились с ответом. В целом, анализируя связку «лояльность – текучесть», можно отметить, что **уровень потенциальной текучести не настолько высок**, чтобы претендовать на критический. Из 44%, рассматривающих возможность уйти из организации, только 2% готовы сделать это при первой возможности. Для всех остальных это лишь потенциальная ситуация. При этом 46,4% из указанных респондентов имеют стаж более 11 лет, что является очень сильным сдерживающим фактором. Более вероятно, что они продолжают работать в организации. **В группу риска** попадают «новички» со стажем до 3 лет, задумывающиеся об уходе из организации, таких 14,3%. В случае накопления негативной симптоматики, в частности профвыгорания, неудовлетворенности условиями и содержания труда высока вероятность, что для этих респондентов потенциальная текучесть станет фактической.

В целом по организации можно говорить **о среднем уровне лояльности, имеющем тенденцию к понижению** за счет накапливающейся неудовлетворенности условиями труда.

Схожие результаты были получены и в Центре занятости. Общеорганизационный уровень лояльности можно назвать средним, так как подавляющее число респондентов (87,5%) находятся в диапазоне 3,58–5,42 (средняя – 4,46), 12,5% дали достаточно высокую оценку уровня лояльности персонала. Примечательно, что нижний диапазон оказался нулевым.

В привязке уровня лояльности к потенциальной большинство ответов попадают в зону средних значений. **Минимальные значения** (1–2 балла) набрало утверждение о готовности на любую работу, чтобы остаться в организации (27% опрошенных выбрали минимальные баллы). **В наибольшей степени** (6–7 баллов) респонденты согласны с утверждениями о том, что они не сильно преданы и организации и решение о работе в учреждении было для них ошибкой. Таких 28 и 29% соответственно. Однако ответы на остальные вопросы анкеты выравнивают низкие баллы по этим двум позициям, и в целом полученные результаты по Анкете лояльности достаточно оптимистичные.

Что касается данных по уровню потенциальной и фактической текучести, то, на первый взгляд, они противоречат полученным значени-

ям по уровню лояльности – 70% респондентов готовы покинуть организацию, несмотря на средний либо высокий уровень лояльности. Однако подобные настроения вполне объяснимы в свете предстоящей реорганизации и слияния Центра занятости с Управлением социальной поддержки. Сотрудники опасаются сокращений, поэтому рассматривают возможность ухода из организации как вполне реальную. Кроме того, необходимо брать в расчет и то, что у значительной части респондентов либо формируются, либо сформированы фазы «Напряжение» и «Резистенция», а 20% уже находятся в терминальной фазе «Истощение». Все это в совокупности повышает вероятность текучести персонала даже на фоне довольно высоких показателей лояльности.

Выводы

В целом по организации мы можем говорить **о среднем уровне лояльности**, потенциально негативные поведенческие маркеры (текучесть персонала, снижение производительности) в большей степени вызваны внешними обстоятельствами, приводящими к накоплению тревожности и фрустраций у сотрудников. В качестве основных предикторов лояльности были зафиксированы состояние социально-психологического климата, отношение к работе как интересной. Практически не отразились на уровне лояльности материальное и нематериальное вознаграждение, соответствие заработка объему и сложности работы, восприятие работы как значимой для общества.

Структура выборки (ее смещение относительно генеральной совокупности) не позволила проанализировать зависимости лояльности от гендерных характеристик. Что касается возрастных параметров, то здесь результаты гораздо ближе к U-образному графику Эшфорта, чем прямой линейной зависимости Несмеяновой. Данный результат объясняется состоянием переменных-медиаторов (в основном уровнем профвыгорания у персонала с длительным стажем работы). Вместе с тем уровень лояльности практически не сказывается на потенциальной текучести, если не считать более высокие риски по группе новичков со стажем до 1 года.

Анализируя полученные данные в сравнении с аналогичными отечественными и зарубежными исследованиями, следует отметить высокую контекстную зависимость получаемых результатов от специфики деятельности конкретной организации. Несмотря на имеющийся запрос на поиск универсальных предпосылок и следствий лояльности, их конфигурация выглядит скорее чем-то ускользающим и измен-

чивым, чем стабильным и определенным. Это никоим образом не обесценивает значимость этих поисков, а требует каждый раз более гибкой интерпретации получаемых данных и выявления скрытых неочевидных взаимосвязей.

Список литературы

1. Becker H. S., Carper J. The Elements of Identification with an Occupation // *American Sociological Review*. 1956. Vol. 21, № 3. P. 341–348.
2. Mowday R. T., Steers R. M., Porter L. W. Measurement of Organizational Commitment // *The Journal of Vocational Behavior*. 1979. № 14. P. 224–247.
3. Meyer J. P., Allen N. J. A three-component conceptualization of organizational commitment // *Human Resource Management Review*. 1991. № 1. P. 61–89.
4. Kanter R. M. Commitment and Social Organization: A Study of Commitment Mechanisms in Utopian Communities // *American Sociological Review*. 1968. Vol. 33, № 4. P. 499–517.
5. Kelman H. C. Compliance, Identification, and Internalization: Three Processes of Attitude Change // *The Journal of Conflict Resolution*. 1958. Vol. 2, № 1. P. 51–60.
6. Mathieu J. E., Zajac D. M. A review and meta-analysis of the antecedents, correlates, and consequences of organizational commitment // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108 (2). P. 171–194.
7. Al-Jabari B., Ghazzawi I. Organizational Commitment: A Review of the Conceptual and Empirical Literature and a Research Agenda // *International Leadership Journal*. 2019. Vol. 11 (1). P. 78–119.
8. Volkova N., Chiker V. What demographics matter for organisational culture, commitment and identification? A case in Russian settings // *International Journal of Organizational Analysis*. 2020. Vol. 28, № 1. P. 274–290.
9. Лунатов С., Синчук Х. Социально-психологические факторы организационной приверженности сотрудников (на примере коммерческих организаций) // *Организационная психология*. 2015. Т. 5, № 4. С. 6–28.
10. Guzeller C., Celiker N. Examining the relationship between organizational commitment and turnover intention via a meta-analysis // *International journal of culture, tourism and hospitality research*. 2020. Vol.14, № 1. P. 102–120.

Поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 23.01.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

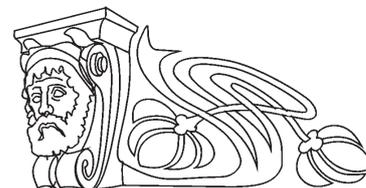

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 183–187
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 183–187
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-183-187>

Научная статья
УДК 159.9

Проактивные копинг-стратегии как фактор удовлетворенности выбором в ситуации принятия решения о миграции

М. Н. Ефременкова

Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29

Ефременкова Мария Николаевна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, [mнемema@yandex.ru](mailto:mnemema@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>

Аннотация. Понимание механизмов принятия решения о трудовой миграции является актуальной проблемой ввиду вовлечения в миграционные процессы все большего количества трудоспособных граждан России. Цель исследования – определение взаимосвязей между проактивными копинг-стратегиями и удовлетворенностью выбором в ситуации принятия решения о трудовой миграции; обоснование медиативного влияния на данную взаимосвязь восприятия ситуации принятия решения о миграции как стрессовой. Основной эмпирический метод исследования – анонимное очное и онлайн-анкетирование. Исследование проведено на выборке 264 чел. в возрасте от 19 до 53 лет, с применением методик: сокращенный вариант опросника «Проактивный копинг» (реадаптация Е. П. Белинской); шкала «удовлетворенность выбором» опросника «Субъективные качества выбора» (Д. А. Леонтьев). Выявлены положительные связи между проактивными копингами и восприятием «стрессовости» ситуации; между удовлетворенностью выбором и восприятием ситуации принятия решения как стресса. Полученные результаты проливают свет на понимание того, какие стратегии совладания с трудностями принятия решения о миграции наиболее эффективны и приводят к восприятию принятого решения как правильного. Полученные результаты могут быть использованы при психологическом сопровождении процесса принятия решения о миграции.

Ключевые слова: миграция, принятие решения о миграции, удовлетворенность выбором, проактивные копинги, стрессовая ситуация

Для цитирования: Ефременкова М. Н. Проактивные копинг-стратегии как фактор удовлетворенности выбором в ситуации принятия решения о миграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 183–187. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-183-187>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Proactive coping strategies as a factor of choice satisfaction in a migration decision-making situation

M. N. Efremenkova

Moscow State University of Psychology & Education, 29 Sretenka St., Moscow 127051, Russia

Mariya N. Efremenkova, [mнемema@yandex.ru](mailto:mnemema@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>

Abstract. Introduction. Understanding the mechanisms of decision-making on labor migration is an urgent problem due to the involvement of an increasing number of able-bodied Russian citizens in migration processes. The purpose of the study is to determine the relationship between proactive coping strategies and satisfaction with the choice in the situation of making a decision on labor migration; substantiation of the mediative influence on this relationship of perceiving the situation of making a decision on migration as stressful. **Theoretical analysis.** An overview of studies of coping strategies used by migrants is given. The main approaches to the study of proactive coping strategies in the context of making life decisions are described. **Conclusions.** It was found that there are positive links between proactive coping and the perception of the “stressfulness” of the situation; between satisfaction with the choice and the perception of the decision-making situation as stressful. The results obtained shed light on the understanding of which strategies for coping with the difficulties of making a decision on migration are the most effective and lead to the perception of the decision made as the right one. The results obtained can be used in the psychological support of the process of making a decision on migration.

Keywords: migration, migration decision-making, satisfaction with choice, proactive coping, stressful situation

For citation: Efremenkova M. N. Proactive coping strategies as a factor of choice satisfaction in a migration decision-making situation. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 183–187 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-183-187>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Ситуация принятия решения о миграции для некоторых субъектов является стрессовой, поэтому изучение способов совладания с таким выбором является психологически целесообразным и актуальным [1]. Под принятием решения, как правило, понимается выбор цели и способа действия для его реализации, процесс выбора одного из всех возможных вариантов поведения в определенной ситуации [2, 3]. Эмоции затрудняют процесс принятия решений и делают его более длительным [4]. В ряде исследований было показано влияние преобладающих копинг-стратегий на уровень удовлетворенности принятыми решениями в различных сферах [5]. Отрицательное воздействие на удовлетворенность оказывали стратегии избегания, самообвинения [6, 7]. Исследование копинг-стратегий, к которым прибегают мигранты-соотечественники, репатриированные в Россию, показало преобладание преимущественно когнитивных и эмоционально-ориентированных копингов, направленных в большей степени на изменение отношения к проблеме, чем на ее решение [8]. Также было показано характерное для мигрантов совладание со стрессом при переселении с помощью социальной поддержки семьи и обращения к религии. Ситуация совладания с трудностями осложнялась употреблением алкоголя, несвоевременным обращением за медицинской помощью, неудовлетворительным оформлением миграционных документов [1]. Выбор стратегий преодоления зависел от таких факторов, как непогашенные кредиты, языковые трудности [9]. О проактивном копинге говорят как о нацеленном на подготовку к вероятной стрессовой ситуации в будущем [10]. Проактивное совладание включает в себя навыки целеполагания, связано с ресурсами для самосовершенствования. Было показано, что субъекты, склонные к применению проактивных копингов, в большей мере удовлетворены выбором профессии, проявляли большую эффективность в учебном процессе [11].

Исследование, проведенное на мигрантах, свидетельствует о том, что активное совладание и оптимизм имеют отрицательную связь с наличием депрессивных состояний и положительно взаимосвязаны с удовлетворенностью жизнью в целом [12]. По данным Д. А. Леонтьева и ученых, изучающих принятие решений в различных ситуациях (выборы в думу, выбор вуза, принятие решения о вступлении в брак), удовлетворенность принятым решением коррелирует с уровнями жизнестойкости, locusom

контроля, психологическим благополучием, личностной автономией и самоэффективностью [13]. Ориентированное на решение задач совладание положительно влияет на удовлетворенность выбором партнера и браком в целом, а стратегии избегания решения проблем, наоборот, удовлетворенность браком снижают [14]. Использование стратегий принятия решений (например, составление списка «за» / «против»), которые заставляют людей анализировать их основания, приводит к большему удовлетворению этими решениями. Следует отметить, что соотношение проактивных копинг-стратегий и удовлетворенности выбором при принятии жизненных решений, в том числе решений о миграции, изучено недостаточно.

Цель данного исследования – определение взаимосвязей проактивных копинг-стратегий и удовлетворенности выбором в ситуации принятия решения о трудовой миграции.

Нами была выдвинуты следующие гипотезы:

H_1 – склонность к применению проактивных копинг-стратегий при принятии решения о миграции будет приводить к повышению удовлетворенности выбором;

H_2 – восприятие ситуации принятия решения как стрессовой опосредует взаимосвязь удовлетворенности субъектом принятым решением и использования проактивных копингов.

Дизайн эмпирического исследования

В настоящем исследовании приняли участие 264 респондента. Возрастной диапазон опрошенных – от 19 до 53 лет, из них 139 женщин (53%, средний возраст – 34 года, $SD = 6,67$) и 125 мужчин (47%, средний возраст – 36 лет, $SD = 7,64$), проживающих в разных городах Российской Федерации: Москве, Санкт-Петербурге, Смоленске, Саратове, Самаре и др. Исследование проводилось анонимно посредством анкетирования (очного и онлайн). Использовался сокращенный вариант опросника «Проактивный копинг», состоящий из 27 утверждений [15]. В методике выделяется 6 шкал. Шкала «проактивное совладание» (ПРО) синонимична самоэффективности, отражает уверенность человека в успешном разрешении трудных ситуаций. Шкала «рефлексивное совладание» (РЕФ) показывает склонность к прогнозированию, анализу имеющихся ресурсов. Шкала «стратегическое планирование» (СП) отражает склонность планировать поведение, разделяя его на отдельные задачи и этапы. Шкала «превентивное совладание» (ПРВ) показывает направленность на

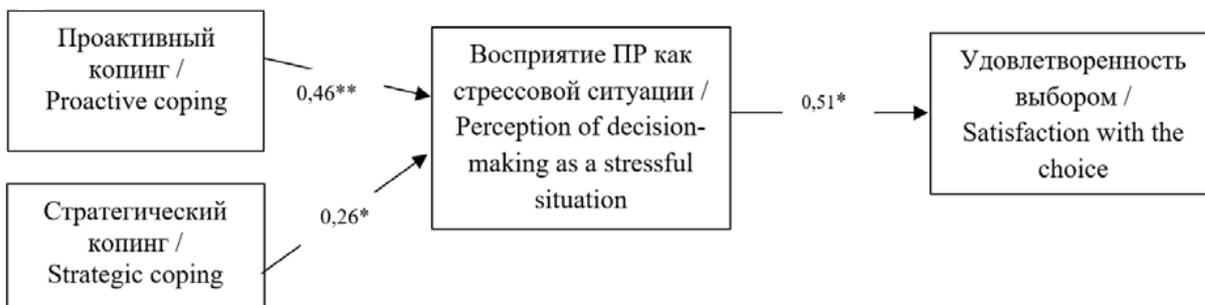
предвосхищение трудностей исходя из опыта. Шкала «поиск инструментальной поддержки» (ИП) отражает склонность субъекта в трудной ситуации получать информацию от других людей. Шкала «поиск эмоциональной поддержки» (ЭП) оценивает предрасположенность субъекта к саморегуляции через общение. В методике 4 варианта ответа – от «абсолютно не согласен» до «полностью согласен». Для изучения особенностей субъективного конструирования выбора использовался сокращенный опросник «Субъективные качества выбора» [13]. Требовалось оценить процесс уже принятого или принимаемого в настоящий момент решения о переезде в другой город по биполярной шкале с 7 градациями. Респонденты заполняли семантический дифференциал, состоящий из двух блоков – в первом требовалось описать процесс принятия решения о миграции («Я сделал этот выбор...»), а во втором оценивался результат данного решения («Принятое мной решение...»). В данной статье рассматривается только шкала «удовлетворенность выбором», отражающая степень принятия сделанного выбора, отсутствие сомнений в его правильности. Для оценки восприятия ситуации принятия решения респондентам задавался вопрос из анкеты «Паспорт выбора» [13]: «Насколько ситуация выбора стала стрессовой для Вас?» Предлагалось оценить по возрастанию по шкале от 1 до 6, где 1 – «абсолютно не стрессовая ситуация» и 6 – «максимально стрессовая ситуация».

Обработка данных проводилась с помощью описательной статистики, анализа надежности шкал (α -Кронбаха), регрессионного анализа с шаговым отбором, метода моделирования структурными уравнениями. Использовался пакет IBM SPSS Statistics 23.

Результаты исследования и их анализ

Проактивные копинги выступили в данной модели предикторами. При подготовке данных для анализа была проведена их очистка от влияния социально-демографических переменных: пола, возраста, уровня образования. Коэффициент R-квадрат = 0,264, проактивные копинги суммарно описывают 26,4% дисперсии удовлетворенности выбором (без учета пола, возраста, уровня образования). Наиболее значимый вклад в удовлетворенность выбором при принятии решения о миграции вносят проактивный копинг ($\beta = 0,19, p = 0,002$), превентивный копинг ($\beta = 0,15, p = 0,001$) и стратегическое планирование ($\beta = 0,19, p = 0,001$). Рефлексивный копинг и удовлетворенность выбором имеют значимую отрицательную связь ($\beta = 0,19, p = 0,002$). Наименьший вклад в общую дисперсию внесли эмоциональная ($\beta = 0,12, p = 0,013$) и инструментальная поддержка ($\beta = 0,13, p = 0,011$).

Для проверки гипотезы H_2 (медиативного влияния степени восприятия ситуации принятия решения (ПР) как стрессовой на взаимосвязь копинг-стратегий и удовлетворенности выбором) использовался метод моделирования структурными уравнениями. В итоговую модель были включены только наиболее весомые шкалы (проактивный копинг и стратегическое планирование), внесшие наибольший вклад в общую дисперсию зависимой переменной. Результаты анализа представлены на рисунке. Модель на достаточном уровне соответствует полученным эмпирическим данным ($df = 327, \chi^2 = 503,21, CFI = 0,94, TLI = 0,93, RMSEA = 0,04, p < 0,01$), объясняет 33,7% дисперсии удовлетворенности выбором.

Модель структурного моделирования взаимосвязи удовлетворенности выбором, копинг-стратегий и степени восприятия ситуации принятия решения как стрессовой (контролируемые переменные – пол, возраст, уровень образования); * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,001$

A model of structural modeling of the relationship between choice satisfaction, coping strategies and the degree of perception of the decision-making situation as stressful (controlled variables – gender, age, level of education); * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,001$

Выявлены значимые положительные связи между проактивным ($\beta = 0,46, p \leq 0,001$) и стратегическим ($\beta = 0,26, p \leq 0,05$) копингами и восприятием «стрессовости» ситуации, а также восприятием ситуации принятия решения как стресса и удовлетворенностью выбором ($\beta = 0,51, p \leq 0,05$). Отрицательную связь рефлексивного копинга и удовлетворенности выбором можно интерпретировать следующим образом: спонтанность принятого решения без оценки ресурсов, перспектив, без учета собственных личностных и эмоциональных особенностей может привести к удовлетворенности принятым решением. И наоборот, склонность субъекта к рефлексии как к «самокопанию», когнитивному усложнению может привести к рассмотрению большого количества противоречащих друг другу аргументов и невозможности остановиться на одном решении окончательно.

Субъекты, склонные к проактивному копингу, в случае восприятия ими ситуации выбора как стрессовой, благодаря всесторонней оценке имеющихся ресурсов, принимают свое решение как оптимальное, достойное разрешение трудной жизненной ситуации. Усиление положительной связи проактивной копинг-стратегии и удовлетворенности решением за счет оценки ситуации как стрессовой можно, вероятно, объяснить мобилизацией ресурсов, максимальной проработкой альтернатив. Стрессовый фон при принятии решения, возможно, снимается субъектами посредством проактивных копингов, приводя в итоге к большему удовлетворению от принятого решения. Проактивный копинг как синоним самоэффективности и уверенность в успехе предполагает отсутствие страха трудных выборов, поэтому принятие взвешенного и продуманного решения в любом случае будет удовлетворять такого субъекта. Склонность к стратегическому планированию как поэтапному решению проблем и планированию своего поведения также, по нашим данным, связана с удовлетворенностью выбором, а усиливается данная связь в зависимости от уровня восприятия стрессовости ситуации принятия решения. Это можно объяснить более тщательным продумыванием плана решения потенциальных проблем.

Выводы

Гипотетические предположения исследования подтвердились: установлены положительные связи между проактивным и стратегическим копингами с удовлетворенностью выбором; медиатором данных взаимосвязей выступило восприятие степени «стрессовости» ситуации принятия решения о миграции. Выявленные

взаимосвязи проактивных копинг-стратегий и удовлетворенности выбором раскрывают особенности протекания процесса принятия решения о миграции, показывают, какие стратегии совладания с трудностями жизненного выбора относительно миграции наиболее эффективны, ведут к осознанию «правильности» принятого решения. Учитывая тезис о том, что копинги являются динамичными стратегиями поведения, зависящими от ситуации и опыта субъекта, существует возможность психологического сопровождения принятия решения о миграции и ориентации на применение проактивных копинг-стратегий, обучение техникам принятия взвешенного решения. Проблема неудовлетворенности выбором является болезненной для мигрантов, особенно на этапе адаптации [8], поэтому психологическое сопровождение проработки темы конструктивного совладания со стрессом становится особенно востребованным. Данное исследование содержит ряд ограничений. Выборка имеет неравномерный состав по уровню образования, поэтому выводы в большей мере можно распространить на людей с высшим образованием. Также нами была изучена только степень выраженности конструктивных копингов – проактивных, но основные проблемы в адаптации испытывают мигранты, прибегающие к деструктивным способам совладания с трудными жизненными ситуациями. Поэтому интересно было бы изучить вклад и других копинг-стратегий в дисперсию удовлетворенности выбором в ситуации трудовой миграции.

Список литературы

1. Mak J., Roberts B., Zimmerman C. Coping with Migration-Related Stressors : A Systematic Review of the Literature // Journal of Immigrant and Minority Health. 2021. Vol. 23, № 2. P. 389–404. <https://doi.org/10.1007/s10903-020-00996-6>
2. Канеман Д., Тверски А. Теория перспектив : анализ принятия решений в условиях риска // Экономика и математические методы. 2015. Т. 51, № 1. С. 3–25.
3. Корнилова Т. В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 2–17.
4. Bundorf M. K., Szrek H. Choice Set Size and Decision Making: The Case of Medicare Part D Prescription Drug Plans // Medical Decision Making. 2010. Vol. 30, № 5. P. 82–93. <https://doi.org/10.1177/0272989X09357793>
5. Bullock-Yowell E., Reed C. A., Mohn R. S. Neuroticism, Negative Thinking, and Coping With Respect to Career Decision State // The Career Development Quarterly. 2015. Vol. 63, № 4. P. 333–347. <https://doi.org/10.1002/cdq.12032>
6. Vollmann M., Pukrop J., Salewski C. Coping mediates the influence of personality on life satisfaction in patients with rheumatic diseases // Clin Rheumatol. 2016. № 35. P. 1093–1097. <https://doi.org/10.1007/s10067-016-3215-z>

7. Гущина А. В., Григоричева И. В. Копинг-стратегии студентов с разным уровнем жизненной удовлетворенности // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (34). С. 81–84.
8. Бражник Ю. В., Гриценко В. В., Ефременкова М. Н., Катровский А. П., Ковалева Ю. В., Мураценкова Н. В., Смотров Т. Н. Свои или чужие : социально-психологическая адаптация соотечественников в России. Смоленск : Смоленский гуманитарный университет. 2017. 252 с.
9. Ikafa I., Hack-Polay D., Walker J., Mahmoud A.B. African migrants and stress coping strategies in Australia : Implications for social work // International Social Work. 2021. № 4. P. 1–18. <https://doi.org/10.1177/0020872820963435>
10. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в структуре личностного потенциала // Личностный потенциал : Структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. С. 267–299.
11. Greenglass E., Fiksenbaum L. Proactive Coping, Positive Affect, and Well-Being : Testing for Mediation Using Path Analysis // European Psychologist. 2009. № 14. P. 29–39. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.14.1.29>
12. Uskul A. K., Greenglass E. Psychological wellbeing in a Turkish-Canadian sample // Anxiety, Stress & Coping : An International Journal. 2005. Vol. 18, № 3. P. 269–278. <https://doi.org/10.1080/10615800500205983>
13. Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал : структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. С. 511–546.
14. Lussier Y., Sabourin S., Turgeon C. Coping Strategies as Moderators of the Relationship between Attachment and Marital Adjustment // Journal of Social and Personal Relationships. 1997. Vol. 14, № 6. P. 777–791. <https://doi.org/10.1177/0265407597146004>
15. Белинская Е. П., Вечерин А. В. Адаптация диагностического инструментария : опросник «Проактивный копинг» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 137–145. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090314>
4. Bundorf M.K., Szrek H. Choice Set Size and Decision Making: The Case of Medicare Part D Prescription Drug Plans. *Medical Decision Making*, 2010, vol. 30, no. 5, pp. 82–93. <https://doi.org/10.1177/0272989X09357793>
5. Bullock-Yowell E., Reed C.A., Mohn R. S. Neuroticism, Negative Thinking, and Coping With Respect to Career Decision State. *The Career Development Quarterly*, 2015, vol. 63, no. 4, pp. 333–347. <https://doi.org/10.1002/cdq.12032>
6. Vollmann M., Pukrop J., Salewski C. Coping mediates the influence of personality on life satisfaction in patients with rheumatic diseases. *Clin Rheumatol*, 2016, no. 35, pp. 1093–1097. <https://doi.org/10.1007/s10067-016-3215-z>
7. Gushchina A. V., Grigoricheva I.V. Coping strategies of students with different levels of life satisfaction. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Pedagogical University], 2018, no. 1 (34), pp. 81–84 (in Russian).
8. Brazhnik Yu. V., Gritsenko V. V., Efremenkova M. N., Katrovskiy A. P., Kovaleva Yu. V., Murashchenkova N. V., Smotrova T. N. *Svoi ili chuzhie: sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya sootchestvennikov v Rossii* [Own or others': Socio-psychological adaptation of compatriots in Russia]. Smolensk, Smolenskiy gumanitarnyy universitet Publ., 2017. 252 p. (in Russian).
9. Ikafa I., Hack-Polay D., Walker J., Mahmoud A.B. African migrants and stress coping strategies in Australia: Implications for social work. *International Social Work*, 2021, no. 4, pp. 1–18. <https://doi.org/10.1177/0020872820963435>
10. Rasskazova E. I., Gordeeva T. O. Coping strategies in the structure of personal potential]. In: D. A. Leont'ev, ed. *Lichnostnyy potentsial: Struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnostics]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 267–299 (in Russian).
11. Greenglass E., Fiksenbaum L. Proactive Coping, Positive Affect, and Well-Being: Testing for Mediation Using Path Analysis. *European Psychologist*, 2009, no. 14, pp. 29–39. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.14.1.29>
12. Uskul A. K., Greenglass E. Psychological wellbeing in a Turkish-Canadian sample. *Anxiety, Stress & Coping: An international journal*, 2005, vol. 18, no. 3, pp. 269–278. <https://doi.org/10.1080/10615800500205983>
13. Leont'ev D. A., Mandrikova E. Yu., Rasskazova E. I., Fam A. Kh. Personal potential in a situation of uncertainty and choice. In: D. A. Leont'ev, ed. *Lichnostnyy potentsial: Struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnostics]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 511–546 (in Russian).
14. Lussier Y., Sabourin S., Turgeon C. Coping Strategies as Moderators of the Relationship between Attachment and Marital Adjustment. *Journal of Social and Personal Relationships*, 1997, vol. 14, no. 6, pp. 777–791. <https://doi.org/10.1177/0265407597146004>
15. Belinskaya E. P., Vecherin A. V. Adaptation of diagnostic tools: Questionnaire “Proactive coping”. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018, vol. 9, no. 3, pp. 137–145 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090314>

References

1. Mak J., Roberts B., Zimmerman C. Coping with Migration-Related Stressors: A Systematic Review of the Literature. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 2021, vol. 23, no. 2, pp. 389–404. <https://doi.org/10.1007/s10903-020-00996-6>
2. Kaneman D., Tverski A. Perspective theory: Analysis of decision-making under risk conditions. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2015, vol. 51, no. 1, pp. 3–25 (in Russian).
3. Kornilova T. V. Perspectives of the dynamic paradigm in the psychology of choice. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2014, vol. 7, no. 36, pp. 2–17 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 188–196

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 188–196

<https://phpp.sgu.ru>

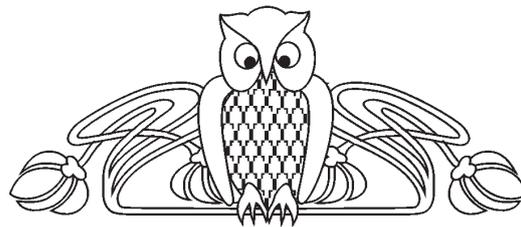
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196>

Научная статья

УДК 316.6

Эмпирическая модель социальной активности молодежи

Р. М. Шамионов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Аннотация. Исследования социальной активности молодежи позволяют выявить основные тренды реального интереса молодых людей относительно тех или иных областей общественной жизни, оценить ее потенциал для дальнейшего развития. Сегодня накоплен богатый эмпирический материал, касающийся ее проявлений, факторов и последствий, требующий обобщения. Цель настоящего исследования – разработать эмпирическую модель социальной активности личности. Представлена модель социальной активности молодежи, учитывающая условия ее социализации, факторы, ситуационные характеристики настоящего, обуславливающие реализацию и приверженность активности в реальной или виртуальной среде в моно- или полинаправленных формах, личностные, социально-психологические и общественные эффекты. Модель включает блок структуры социальной активности, построенной на основе эксплораторного и подтверждающего конфирматорного факторного анализов, блок внешних факторов, блок индивидуально-личностных факторов и блок личностных эффектов активности. Представлены эмпирические данные, подтверждающие основные элементы модели и связи между различными ее составляющими. Формулируется вывод о том, что социальная активность может рассматриваться как сложное явление, представляющее собой эффект взаимодействия функционально-динамических, личностных, субъективных, социально-психологических и социокультурных характеристик в конкретной ситуации жизни человека в конкретных обстоятельствах общественного развития.

Ключевые слова: личность, социальная активность, молодежь, эмпирическая модель

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Для цитирования: Шамионов Р. М. Эмпирическая модель социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 188–196. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Empirical model of youth social activity

R. M. Shamionov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Rail M. Shamionov, shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Abstract. Introduction. Studies of the social activity of young people allow us to find out the main trends of the real interest of young people in certain areas of social reality, to assess its potential for social development. **Theoretical analysis.** Today, a wealth of empirical material has been accumulated regarding its manifestations, factors and consequences, which requires generalization. The purpose of this study is to develop an empirical model of social activity of an individual. **Results.** A model of social activity of young people is presented, taking into account the conditions of their socialization, factors, situational characteristics of the present that determine the implementation of activity in a real or virtual environment, commitment and implementation of activity in mono- or multidirectional forms, personal, socio-psychological and social effects. The model includes a block of the structure of social activity built on the basis of exploratory and confirmatory factor analysis, a block of external factors, a block of individual-personal factors and a block of personal effects of activity. Empirical data confirming the main elements of the model and the connections between its various components are presented. **Conclusions.** It is concluded that social activity can be considered as a complex socio-psychological phenomenon, representing the effect of interaction of functional-dynamic, personal, subjective, socio-psychological and socio-cultural characteristics in a specific situation of human life in specific socio-historical circumstances of social development.

Keywords: personality, social activity, youth, empirical model

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 18-18-00298.

For citation: Shamionov R. M. Empirical model of youth social activity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 188–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Интерес к социальной активности личности в современной психологии в значительной степени возрос в связи с происходящими изменениями в гражданском обществе, с тем вкладом, который вносит молодежь в развитие общества, и потенциалом активности, способным его (развитие) в значительной степени модифицировать, внести творческий компонент для цивилизационного скачка, способного вывести общество на позиции, говоря словами У. Мак-Дугалла [1], развития моральных ценностей. Несмотря на происходящие в мире и в стране глобальные процессы сквозного проникновения в жизнь крайне противоречивых информационных потоков, пандемию, попытки замыкания отдельных стран и тенденции к формированию блокового мышления и остроту глобального соперничества, высвобождающаяся социальная активность молодежи становится драйвером ее самоопределения и самореализации и совершенно новых социальных процессов, которые станут явными лишь по прошествии некоторого времени. Социальная активность современной молодежи выступает в этом отношении важнейшим индикатором новой социальной реальности. Поэтому его анализ, установление структурных характеристик, детерминант и эффектов является важнейшей задачей современной социальной психологии. В условиях пандемии этот вопрос становится принципиальным, поскольку интересы исследователей отклонились в сторону оценки масштабов ее психологических последствий, а смещение трендов социальной активности молодежи не анализируется.

Социальная активность определяется нами как частный случай инициативного воздействия субъектов на окружающую среду; оно направлено на изменение и преобразование социальных объектов, в результате чего происходят изменения самой личности и всей социальной ситуации, обретение человеком тех свойств субъекта и личности, которые предопределены его включением в деятельность различных групп, в социальную активность Других, где происходит усвоение норм, ценностей и установок, очерчивающих границы возможной активности, ее направления [2].

Формы социальной активности и их факторы в психологических исследованиях

Исследования социальной активности, проведенные в последнее десятилетие в разных

странах, имеют специфику в зависимости от происходящих процессов в них. Повышение интереса к психологическим факторам социальной активности молодежи в Украине, Беларуси, России связано с ее участием в протестных и иных акционных мероприятиях, получивших общественный резонанс. Однако это не значит, что социально-политическая активность молодежи в этих странах отличается повышенным уровнем или имеются прямые социально-психологические его предикторы, практически побуждающие к этой форме активности. Например, в исследованиях социологов и психологов, напротив, отмечается достаточно низкий уровень интереса к политическим событиям в этих странах, несмотря на относительно низкий уровень доверия к политическим институтам [3, 4]. Вместе с тем необходимо также учесть возможную стремительность изменений приверженности к данной форме активности в силу эволюции общественного сознания, связанной с имеющимися противоречиями как на уровне молодежной культуры, так и на уровне возможностей ее самореализации в масштабах региона или страны, подпитываемыми различными источниками.

Весомую значимость обретают исследования гражданской активности, весьма близкой к социально-политической и протестной. Они охватывают вопросы влияния киберактивности на гражданскую активность, реализуемую в физическом пространстве [5–7], а также социально-психологических групповых образований – социального доверия, социальной ответственности, социальной идентичности в гражданском участии [3, 8–11]. Совершенно не случайно эти исследования преимущественно проводятся в странах с заинтересованной политикой гражданского участия молодежи.

Между тем результаты исследований, проводимых нашей группой в последние 5 лет в России, свидетельствуют о весомой приверженности молодежи к иным формам активности – досуговой и тесно связанной с ней интернет-сетевой, социально-экономической, образовательно-развивающей и духовной. Промежуточное положение занимает альтруистическая деятельность. Все формы гражданского участия и субкультурной активности находятся в зоне низкой значимости [12]. При этом за относительно небольшой временной отрезок с 15 до 25 лет происходят существенные изменения

в приверженности к различным формам активности. Например, те формы, что и так достаточно выражены, становятся еще более значимыми, а формы гражданского участия снижаются (протестные и субкультурные формы практически полностью трансформируются) [3]. Эти данные наталкивают на предположение о выводе отдельных форм активности на уровень иной возрастной группы – молодежи 26–35 лет. Возможно, некоторые формы активности актуализируются по спиралевидной кривой, а также происходит укрупнение форм активности за счет смены этапа социализации, пересмотра целей и задач самореализации личности и пр.

Между тем необходимо также учесть и то обстоятельство, что в последние годы происходит цифровизация активности молодежи и лиц, относящихся к более старшей социально-возрастной группе. Это создает условия параллельного существования (а порой и конкуренции) двух сред – физической и интернет-среды. Судя по результатам последних исследований, в молодежной выборке активность, реализуемая в физической среде, представлена и в интернет-среде, а в некоторых случаях имеются признаки вывода в последнюю. Результаты исследований свидетельствуют о достаточно простых механизмах переноса активности из одной среды в другую. Так, было установлено, что особенности вербального поведения и информация, получаемая в виртуальной среде, легко перемещаются в физическую среду, а из последней происходит перенос эмоционального отношения [14]. Кроме того, по заключению А. А. Шарова, часть ненормативного поведения переходит из реальной среды в виртуальную в результате «токсического растормаживания» за счет ослабления психологических барьеров в ней [15].

Важнейшим в исследованиях социальной активности молодежи является вопрос об ее собственных эффектах на различные образования личности, начиная с установок и завершая какими-либо мировоззренческими решениями. Такой ракурс анализа активности, пожалуй, самый сложный, требующий дополнительных исследований. Однако на уровне уже существующей эмпирической базы можно утверждать, что социальная активность молодежи способствует становлению важных социально-психологических образований личности – самоопределению в разных средах, усвоению социальных навыков и пр.

Большое количество эмпирических данных, полученных за последние годы, позволяет верифицировать теоретические представления

о социальной активности, ее детерминации и социально-психологических эффектах.

Цель исследования – разработать эмпирическую модель социальной активности личности, учитывающую условия ее социализации, внутренние и внешние факторы и их конstellляции, ситуационные характеристики настоящего, обуславливающие реализацию активности в реальной или виртуальной среде, приверженность и реализацию активности в моно- или полинаправленных формах, личностные, социально-психологические и общественные эффекты.

Эмпирический анализ

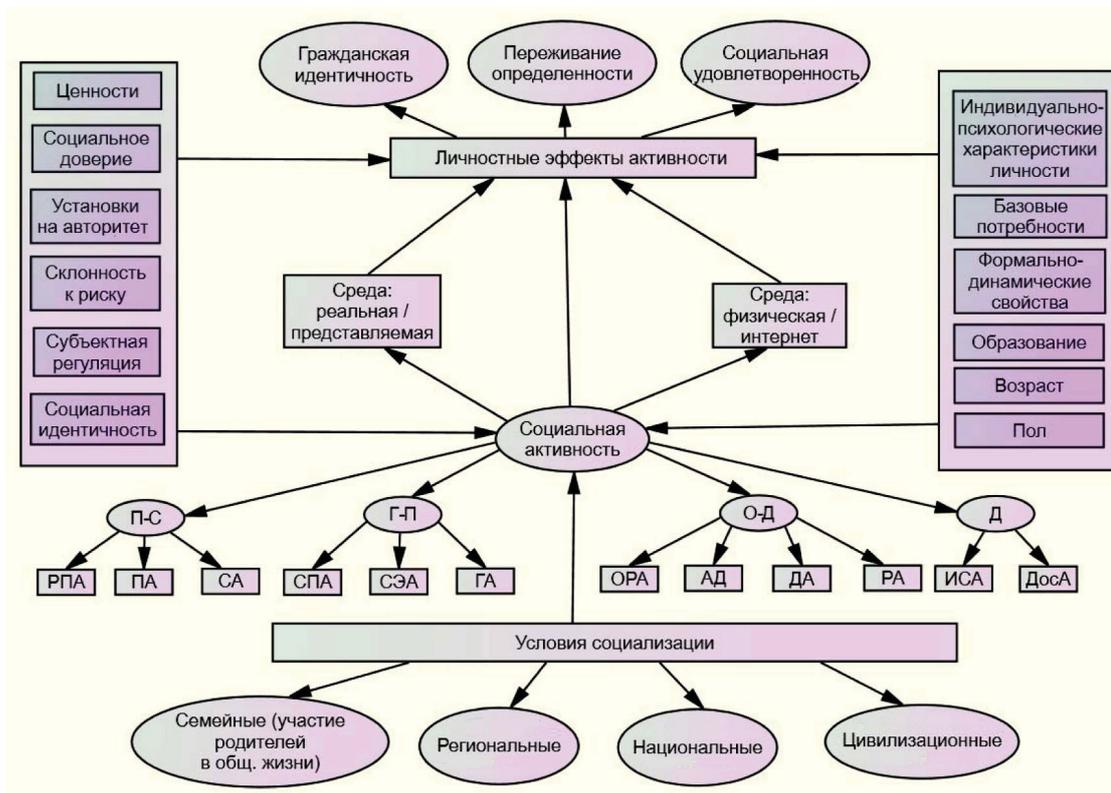
Методологической основой исследования послужил системно-диахронический подход к анализу социальной активности [2]. Использован метод теоретического анализа и метод структурно-функционального моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Модель включает ряд блоков, связанных друг с другом последовательно и по типу обратной связи, поскольку одни и те же явления представлены как факторы (предикторы) и сами служат эффектами активности. В соответствии с системно-диахроническим подходом такое положение не вызывает удивления, поскольку устанавливает не только разновременность становления отдельных характеристик личности и субъекта, но и разнонаправленность активности в зависимости от времени, места, этапа социализации личности и той ситуации, в которой она происходит. Данная модель представляет эмпирически подтвержденные характеристики активности и ее изменения в соответствии с различными уровнями психического отражения.

Изображенная на рисунке модель социальной активности молодежи являет собой систему, включающую ряд связанных блоков, характеризующих ее выраженность, условия, факторы, эффекты. Ее эмпирическая верификация не завершена, но основные элементы находят подтверждения в ряде исследований. Рассмотрим их по блокам.

Блок социальной активности. Многочисленные исследования установили полинаправленность социальной активности молодежи, сочетание их форм. В результате эксплораторного и последующего конфирматорного анализов установлено, что формы социальной активности группируются по принципу совместной изменчивости в отдельные факторы. Получены четыре группы (обобщенных фактора) связанных друг с другом видов социальной активности.

Эмпирическая модель социальной активности.

Виды активности: П-С – протестно-субкультурный; Г-П – гражданско-политический; О-Д – духовно-образовательный; Д – досуговый

Empirical model of social activity.

Types of activity: П-С – protest-subcultural; Г-П – civil-political; О-Д – spiritual-educational; Д – leisure

В центре этой системы находится обобщенный фактор **духовно-образовательной** активности, индикаторами которой являются религиозная, духовная, образовательная активности, альтруистическая деятельность. Периферию составляют **досуговая** (индикаторы – досуговая и интернет-сетевая), **гражданско-политическая** (индикаторы – гражданская, социально-экономическая, социально-политическая), **субкультурно-протестная** (индикаторы – субкультурная, протестная и радикально-протестная) активности [3, с. 27]. В результате структурного моделирования также удалось установить и направленность связей между видами активности: прямая связь ведет от духовно-образовательной к досуговой и гражданско-политической, а от последней – к субкультурно-протестной.

Блок *внешних факторов* активности характеризуют условия социализации личности, в результате которой происходит усвоение социокультурных норм. Социокультурный уровень детерминант составляют национальные (на уровне стран), поселенческие (село, город, мегаполис), цивилизационные (запад–восток, север–юг) характеристики, являющиеся весьма важными

с точки зрения значимости видов активности и сочетания различных ее форм. Эмпирическое подкрепление данной линии модели еще продолжается, но уже можно характеризовать основные тенденции. Исследования семейных условий социализации личности как факторов социальной активности позволили установить, что опыт социальной активности родителей и их актуальное участие в общественной жизни страны являются предикторами гражданского участия молодежи [3]. Выявлено, что приверженность к активности двух типов (гражданско-политическая и субкультурно-протестная) детерминирована разными ее эффектами: участие родителей в общественной жизни страны способствует гражданско-политической активности и формированию гражданской идентичности молодежи. Соответственно и культурно-исторические представления, усвоенные в процессе социализации, как показано в исследованиях Е. Е. Бочаровой, служат факторами приверженности к различным формам активности. Автором установлены разнонаправленные связи с образовательно-развивающей, гражданской и духовной формами и синхронные с образовательно-развивающей активностью [16].

Имеются различия в зависимости от места проживания (или в случае актуального обучения в городах, прежнего места жительства). Например, установлена более сильная приверженность к протестной активности молодежи в малых городах при низкой региональной идентификации; различия также касаются и приверженности к досуговым формам активности [3]. Проживание в малом городе в большей степени стимулирует их досуговую, интернет-сетевую, образовательно-развивающую и субкультурную активности. Проживание в областном центре также побуждает молодежь к активности в досуговой, интернет-сетевой и образовательно-развивающей сферах жизнедеятельности (правда, выраженной в меньшей степени), а также к самовыражению в формах религиозной и протестной активности. Независимо от места проживания молодые люди считают, что для проявления своей активности у них больше возможностей, чем у их родителей, хотя в целом по стране эти возможности ограничены [3].

Несмотря на то, что нет ярко выраженных различий абсолютных показателей выраженности приверженности к отдельным формам социальной активности среди молодежи России, Украины и Беларуси, имеется национальная специфика в сочетанности форм активности, что свидетельствует о латентных факторах взаимодействия внутри этих форм.

Цивилизационные факторы социальной активности молодежи весьма важны даже в пределах одной страны (России), не говоря уже о различиях глобального уровня. Однако сравнительные исследования такого рода еще продолжаются.

Блок индивидуально-личностных детерминант активности. Множество личностных характеристик выступают основаниями, условиями и факторами социальной активности молодежи. Их можно иерархизировать по уровням: демографический, психофизиологический, психологический. Демографический уровень представлен половой принадлежностью, возрастом и уровнем образования. Практически во всех структурных моделях, выполненных нами, эти переменные были представлены в виде экзогенных и их влияние на активность определялось как прямо, так и через другие переменные-модераторы и медиаторы [3, 12]. На психофизиологическом уровне располагаются психодинамические характеристики, имеющие важное значение для психической и социальной активности. Это подтверждается в исследованиях Н. В. Усовой, где установлена связь приверженности к отдельным формам активности и некоторыми психодинамическими

характеристиками: ригидности (отрицательно) с альтруистической, гражданской и духовной активностью, эмоциональной возбудимости с гражданской и протестной активностью [17]. Установлено, что до 20% вариаций социальной активности обусловлены влиянием эргичности, эмоциональности и пластичности психической. Однако в физической и виртуальной среде это влияние имеет существенные отличия. В виртуальной среде оно снижается, поскольку там не требуется столько энергетических затрат, как в физической.

На психологическом уровне располагаются характеристики познавательной деятельности, личности и др. Роль познавательной деятельности в социальной активности нами предполагается, исходя из ее детерминированности познавательной мотивацией [18] и активацией познавательных процессов [17]. Последующие исследования должны быть направлены на установление связи социальной активности с академическим и социальным интеллектом. Исследования также подтвердили предположение о различиях побудительного потенциала форм социальной активности и их полимотивированности [19]. Мотивация познавательного интереса, престижа, мотив «активной гражданской позиции», самовыражения и другие в разной степени обуславливают отдельные формы социальной активности. Их «удельный вес» еще не определен, но наличие корреляционных связей свидетельствует об их значении для активности в совокупности или по отдельности. Удовлетворенность базовых потребностей в компетентности, автономии и связанности с другими вносит значительный (от 2 до 10% дисперсии) вклад в вариации разных форм социальной активности [3]. Установлено, что наиболее высокий уровень детерминации (по числу корреляций и тесноте связей) выявлен в отношении досуговой, образовательно-развивающей, религиозной и радикально-протестной активности. При этом удовлетворенность потребности в компетентности является важнейшей в мотивации разных форм активности.

Свойства личности (волевые свойства) в значительной степени обуславливают приверженность к тем или иным формам (в среднем 17% вариаций) социальной активности [20]. Наиболее полно свойства личности объясняют изменения образовательной, духовной (около 20% вариаций), религиозной (29%) активности. Переживание самооффективности, способность решать различные бытовые задачи являются основными факторами некоторых видов социальной активности: положительным в наиболее

распространенных и просоциальных видах и негативным – в протестных [3]. Высокая субъектная позиция (автономность) более явно проявляется у реализующих досуговую и религиозную активность и наименее явно – у лиц, реализующих протестные виды активности.

На уровне социально-психологических детерминант особое место занимает система ценностных ориентаций. Установлено, что ценности объясняют от 8 до 22% вариаций различных видов активности [21]. Так, наиболее важными прогностическими ценностями для гражданской активности являются ценности традиций и заботы о природе при низкой выраженности ценности общественной безопасности; для протестной активности – ценности равенства и справедливости, сохранения среды, власти при низкой выраженности ценностей безопасности общественной и благополучия группы; для досуговой активности – стремление к новизне (стимуляция), традициям и благополучию группы; для интернет-сетевой активности – ценности свободы собственных действий, власти как контроля за ресурсами при низкой выраженности ценности традиций. Установлено, что от 12 до 36% дисперсии разных форм социальной активности объясняются характеристиками социальной идентичности молодежи [22]. Наиболее значима для различных форм социальной активности роль социальной идентичности, соответствующая определенной группе молодых людей: приверженцы гражданской активности характеризуются высокими показателями идентификации с патриотами, протестной активности – с оппозиционерами, досуговой активности – с активистами, а приверженцы интернет-сетевой активности – с молодежью.

Очевидно, именно этот уровень является важным и с точки зрения эффектов самой социальной активности [3]. В частности, нами установлено, что около 22% вариаций социальной фрустрации-социальной удовлетворенности обусловлены различными формами социальной активности. Опять же наибольший вклад в него вносят альтруистическая, образовательная, духовная и религиозная формы – те, которые образуют единый кластер, который, очевидно, являясь наиболее предписанным (социально ожидаемым), становится фактором социальной удовлетворенности. Работа по установлению эффектов социальной активности продолжается. Ожидается обнаружение эффектов на уровне убеждений, интересов, а также характеристик идентичности молодежи.

Блок субъектных детерминант социальной активности включает характеристики субъект-

ной саморегуляции. Такая связь вовсе не случайна и подтверждается эмпирически. Например, выявлено, что студенты с автономным и зависимым типами субъектной регуляции характеризуются приверженностью к различным формам социальной активности. Так, студенты с автономным типом субъектной регуляции в большей степени привержены к социально-конгруэнтным формам активности (приверженность к досуговой, социально-политической, гражданской активности), а с зависимым типом – к протестной активности, хотя общий уровень ее выраженности и у тех и у других находится на низших позициях [12].

К деятельностным универсальным предикторам социальной активности отнесены такие характеристики, как инициатива в деятельности, ее направленность на решение социально ориентированных задач и самоорганизация (посредством внешних средств) [23]. Также установлена четко выраженная динамика в развитии субъектной детерминации социальной активности студенческой молодежи – она усиливается по мере повышения уровня ее профессионального образования [24].

Выводы

Полученные результаты эмпирических исследований подтверждают жизнеспособность предложенной модели социальной активности личности. Однако вклад отдельных переменных в изменчивость различных форм и видов социальной активности не является доминирующим. Это значит, что лишь в определенных сочетаниях они создают целостную систему детерминации форм и видов активности.

Для данной модели важным является и то, что она раскрывает посредническую роль ряда отдельных характеристик личности либо социально-демографических показателей и условий социализации. В эмпирических (структурных) моделях они представлены в виде переменных-модераторов и медиаторов, соответственно, снижающих или усиливающих каузальную связь между социальной активностью и другими характеристиками.

Таким образом, эмпирическая модель социальной активности молодежи включает в себя несколько моделей: модель структуры видов и форм социальной активности, полученной на основе факторного анализа, в которую встраивается на основе структурного моделирования ряд переменных, определяющих разный уровень психического отражения, и переменных, характеризующих объективные условия социализации молодежи (место жительства, опыт активности родителей, принадлежность к национальной

культуре и субкультуре и т.п.). В соответствии с этой моделью социальная активность может рассматриваться как сложное социально-психологическое явление, представляющее собой эффект взаимодействия функционально-динамических, личностных, субъектных, социально-психологических и социокультурных характеристик. В зависимости от социовозрастной предписанности тех или иных видов социальной активности молодежи имеются различия в уровне их детерминации. Существуют четкие индикаторы непредписанных форм активности. Например, несмотря на невысокую степень приверженности к протестным и субкультурным формам активности, они стимулируются определенной комбинацией социально-психологических и социокультурных условий, среди которых низкая выраженность гражданской и религиозной идентичности, вера в конкурентный мир (отрицательно), институциональное доверие, склонность к активности в виртуальной среде и ряд других [25]. В случае адекватности предписанной активности даже само предпочтение более высокого уровня активности, нежели реализуемый, может служить драйвером достижений в этой сфере [22].

Список литературы

1. Мак-Дугалл У. Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 1916. 282 с.
2. Троцук И. В., Сохадзе К. Г., Лаврушина А. И. Неинституциональные форматы социальной активности российской молодежи (по результатам экспертных и массовых опросов) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 108–113.
3. Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Арендачук И. В., Бочарова Е. Е., Усова Н. В., Кленова М. А., Шаров А. А., Заграничный А. И. Психология социальной активности молодежи. М.: Перо, 2020. 200 с.
4. Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17, № 3. С. 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
5. Pegg K. J., O'Donnell A. W., Lala G., Barber B. L. The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use // *Cyberpsychology behavior and social networking*. 2018. Vol. 21, № 1. P. 50–55.
6. Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth // *Communication Today*. 2017. Vol. 8, № 1. P. 104–112.
7. Sherman L. E., Greenfield P. M., Hernandez L. M., Dapretto M. Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood // *Child development*. 2018. Vol. 89, № 1. P. 37–47.
8. Liu Y., Shen W. Perching birds or scattered streams: A study of how trust affects civic engagement among university students in contemporary China // *Higher Education*. 2020. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00548-9>
9. Owusu-Agyeman Y., Fourie-Malherbe M. Students as partners in the promotion of civic engagement in higher education // *Studies in Higher Education*. 2019. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1666263>
10. Fernandez J. S., Langhout R. Day Living on the Margins of Democratic Representation: Socially Connected Community Responsibility as Civic Engagement in an Unincorporated Area // *American Journal of Community Psychology*. 2018. Vol. 62, № 1–2. P. 75–86. <https://doi.org/10.1002/ajcp.12257>
11. Grant P. R., Bennett M., Abrams D. Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum // *British Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 56, № 3. P. 455–474. <https://doi.org/10.1111/bjso.12186>
12. Шамионов Р. М. Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // *Социальная психология и общество*. 2021. Т. 12, № 1. С. 94–112. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>
13. Арендачук И. В. Деятельностные характеристики социальной активности молодежи разных возрастных групп // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2020. Т. 9, вып. 2 (34). С. 148–161. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161>
14. Заграничный А. И. Исследование субъективной оценки влияния особенностей общения в виртуальной среде на общение в реальной и механизма переноса каких-либо личных черт, акцентуаций характера, позиций и стратегий поведения из реальной среды в виртуальную среду // *Мир образования – образование в мире*. 2019. № 2 (74). С. 226–232.
15. Шаров А. А. Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2019. Т. 28. С. 103–109. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.28.103>
16. Бочарова Е. Е. Представление личности о культурно-исторических фактах и их роли в детерминации социальной активности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2020. № 1. С. 22–35. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-22-35>
17. Усова Н. В. Психодинамические предикторы направленности социальной активности // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2019. Т. 25, № 3. С. 95–100. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100>
18. Григорьева М. В. Потребностно-мотивационные факторы социальной активности личности в разных условиях социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 11 (55). С. 35–41.

19. Кленова М. А. Мотивация протестной и социально-политической активности личности и ее потенциал в системе смысловых ориентаций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 1 (37). С. 53–61. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-53-61>
20. Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Григорьев А. В. Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 18–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100102>
21. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 1. С. 124–141. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>
22. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18, № 4. С. 22–33. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>
23. Арендачук И. В. Субъектно-деятельностные детерминанты видов социальной активности учащейся молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16, № 4. С. 560–581. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-560-581>
24. Arendachuk I. V. Subjective determinants of social activity of the student youth // SHS Web Conf. “Trends in the development of psycho-pedagogical education in the conditions of transitional society” (ICTDPP-2019). 2019. Vol. 70. P. 5.
25. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Характеристики личности и активности студентов как предикторы степени реального и предпочтительного участия в образовательно-развивающей деятельности // Перспективы науки и образования. 2022. № 1 (55). С. 477–490. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.30>
- 2017, vol. 17, no. 3, pp. 348–363 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
5. Pegg K. J., O’Donnell A. W., Lala G., Barber B. L. The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use. *Cyberpsychology Behavior and Social Networking*, 2018, vol. 21, no. 1, pp. 50–55.
6. Savrasova-V’un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth. *Communication Today*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 104–112.
7. Sherman L. E., Greenfield P. M., Hernandez L. M., Dapretto M. Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood. *Child Development*, 2018, vol. 89, no. 1, pp. 37–47.
8. Liu Y., Shen W. Perching birds or scattered streams: a study of how trust affects civic engagement among university students in contemporary China. *Higher Education*, 2020. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00548-9>
9. Owusu-Agyeman Y., Fourie-Malherbe M. Students as partners in the promotion of civic engagement in higher education. *Studies in Higher Education*, 2019. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1666263>
10. Fernandez J. S., Langhout R. Day Living on the Margins of Democratic Representation: Socially Connected Community Responsibility as Civic Engagement in an Unincorporated Area. *American Journal of Community Psychology*, 2018, vol. 62, no. 1–2, pp. 75–86. <https://doi.org/10.1002/ajcp.12257>
11. Grant P. R., Bennett M., Abrams D. Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum. *British Journal of Social Psychology*, 2017, vol. 56, no. 3, pp. 455–474. <https://doi.org/10.1111/bjso.12186>
12. Shamionov R. M. Social Activity and Risk Propensity of Students with Autonomous and Dependent Types of Subject Regulation. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 94–112 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>
13. Arendachuk I. V. Activity characteristics of social activity in young people belonging to different age groups. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 2 (34), pp. 148–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161>
14. Zagranichnyj A. I. The study of the subjective assessment of the influence of the features of communication in a virtual environment on communication in real life and the mechanism of transferring any personal traits, character accentuations, positions and behavioral strategies from the real environment to the virtual environment. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [World of Education – Education in the World], 2019, no. 2 (74), pp. 226–232 (in Russian).
15. Sharov A. A. Deviant activity of youth: features and mechanism of transfer from the real environment to the virtual. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya* [News of Irkutsk

- State University. Psychology Series], 2019, vol. 28, pp. 103–109 (in Russian). <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.28.103>
16. Bocharova E. E. Representation of a person about cultural and historical facts and their role in determining social activity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], 2020, no. 1, pp. 22–35 (in Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-22-35>
 17. Usova N. V. Psychodynamic predictors of the orientation of social activity. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2019, vol. 25, no. 3, pp. 95–100 (in Russian). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100>
 18. Grigoryeva M. V. Need-motivational factors of social activity of the individual in different conditions of socialization. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2018, no. 11 (55), pp. 35–41 (in Russian)
 19. Klenova M. A. Motivation of protest and socio-political activity of an individual and its potential in the system of life-purposeorientations. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2021, vol. 10, iss. 1 (37), pp. 53–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-53-61>
 20. Shamionov R. M., Grigorieva M. V., Grigoryev A. V. Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 18–34 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100102>
 21. Shamionov R. M., Bocharova E. E., Nevsky E. V. The role of values in the commitment of youth to various types of social activity. *Social Psychology and Society*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 124–141 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>
 22. Shamionov R. M., Bocharova E. E., Nevsky E. V. Correlation of life orientations, social identity and social activity of youth. *Rossiyskiy psihologicheskij jurnal* [Russian Psychological Journal], 2021, vol. 18, no. 4, pp. 22–33 (in Russian). <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>
 23. Arendachuk I. V. Subject-activity determinants of types of social activity of students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 560–581. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-560-581>
 24. Arendachuk I. V. Subjective determinants of social activity of the student youth. *SHS Web Conf. "Trends in the development of psycho-pedagogical education in the conditions of transitional society" (ICTDPP-2019)*, 2019, vol. 70, pp. 5.
 25. Shamionov R. M., Bocharova E. E., Nevsky E. V. Characteristics of personality and activity of students as predictors of the degree of real and preferred participation in educational and developmental activities. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of Science and Education], 2022, no. 1 (55), pp. 477–490 (in Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.30>

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 197–201
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 197–201
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-197-201>

Научная статья
УДК 159.9

Представления молодежи об искусственном интеллекте и отношении к нему

М. И. Ясин

Московский международный университет, Россия, 125040, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17

Ясин Мирослав Иванович, доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций, Yasin.MI@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

Аннотация. Развитие информационных технологий (ИТ) и искусственного интеллекта (ИИ) в значительной степени меняет современный мир, что поднимает вопрос о воздействии этих технологий на человека. Исследования взаимодействия человека и ИТ наиболее часто решаются в плане пользы для образования, угроз вреда здоровью, в том числе психологического, формирования зависимого поведения. Однако сфера отношений к ИИ изучена недостаточно. Цель настоящей работы – выявить представления молодежи об искусственном интеллекте и отношении к нему. Исследование построено методом очного письменного анкетного опроса среди студентов гуманитарных и социальных направлений подготовки. Полученные результаты позволяют заключить, что среди молодежи нет четкого понимания об отличиях ИИ и алгоритмизированных компьютерных программ, практические навыки использования хорошо развиты, однако осмысление, концептуализация ИИ остаются на низком уровне. ИИ оценивается молодежью как «полезный и опасный», а польза – как «общая», ее содержание сложно поддается рефлексии, а «угрозы» рассматриваются в терминах популярного медийного дискурса и популярных литературных сюжетов. Представления и отношения молодежи к ИИ позволяют создать некоторую необходимую дистанцию восприятия и обеспечить рефлексии отношений человека и сферы ИТ и ИИ. На основе выводов возможно планирование дальнейших разработок, касающихся отношения человека к ИТ и ИИ.

Ключевые слова: представления, отношение, образ, молодежь, информационные технологии, социальная психология

Для цитирования: Ясин М. И. Представления молодежи об искусственном интеллекте и отношении к нему // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 197–201. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-197-201>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Youth perceptions and attitudes about artificial intelligence

M. I. Yasin

Moscow International University, 17 Leningradskiy Ave., Moscow 125040, Russia

Miroslav I. Yasin, Yasin.MI@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

Abstract. Introduction. The development of information technology (IT) and artificial intelligence (AI) are significantly changing the modern world, which raises the question of the impact of these technologies on humankind. **Theoretical analysis.** Research on human-IT interaction is most often determined in terms of benefits for education, threats in terms of harm to health, including psychological health, and the formation of addictive behavior. However, the sphere of attitudes towards AI has been researched insufficiently. The purpose of the study is to identify the perception of young people about artificial intelligence and attitudes towards it. **Conclusions.** The study is based on the method of a written questionnaire survey among students of humanitarian and social areas of study. The obtained results allow us to conclude that among young people there is no clear understanding of the differences between AI and algorithmic computer programs, the practical skills of using developed well, however, the comprehension, conceptualization of AI among young people remains low. Young people assessing the AI as “useful and dangerous”, while the benefits assessed “in general”, its content is difficult to reflect, and “threats” assessed in terms of popular media discourse and popular literary plots. The study of representations and relationships allows to create a certain necessary distance of perception and provide a reflection of the relationship between a person and the IT and AI sphere. Based on the findings, it is possible to plan further studies of human attitudes towards IT and AI.

Keywords: representations, attitude, image, youth, information technology, social psychology

For citation: Yasin M. I. Youth perceptions and attitudes about artificial intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 197–201 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-197-201>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопросы взаимодействия человека и искусственного интеллекта (ИИ) в эпоху цифровизации становятся особенно значимыми, достаточно хорошо изучена роль информационных технологий (ИТ) в современной педагогике и системе образования, однако психологическим исследованиям о влиянии ИТ на повседневную жизнь посвящено сравнительно небольшое число работ.

Изучение психологической составляющей взаимодействия с ИТ и ИИ представляется необходимым, так как новые технологии влияют на разные сферы жизни человека. Современный человек, названный автором символически «Homo Digitalis», постоянно существует и в социальной, и в виртуальной реальности, которая накладывает отпечаток не только на образ жизни, характер коммуникации, но и на мировоззрение и конфигурацию индивидуальности [1].

Растет обеспокоенность общества в связи с участвующими случаями интернет-зависимого поведения [2–4]. Исследователи отмечают, что цифровые технологии значительно изменяют систему коммуникации человека [2, 3], отражаются на характере самооценки, когнитивных функциях [2]. Усиливается тревожность в связи с повышающейся «прозрачностью» через базы данных и социальные медиа, снижаются социальные навыки и активность, как следствие, все чаще возникают чувство одиночества, потеря смысла жизни, депрессии [3]. Снижается ответственность, способность к осознанному выбору, возможности преадаптации и поиска творческих вариативных решений, но легче формируются групповая идентичность и образ «Я» [5].

Молодое поколение гораздо лучше знакомо с цифровыми технологиями, так как оно ближе ко всем инновациям в силу большей психологической гибкости и способности адаптироваться к изменениям [6].

Исследователи отмечают как наиболее значимые направления изучения психологии человека в условиях цифровизации ее влияние на формы самовосприятия, саморефлексии и самопрезентации человека; мотивацию к взаимодействиям, вовлечение, азарт и зависимое поведение; когнитивную составляющую самого процесса взаимодействия; психогигиену и психопрофилактику в области взаимодействия с цифровыми технологиями, разработку удобных интерфейсов; формирование новой этики и правил общения людей в цифровой среде [4].

Под интеллектом традиционно понимается способность человека выносить разумные суждения, мыслить, обучаться, самостоятельно принимать решения. Существует мнение, что

интеллект свойствен только живым существам и обязательно включает творческий компонент, возможности создавать новое и действовать в нетривиальных условиях [7]. Отмечается, что человеческое мышление включает не только интеллектуальные (логические) процессы, но и «волевые, аффективные и иные составляющие», что отчетливо разделяет человеческое мышление и ИИ [8, с. 2096]. Таким образом, интеллект человека отличается от так называемого «искусственного интеллекта», однако созданный по аналогии, он может служить предметом осмысления и поиска границ двух явлений.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении представлений молодежи об искусственном интеллекте и отношении к нему. Это позволит создать некоторую необходимую дистанцию восприятия и обеспечить рефлексии отношений человека и сферы ИТ и ИИ.

Методы

В исследовании был применен метод очного письменного анкетного опроса с открытыми вопросами, предполагающими полные развернутые ответы. Опрос проводился среди студентов гуманитарных и социальных направлений подготовки, т. е. «обычных пользователей», не обладающих специальным знанием в области ИТ. В нем приняли участие 63 чел., 24 юношей и 39 девушек. Сред них будущие психологи – 26 чел., журналисты – 16 чел. и лингвисты – 21 чел.

Обработка полученных данных осуществлялась методом контент-анализа с выявлением схожих тем и тезисов и подсчетом частот сообщений (подсчет носит «пилотный» характер в силу качественного характера исследования и небольших размеров выборки). Представления молодежи об ИИ раскрывались через такие категории, как образ ИИ, отношение к ИИ, возможности различия ИИ и естественного интеллекта.

Результаты

Большая часть респондентов, за исключением 1 из 63, утверждает, что когда-либо взаимодействовала с ИИ. Однако в анкете было несколько пунктов, где перечислялись реальные интерактивные помощники, где используется ИИ (такие, как бот «Алиса», «креативные» алгоритмы Фейсбука, системы распознавания лиц в социальных медиа и ряд других). Все респонденты отметили ряд пунктов, включая респондента, «не встречавшегося» с ИИ. Таким образом, на практике молодежь в нашей выборке сталкивалась с работой ИИ и в большинстве случаев понимала это.

На вопрос о различиях человеческого и искусственного интеллектов респонденты отвечали, что человеку свойственны творческий характер мышления, включая способность создавать новое, отклоняться от плана (37 высказываний); эмоции (26 высказываний); способность выносить нравственные суждения (14 высказываний); способность мыслить «лично» в системе собственных целей и мотивов (10 высказываний); отказываться от выполнения задачи (5 высказываний). При этом объем единиц обрабатываемой информации меньше у человека (31 высказывание); человеку свойственно ошибаться, машина способна действовать безошибочно (12 высказываний). Психологи дали более развернутые ответы, в среднем в 3 раза объемнее ответов журналистов и лингвистов, что объясняется повышенной вовлеченностью, обусловленной сферой профессиональных знаний.

Подавляющее большинство (59 чел.) уверено, что сможет отличить «бота» от живого человека в интернет-коммуникации. Респонденты называли следующие критерии способов проверки: интерпретация метафор, переносного смысла (13 высказываний); понимание иронии и юмора (11 высказываний); просьба рассказать что-то о личности, чертах характера (9 высказываний); попытка вызвать эмоции у собеседника (7 высказываний); выяснение личных предпочтений (6 высказываний); просьба высказать моральное суждение (4 высказывания), решить моральную дилемму (4 высказывания); использование «капчи», у человека более спонтанный и неформальный стиль речи, возможны ошибки (3 высказывания); желание задать вопрос о самочувствии, состоянии (2 высказывания).

На вопрос – превзойдет ли ИИ естественный интеллект человека – мнения разделились примерно поровну: 30 опрошенных посчитали, что ИИ опередит человека, 33 – что ИИ никогда не превзойдет человека. Логика ответов тех, кто посчитал ИИ более перспективным, состояла в том, что машины быстрее считают и объем их памяти больше; логика тех, кто посчитал человека более совершенным, заключалась в том, что машину конструирует человек, следовательно, он оказывается умнее того ИИ, которое создает. Однако был и ряд ответов с оговоркой «смотря в чем», где машине оставалось преимущество быстрых и объемных расчетов, а человеку – творческого потенциала. Подобное статистическое распределение около 50% / 50%, свидетельствует о том, что вопрос оказался скорее «риторическим» и у аудитории нет определенного закономерно способа воспринимать явление.

На вопрос – принесет ли ИИ пользу людям – ответ в 100% случаев был позитивным.

При попытке назвать области применения, где ИИ будет полезен, упоминались сложные математические вычисления (24 высказывания); условия, где не могут работать люди (14 высказываний); рутинные алгоритмизируемые задачи (12 высказываний). Однако значительную долю занимали ответы недифференцированного характера, например: «облегчат жизнь», «сделают быт проще», «освободят человека от тяжелой работы» (всего – 13 подобных ответов). Общие ответы говорят об отсутствии релевантных представлений об использовании ИИ, респондентами не назывались реальные сферы использования ИИ, например в наукоемких сферах, таких как космонавтика, медицина, повседневных прогрессивных технологиях, таких как распознавание лиц, сложных изображений, прогностические функции навигаторов и пр. Анкета включала ряд пунктов, где перечислялись примеры использования ИИ, респонденты отмечали, что знают эти продукты и пользовались ими, однако не распознают в них примеры ИИ.

На вопрос – возможна ли угроза со стороны ИИ – 57 из 63 респондентов отметили, что ИИ в перспективе может представлять опасность для человека и человечества в целом. Назывались следующие опасности: опасен, но только как орудие в руках людей-злоумышленников (19 высказываний); замена человека машиной и рост безработицы (16 высказываний); выход ИИ из-под контроля человека; захват власти над человечеством, порабощение человечества (14 высказываний); в силу выполнения машиной сложных задач человек перестанет совершенствоваться или начнет деградировать (8 высказываний). Следует отметить, что большая часть ответов все же оставалась в пределах реалистических сценариев (безработица, орудие в руках злоумышленников), однако часть тревожных прогнозов явно опиралась на литературные и кинематографические предположения. Также отметим, что доля «катастрофического фантазирования» гораздо выше у студентов отделения журналистики.

Обсуждение результатов

Респонденты, несмотря на то, что сталкивались с цифровыми продуктами, основанными на ИИ, не распознают в них ИИ, а сам ИИ путают с алгоритмизированными компьютерными программами старого типа, что можно видеть в ответах на вопрос о том, что есть ИИ и как распознать «бота»? Результаты говорят о том, что среди неспециалистов велика доля заблуждений относительно сущности ИИ и сферах его применения, что во многом опровергает социальный миф о высокой осведомленности молодежи о новых технологиях.

Осведомленность аудитории о фактических различиях компьютерных технологий и естественного интеллекта человека, напротив, оказывается высокой: респонденты достаточно реалистично отразили «проблемные» области в развитии ИИ, способы распознавания ИИ и ключевые отличия человеческого и машинного интеллектов. Данная осведомленность, по нашему мнению, появилась практически в ходе работы в сети Интернет.

ИИ воспринимается современной молодежью как стопроцентно полезный и перспективный, однако конкретные сферы приложения отвечавшим удавалось назвать в относительно небольшом числе случаев. Полезность ИТ воспринимается «в целом», что свидетельствует о сложившемся социальном стереотипе без развернутого интеллектуального пояснения.

Однако и «угрозы» со стороны ИИ оцениваются подобным образом – почти стопроцентная «опасность» частично объяснялась распространенными в научном и популярном дискурсе темами безработицы, инструментального использования, а часть – ссылками на литературную и кинематографическую фантастику. Однако эти угрозы относились опять же к представляемому «роботу», но не связывались в уме с реальными технологиями, лист которых был приведен в конце анкеты.

Соответственно, образ ИИ и отношение к нему в сознании молодежи оказались противоречивыми: «максимально полезный и максимально опасный», «хорошо известный, но нераспознанный» ИИ. Образ и отношение к ИИ у молодежи складывается из слабо структурированных теоретических представлений, но основан этот образ на хороших практических навыках (встречи с ИИ на практике и различные работы ИИ и человека).

Выводы

В результате исследования нам удалось описать образ ИИ и отношение к ИИ современной молодежи из числа неспециалистов по ИТ. Респонденты путают ИИ с алгоритмизированными компьютерными программами, ИИ выступает как «полезный и опасный», практические навыки использования выглядят как хорошо развитые. В то же время осмысление, концептуализация ИИ среди молодежи остаются низкими.

В силу высокой доли заблуждений о природе ИИ и сферах его применения можно порекомендовать просветительскую работу, популяризацию знаний об ИИ для широких целевых аудиторий.

Представляются целесообразными дальнейшие исследования отношений человека, ИТ и

ИИ, так как на настоящий момент разработки в данной области остаются недостаточными, многие аспекты этого взаимодействия не раскрыты с точки зрения психологии. Представления о характере отношений с ИТ и ИИ могут служить цели выработки «коллективной метапозиции» в отношении цифровых технологий и их влияния на жизнь современного человека.

В качестве дальнейших перспектив можно определить возможность исследования связи ряда психологических параметров и некоторых аспектов образа ИИ, что поможет выяснить, кто более склонен негативно или позитивно оценивать воздействия ИИ.

Список литературы

1. *Рягузова Е. В.* Homo Digitalis : запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
2. *Погожина И. Н., Подольский А. И., Идобаева О. А., Подольская Т. А.* Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 60–94. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94>
3. *Баркетова Т. А., Воронин Э. Е.* Некоторые социально-психологические проблемы личности в эпоху smart-технологий // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3 (77). С. 64–67.
4. *Montag C., Diefenbach S.* Towards Homo Digitalis: Important Research Issues for Psychology and the Neurosciences at the Dawn of the Internet of Things and the Digital Society // Sustainability. 2018. Vol. 10 (2). P. 415–436. <https://doi.org/10.3390/su10020415>
5. *Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий : перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. № 5 (40). С. 35–47. <https://doi.org/10.31857/S020595920006074-7>
6. *Ясин М. И.* Социально-психологические характеристики экономического поведения обучающихся // Психологические особенности экономического поведения студентов на российском рынке образовательных услуг / науч. ред. О. И. Щербакова, Б. С. Васякин. М. : Издательство Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 44–51.
7. *Лантев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79>
8. *Войскунский А. Е.* Психология и искусственный интеллект : новый этап старого взаимодействия // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / под ред. В. В. Знакова, А. Л. Журавлева. М. : Издательство Института психологии РАН, 2018. С. 2094–2101.

References

1. Ryaguzova E. V. Homo Digitalis: Request for a new personality configuration. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–325 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
2. Pogozhina I. N., Podolskij A. I., Idobaeva O. A., Podolskaya T. A. Behavioral and motivational patterns of internet users: A logico-categorical analysis. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2020, no. 3, pp. 60–94 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94>
3. Barketova T. A., Voronin E. E. Some socio-psychological problems of the individual in the era of smart technologies. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo socialno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Social and Economic University], 2019, no. 3 (77), pp. 64–67 (in Russian).
4. Montag C., Diefenbach S. Towards Homo Digitalis: Important Research Issues for Psychology and the Neurosciences at the Dawn of the Internet of Things and the Digital Society. *Sustainability*, 2018, vol. 10 (2), pp. 415–436. <https://doi.org/10.3390/su10020415>
5. Zhuravlev A. L., Nestik T. A. Socio-psychological consequences of new technologies adoption: Perspective directions of research. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2019, no. 5 (40), pp. 35–47 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S020595920006074-7>
6. Yasin M. I. Socio-psychological characteristics of the economic behavior of students. In: O. I. Scherbakova, B. S. Vasykin, eds. *Psihologicheskie osobennosti ekonomicheskogo povedeniya studentov na rossijskom rynke obrazovatelnyh uslug* [Psychological Features of the Economic Behavior of Students in the Russian Market of Educational Services]. Moscow, Izdatel'stvo Plekhanov Russian University of Economics, 2019, pp. 44–51 (in Russian).
7. Laptev V. A. Artificial intelligence and liability for its work. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2019, no. 2, pp. 79–102 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79>
8. Vojskunskij A. E. Psychology and artificial intelligence: A new stage of long-time interaction. In.: V. V. Znakov, A. L. Zhuravlev, eds. *Psihologiya cheloveka kak subekta poznaniya, obshcheniya i deyatelnosti* [Human Psychology as a Subject of Knowledge, Communication and Activity.]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta psihologii RAN, 2018, pp. 2094–2101 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.01.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 08.01.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 202–207
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 202–207
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-202-207>

Научная статья
УДК 372.851

Учить логике будущих учителей математики (часть III)

В. И. Игошин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Игошин Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры геометрии, igoshinvi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0909-0009>

Аннотация. Публикация представляет собой третью часть статьи автора под тем же названием, вышедшей в предыдущих номерах данного журнала. В ней обсуждается проблема формирования логических и логико-дидактических компетенций будущих учителей математики как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры. Логика рассматривается в трех аспектах – классическая аристотелевская логика, современная математическая логика и ее применение к аристотелевской логике, неклассические логики. Предлагается ряд мер, связанных с формированием системообразующего фактора во всей системе подготовки кадров. Обучение на уровне магистратуры должно отвечать принципу преемственности и стать естественным продолжением обучения на уровне бакалавриата. Такой подход позволит существенно повысить уровень логической, а вместе с ней и общей профессиональной компетентности учителей математики, выпускаемых педагогическими и классическими университетами. Такие учителя в своей профессиональной педагогической деятельности смогут применять логические знания и умения для воспитания на разных ступенях общего образования логически и математически грамотных учащихся, способных к дальнейшему саморазвитию и творческой реализации.

Ключевые слова: учитель математики, подготовка учителя математики, логическая компетентность будущих учителей математики, бакалавры и магистры педагогического образования, аристотелевская логика, математическая логика, неклассические логики

Для цитирования: Игошин В. И. Учить логике будущих учителей математики (часть III) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 202–207. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-202-207>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

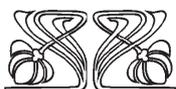
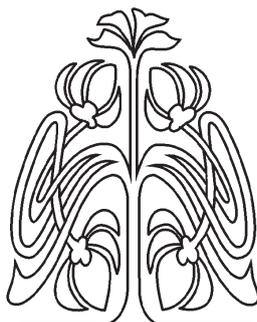
To teach logic to prospective mathematics teachers (Part III)

V. I. Igoshin

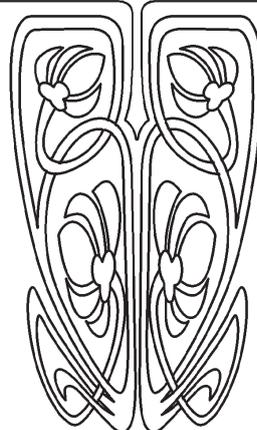
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir I. Igoshin, <https://orcid.org/0000-0003-0909-0009>, igoshinvi@mail.ru

© Игошин В. И., 2022

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. The article is the third part of the author's article under the same title published in previous issues of this journal. It discusses the problem of forming the logical competencies of future mathematics teachers both at the undergraduate level and at the master's level. **Theoretical analysis.** In this case, logic is considered in three aspects – classical Aristotelian logic, modern mathematical logic and its application to Aristotelian logic, non-classical logics. This part of the article proposes a number of measures related to the formation of the logical and didactic training content for future mathematics teachers at the undergraduate and graduate levels in order to make this training a system-forming factor in the entire system of their training. At the same time, training at the master's level must meet the principle of continuity and become a natural continuation of training at the undergraduate level. **Conclusions.** Such an approach will significantly increase the level of the logical and general professional competence of mathematics teachers who graduate from pedagogical and classical universities. Such teachers will be able to apply logical knowledge and skills in their pedagogical activities to educate logically and mathematically competent students at different levels of general education capable of further self-development and creative activity.

Keywords: mathematics teacher, mathematics teacher training, logical competence of future mathematics teachers, bachelors and masters of pedagogical education, Aristotelian logic, mathematical logic, non-classical logicians

For citation: Igoshin V. I. To teach logic to prospective mathematics teachers (Part III). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 202–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-202-207>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Окончание. Начало см.: 2019. Т. 19, вып. 1. С. 113–117; 2020. Т. 20, вып. 1. С. 105–111

Введение

Двухуровневая система высшего образования (бакалавриат и магистратура) предоставляет большие возможности для подготовки высококвалифицированных учителей математики. Задача состоит в том, чтобы профессора и преподаватели совместно с администрацией вузов, которой теперь дано право самостоятельно разрабатывать учебные планы в соответствии с централизованными государственными образовательными стандартами, разработали для этого обучения такие учебные планы, которые действительно формировали бы необходимые профессиональные компетенции будущих учителей математики [1].

Чтобы максимально эффективно охватить все стороны подготовки высококомпетентного учителя математики, для составления таких скоординированных учебных планов администрации вуза и факультета целесообразно сформировать методическую комиссию из представителей кафедр, осуществляющих подготовку будущих учителей математики по направлению «Педагогическое образование».

Логика для бакалавров педагогического образования

Будущие учителя математики с целью формирования у них необходимых логических компетенций должны освоить, во-первых, основы логики как науки (логическая подготовка, выстраивающая математические логические компетенции); во-вторых, научиться применять полученные логические знания в своей будущей профессионально-педагогической деятельности (логико-дидактическая подготовка, формиру-

ющая методические логические компетенции или логико-дидактические компетенции). Общее представление о содержании логических компетенций будущих учителей математики дано в разделе «Традиционная логика и математическая логика в обучении математике» предыдущей части.

Профессионально педагогически ориентированный курс математической логики, служащий основой логической компетентности будущего учителя математики, должен быть представлен двумя частями – для уровня бакалавриата и для уровня магистратуры со строгим соблюдением принципа преемственности. В свою очередь, для бакалавриата курс математической логики также может быть освоен на двух уровнях – общем и углубленном. Такой подход позволит основной массе будущих учителей освоить азы математической логики, а части их дойти до понимания результатов, полученных этой наукой, которые подготовят базу для их последующего обучения в магистратуре.

На общем, базовом, уровне (I–II курсы бакалавриата) студенты изучают и осваивают ключевые понятия и методы математической логики как науки. На этом этапе будущим учителям математики исключительно важно познакомиться с основными категориями классической аристотелевской логики – понятие, суждение, умозаключение, изучать их с использованием методов математической логики [2]. Фундаментом для изучения теоретического материала на этом уровне является один из учебников [3–5]. Основой для проведения практических занятий служит сборник задач [6], по которому преподаватель для каждого студента может сформировать индивидуальное задание для самостоятельной работы.

На III–IV курсах бакалавриата часть студентов, проявивших склонность и интерес к математической логике, когда она изучалась на базовом уровне, могут продолжить ее изучение. На этом этапе осуществляется подробное доказательство теорем, не вошедших в базовый курс. Затем могут быть рассмотрены формализованные исчисления высказываний и предикатов: подробное построение этих исчислений на базе системы аксиом и изучение метатеории исчисления.

Логика для магистров педагогического образования

Задача магистратуры в области математической логики состоит в том, чтобы продемонстрировать будущему учителю математики методологическую роль логики в системе всей математической науки. Он должен увидеть и осознать, как на протяжении многовековой истории развития математики, начиная с древнегреческих времен, происходило ее взаимодействие с логикой, усиливались требования к логической строгости математических определений и доказательств, наконец, как в XX в. аристотелевская логика, став математической логикой, смогла сформулировать и решить важнейшие философско-методологические проблемы, вставшие перед математической наукой и связанные с основаниями математики и обоснованием ее глобальной непротиворечивости.

Для достижения этих целей изучение будущими учителями математической логики на уровне магистратуры целесообразно начать с рассмотрения философских вопросов математики. В связи с обнаружением на рубеже XIX и XX вв. Г. Кантором, Б. Расселом и рядом других математиков парадоксов (антиномии) в теории множеств остро встали вопросы об основаниях всей математической науки, о ее непротиворечивости. Необходимо было доказать глобальную непротиворечивость математики и тем самым дать строго логическое обоснование всей математики как науки, как мощного инструмента познания окружающей действительности. Активные попытки устранения этих противоречий способствовали глубокому анализу оснований математики, который имел громадное значение для последующего ее развития. В процессе этого анализа сформировалось несколько подходов к обоснованию основ математической науки – логицизма, интуиционизма, формализма. Эти подходы исходили из понимания дуалистичности природы

человеческого мышления, на что указывал еще Декарт в своих «Правилах для руководства ума» в 1628 г.

Полученные логико-математические результаты оказались неожиданными. Они показали, что невозможно доказать непротиворечивость всей математики. Для понимания этих результатов изучение курса математической логики в магистратуре следует начать с понятия формальной аксиоматической теории, подробно рассмотреть свойства формализованного исчисления предикатов, примеры формальных аксиоматических теорий. Вершиной курса станут две теоремы Гёделя – о неполноте всякой формальной теории, содержащей формальную арифметику, и о недоказуемости непротиворечивости такой теории ее собственными методами, а также теоремы А. Тарского о невыразимости и недоказуемости истины в таких теориях.

Данные теоремы строгими математическими методами доказали ограниченность математики и ее аксиоматического метода и тем самым продемонстрировали невозможность реализации гильбертовской программы обоснования математики в полном ее объеме. Об этих теоремах образно выразился Г. Вейль: «Бог существует, поскольку математика, несомненно, непротиворечива, но существует и дьявол, поскольку доказать ее непротиворечивость мы не можем».

Без математизации традиционной аристотелевской логики, без математической логики обо всех этих достижениях не могло быть и речи. Специалисты по школьному математическому образованию активно обсуждали методические достоинства и недостатки использования концепции аксиоматического метода при обучении школьников математике [7, 8]. Каков бы ни был итог этой дискуссии, из нее со всей очевидностью вытекает по меньшей мере один вывод – сам учитель математики должен владеть концепцией аксиоматического метода во всей ее полноте и многогранности, которые обеспечивают ей методы математической логики. Достичь этого владения можно лишь при методически грамотно организованной двухуровневой системе обучения будущих учителей математики.

Более того, только при помощи математической логики было неопровержимо доказано, что не все задачи, решаемые математиком или логиком, могут быть решены машиной. Тем не менее именно математическая логика превратила традиционную аристотелевскую логику в

мощный метод для создания и функционирования компьютеров, без которых уже немыслима современная жизнь.

Все эти результаты, ставшие величайшими достижениями математики XX в., обладают поистине философской и методологической значимостью. Знания логико-философских оснований математической науки окажут глубокое влияние на педагогическое мировоззрение и практическую методику будущего учителя математики. Вооруженный ими, он сможет более эффективно развивать важнейшие качества мышления его учеников – логику, обучая методам доказательства уже открытых теорем, и интуицию, обучая приемам открытия неизвестных знаний, ибо в процессе познания и образования «логика и интуиция играют каждая свою необходимую роль. Обе они неизбежны. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретательства» [9, с. 167].

Прекрасным дополнением к изучению формализованных аксиоматических теорий может стать самостоятельное ознакомление студентов с компьютерными методами доказательства теорем как в исчислениях высказываний и предикатов, так и в различных разделах математики [10, 11].

Для характеристики и моделирования мыслительных процессов, происходящих в разнообразных сферах человеческой деятельности в XX в., были созданы многочисленные неаристотелевские (неклассические) логики – интуиционистская, конструктивная, деонтическая, нечеткая, модальная, многозначная, временная, алгоритмическая и др. Все они характеризуются тем, что в них высказывания не обязательно принимают одно из двух логических значений, как это имеет место в классической логике, и нередко не выполняется закон исключенного третьего. Знания об этих логиках существенно обогатят представления будущих учителей математики о современной логической науке.

Что касается формирования методических логических компетенций, т.е. осуществления логико-дидактической подготовки будущих учителей математики, то здесь ведущая роль принадлежит курсу методики обучения математике, который также должен быть тщательно со строгим соблюдением принципа преемственности разделен на две части – для уровня бакалавриата и для уровня магистратуры. В нем, в частности, необходимо рассмотреть множество конкретных примеров того, как логика помогает изучать математику [12–17].

Выводы

Роль и значение логических средств и методов в педагогике давно осознаются и специалистами в области педагогики. Известный советский ученый-педагог Г. П. Щедровицкий ставил их даже выше по значению средств и методов психологических и социологических: «Уже на первых своих этапах методологические исследования показывают исключительно важное значение для системы педагогики логических проблем, знаний и методов. В частности, при определении содержания образования именно логический анализ оказывается исходным и решающим, а психологический, наоборот, зависимым и вторичным. Идет ли речь об анализе деятельности, которые должны совершать обученные и воспитанные индивиды, или же об анализе структуры учебных предметов, которые должны быть заданы учащимся, – всюду единственно “работающими” и эффективными на сегодня оказываются отнюдь не психологические или социологические и не специально-предметные (математические, физические, химические и т.п.), а лишь логические средства и методы» [18, с. 10–11].

Настоящая статья демонстрирует место, роль и значение логических средств и методов при обучении математике. Эти средства и методы должны освоить будущие учителя математики, которых готовят в настоящее время классические и педагогические университеты и институты. Целью их логической и логико-дидактической подготовки на уровнях бакалавриата и магистратуры является достижение ими высокого уровня логической культуры и логической компетентности, который позволит им видеть в преподаваемом математическом материале логическую составляющую, понимать ее значение для данного математического материала и уметь донести эту составляющую обучаемым с тем, чтобы эта логика помогла им осознать, глубже и адекватнее понять существо математики. Вместе с обучением математике будет происходить обучение и интеллектуальное развитие студентов *с помощью математики* – умение логически мыслить и рассуждать, необходимое во всех сферах человеческой деятельности.

Список литературы

1. Игошин В. И. О качестве подготовки бакалавров и магистров педагогического образования по профилю «Математическое образование» // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 468–473. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-468-473>

- Игошин В. И. Логика с элементами математической логики (лекции для студентов гуманитарных специальностей). Саратов : Научная книга, 2004. 144 с.
- Игошин В. И. Математическая логика и теория алгоритмов : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М. : Академия, 2010. 448 с.
- Игошин В. И. Математическая логика : учебное пособие. М. : ИНФРА-М, 2020. 399 с.
- Игошин В. И. Элементы математической логики : учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования. М. : Академия, 2016, 2018, 2021. 320 с.
- Игошин В. И. Сборник задач по математической логике и теории алгоритмов : учебное пособие. М. : КУРС: ИНФРА-М, 2017. 392 с.
- Мантуров О. В., Исаева М. А. Об аксиоматическом методе в школьном курсе геометрии // Математика в школе. 1988. № 3. С. 38–41.
- Глейзер Г., Калина А. О возможностях логического построения школьных курсов геометрии // Математика (газета). 2000. № 14. С. 1–4.
- Пуанкаре А. О науке / пер. с фр. М. : Наука, 1983. 560 с.
- Смирнов В. А., Маркин В. И., Новодворский А. Е., Смирнов А. В. Логика и компьютер : доказательство и его поиск : курс логики и компьютерный практикум. М. : Наука, 1996. 254 с.
- Кранц С. Изменчивая природа математического доказательства. Доказать нельзя поверить / пер. с англ. М. : Лаборатория знаний, 2016. 320 с.
- Фетисов А. И. Элементы логики в преподавании математики // Известия АПН РСФСР. Вопросы общей методики математики. 1958. Вып. 92. С. 149–198.
- Болтянский В. Г. Использование логической символики при работе с определениями // Математика в школе. 1973. № 5. С. 45–50.
- Столяр А. А. О некоторых применениях логики в педагогике математики // Логика и проблемы обучения. М. : Педагогика, 1977. С. 125–139.
- Тимофеева И. Л. Некоторые замечания о методе доказательства от противного // Математика в школе. 1994. № 3. С. 36–38.
- Игошин В. И. О применении математической логики при доказательстве обратных теорем // Математика в школе. 2002. № 10. С. 26–28.
- Игошин В. И. О точках и векторах в геометрии // Математическое образование. 2017. № 2 (82). Апрель – июнь. С. 27–43.
- Щедровицкий Г., Розин В., Алексеев Н., Непомнящая Н. Педагогика и логика. М. : Касталь, 1993. 416 с.

References

- Igoshin V. I. About quality of teaching bachelors and post-graduated students of pedagogical education (mathematical education). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy, Psychology, Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 468–473 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-468-473>
- Igoshin V. I. *Logika s elementami matematicheskoy logiki* [Logic with Elements of Mathematical Logic]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2004. 144 p. (in Russian).
- Igoshin V. I. *Matematicheskaya logika I teoriya algoritmov* [Mathematical Logic and Theory of Algorithms: Textbook for students higher educational institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 448 p. (in Russian).
- Igoshin V. I. *Matematicheskaya logika* [Mathematical Logic: Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 399 p. (in Russian).
- Igoshin V. I. *Elementy matematicheskoy logiki* [Elements of Mathematical Logic: Textbook for students institutions of secondary vocational education]. Moscow, Akademiya Publ., 2016, 2018, 2021. 320 p. (in Russian).
- Igoshin V. I. *Sbornik zadach po matematicheskoy logike i terorii algoritmov* [Collection of Problems on Mathematical Logic and Theory of Algorithms: Textbook]. Moscow, KURS, INFRA-M Publ., 2017. 392 p. (in Russian).
- Manturov O. V., Isaeva M. A. On axiomatic method in school geometry. *Matematika v shkole* [Mathematics in School], 1988, no. 3, pp. 38–41 (in Russian).
- Gleizer G., Kalina A. On possibilities of logical construction of school geometries. *Matematika (gazeta)* [Mathematics], 2000, no. 14, pp. 1–4 (in Russian).
- Pouancare A. *O nauke* [About Science. Transl. from French]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 560 p. (in Russian).
- Smirnov V. A., Markin V. I., Novodvorskiy A. E., Smirnov A. V. *Logika i kompyuyter: dokazatelstvo i ego poisk. Kurs logiki i kompyuyterniy praktikum* [Logic and Computer: Proof and Its Search. Logic Course and Computer Workshop]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 254 p. (in Russian).
- Krantz S. *Izmenchivaya priroda matematicheskogo dokazatelstva. Dokazat nelzya poverit* [The Proof is in the Pudding. The Changing Nature of Mathematical Proof. Transl. from Engl.]. Moscow, Laboratoriya znanii Publ., 2016. 320 p. (in Russian).
- Fetisov A. I. Elements of logic in teaching mathematics. *Izvestiya APN RSFSR. Voprosi obschey metodiki matematiki* [Izvestiya APN RSFSR. Questions of General Methods of Mathematics], 1958, iss. 92, pp. 149–198 (in Russian).

13. Boltianskiy V. G. Logical symbolic in mathematical definitions. *Matematika v shkole* [Mathematics in School], 1973, no. 5, pp. 45–50 (in Russian).
14. Stoliar A. A. On some applications of logic in mathematical education. In: *Logika i problemy obucheniya* [Logic and Education Problems]. Moscow, Pedagogika Publ., 1977, pp. 125–139 (in Russian).
15. Timofeeva I. L. Some notes about contradiction method proving. *Matematika v shkole* [Mathematics in School], 1994, no. 3, pp. 36–38 (in Russian).
16. Igoshin V. I. On application of mathematical logic in converse theorems proving. *Matematika v shkole* [Mathematics in School], 2002, no. 10, pp. 26–28 (in Russian).
17. Igoshin V. I. On points and vectors in geometry. *Matematicheskoe obrazovanie* [Mathematical Education Journal], 2017, no. 2 (82), April – June, pp. 27–43 (in Russian).
18. Shzhedrovickiy G., Rozin V., Alekseev N., Nepomnyashzhaya N. *Pedagogika i logika* [Pedagogic and Logic]. Moscow, Kastal' Publ., 1993. 416 p. (in Russian).

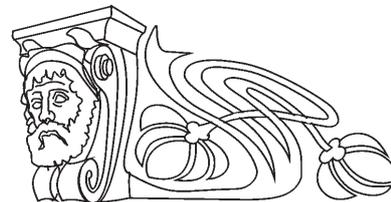
Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

Научная статья

УДК 376.142

Анализ проблем социально-педагогического сопровождения семей ребенка с ограниченными возможностями здоровья

Е. Е. Круглова

Омский государственный педагогический университет, Россия, 644099, г. Омск, Набережная Тухачевского, д. 14

Круглова Елена Евгеньевна, аспирант кафедры педагогики, starkova_lenus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8557>

Аннотация. В данной статье изложены результаты контент-анализа диссертационных исследований российских и зарубежных ученых, посвященные социально-педагогическому сопровождению семей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Рассматриваются проблемы воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья, актуальные проблемы взаимодействия ребенка, родителей и образовательного учреждения; социально-педагогическое сопровождение на основе культурологического и аксиологического подходов; описана методология проблемы сопровождения семьи ребенка с ОВЗ. Выявлены основные направления по сопровождению с семьей ребенка с ОВЗ с начала XIX в. до настоящего времени в России и зарубежных странах. Выделены наиболее актуальные проблемы. Сформулированы выводы о необходимости социально-педагогического сопровождения родителей, самосовершенствования их психолого-педагогической компетенции. Дан сравнительный анализ проблем сопровождения в России и за рубежом. Установлено, что успешно организованное социально-педагогическое сопровождение родителей ребенка с ограниченными возможностями здоровья в условиях взаимодействия школы и семьи способствует повышению социально-педагогической компетентности родителей, созданию условий для конструктивного взаимодействия и общения субъектов сопровождения, оптимизации взаимоотношений в семье, развитию способности принимать, понимать и доверять друг другу, умению осознавать важность семейного внимания и воспитания.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья, социально-педагогическое сопровождение, компетенция родителей, самообразование, социализация, внутрисемейные отношения

Для цитирования: Круглова Е. Е. Анализ проблем социально-педагогического сопровождения семей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 208–212. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-208-212>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Analysis of the problems of socio-pedagogical support to families raising a child with disabilities

E. E. Kruglova

Omsk State Pedagogical University, 14 Embankment of Tukhachevsky, Omsk 644099, Russia

Elena E. Kruglova, starkova_lenus@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1217-8557>

Abstract. Introduction. This article presents the results of the content analysis of dissertation research by Russian and foreign scientists devoted to the socio-pedagogical support of families raising a child with disabilities. The problems of raising children with disabilities are considered; the actual problems of interaction between a child, parents and an educational institution are described. **Theoretical analysis.** The article describes the methodology of the problem of accompanying the family of a child with disabilities. Socio-pedagogical support based on culturological and axiological approaches is considered. The author identifies the main directions for accompanying the family of a child with disabilities from the beginning of the XIX century to the present in Russia and foreign countries. Common problems that occur most often are highlighted. Conclusions are formulated about the need for socio-pedagogical support of parents and self-improvement of their psychological and pedagogical competence. A comparative analysis of the problems of support in Russia and abroad is given. **Conclusions.** It is revealed that successfully organized socio-pedagogical support of parents of a child with disabilities in the conditions of interaction between school and family contributes to the improvement of socio-pedagogical competence of parents; creation of conditions for constructive interaction and communication of subjects of support; optimization of relationships in the family; development of the ability to accept, understand and trust each other, and be able to realize the importance of family attention and upbringing.

Keywords: children with disabilities, family of a child with disabilities, social and pedagogical support, competence of parents, self-education, socialization, intra-family relations

For citation: Kruglova E. E. Analysis of the problems of socio-pedagogical support to families raising a child with disabilities. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 208–212 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-208-212>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время наблюдается рост рождения детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), что связано с экологической обстановкой, социально-экономическими проблемами, высоким качеством диагностики и медицины. В России 4,5% детей являются лицами с ОВЗ. Как в зарубежных странах, так и в России, создано множество учреждений, центров для организации обучения, воспитания, социализации и реабилитации детей данной категории. Но как показывает практика, в помощи нуждаются не столько дети, сколько их родители и близкие люди. В Законе об образовании (п. 1, ст. 18) сказано, что родители являются первыми педагогами, они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка [1]. Указанные проблемы связаны с уровнем компетентности родителей, поддержки и социально-педагогической помощи таким семьям. Трудности семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ, имеют много аспектов психологического, социального и соматического характера [2, с. 43]. То, какой смысл придадут родители особенностям развития ребенка с ОВЗ, закладывают в него тот или иной сценарий жизни [3, с. 8].

Рассмотрим социально-педагогическое сопровождение семей на основе культурологического и аксиологического подходов.

В рамках культурологического подхода (В. С. Библер, М. С. Каган, Ш. А. Амонашвили, В. А. Сухомлинский, Н. Б. Крылова, Г. И. Ловецкий) социально-педагогическое сопровождение родителей, имеющих ребенка с ОВЗ, отражается в умении ориентироваться в социокультурном пространстве, в осознании субъектов своей ценности и индивидуальности, в развитии культурных ценностей [4, с. 92]. В результате реализации данного подхода у участников социально-педагогического сопровождения формируются положительное отношение к культурному наследию, развиваются личностные качества, которые способствуют созданию новых культурных ценностей.

Аксиологический подход (И. Ф. Исаева, Е. И. Шиянов, Б. М. Бим-Бад, Т. А. Маслов, Б. Т. Лихачев, Т. И. Пороховская, В. А. Сластенин) предполагает социальное становление детей с ОВЗ, приобщение человека к социо-

культурным ценностям и сотрудничество педагогов, родителей, детей для решения проблем адаптации и социализации особых детей [5].

Социально-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, направлено на развитие личности и индивидуальности каждого ребенка, на исправление нарушений психофизического развития, на формирование социально значимой личности, приносящей пользу обществу. При сопровождении семьи ребенка с ОВЗ одновременно решаются многие повседневные проблемы и устраняются затруднения. Главная цель каждого родителя – создать такие условия, чтобы ребенок независимо от индивидуальных особенностей или ограничений в здоровье смог полноценно жить в современном мире.

Основные проблемы, возникающие при организации социально-педагогического сопровождения семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, заключаются в сотрудничестве с семьей, ребенком, с образовательной организацией, со специалистами; в установлении доверительного отношения; в уровне компетенций родителей; в наличии стремления к самообразованию и саморазвитию; в семейных взаимоотношениях между супругами и детьми; в принятии ребенка с проблемами в развитии; во взаимодействии с социумом.

Теоретический анализ

Нами были проведены контент-анализ диссертаций и публикаций за последние 10 лет, а также интерпретация полученной информации. На основе сравнительного анализа были выявлены общие и специфические проблемы в организации социально-педагогического сопровождения семьи ребенка с ОВЗ в российской и зарубежной практике; выделены наиболее часто встречающиеся проблемы сопровождения семей; обозначены вопросы, возникающие в процессе социально-педагогического сопровождения семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ.

Результаты исследования дали возможность проанализировать и интерпретировать итоги изучения опыта социально-педагогического сопровождения родителей семей ребенка с ограниченными возможностями и потребностями в России и за рубежом.

В разных странах накоплен опыт помощи семьям, воспитывающим особого ребенка, что по-

зволило установить положительные стороны и недостатки организации сопровождения таких семей.

История развития человечества охватывает период взаимоотношений семьи и общества, в котором имели место случаи избавления от неполноценных младенцев, оказания помощи и поддержки семьям, воспитывающим ребенка с ограниченными возможностями. В начале XIX в. в лечении, обучении и воспитании детей с нарушенным развитием активно привлекались родители и родственники ребенка, создавались консультативные пункты для семей «дефективных» детей в России. Специалисты прибегали к использованию всех членов семьи для профилактики и помощи в лечении детей с интеллектуальными нарушениями. До 90-х гг. XX в. такая работа носила рекомендательный характер. Е. М. Мастюкова в своих исследованиях часто затрагивала проблемы нарушенного развития детей, необходимости всестороннего и комплексного изучения семей, у которых появляется ребенок с ограниченными возможностями здоровья.

Впервые рассматривался вопрос участия родителей детей с ОВЗ в коррекционном, образовательном и воспитательном процессах. Со временем работа с родителями становилась необходимостью. Без участия семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ, невозможно добиться положительных результатов.

В процессе проведения анализа диссертационных исследований был определен объект анализа, который заключался в изучении, создании и апробации современных моделей сопровождения семей ребенка с ОВЗ, в комплексе эффективных форм сопровождения данных семей. В результате такой работы было выявлено, что большее внимание уделяется сопровождению взаимоотношения учителя и ребенка, сопровождению родительских отношений к детям, имеющим определенное нарушение. Недостаточно проработан вопрос сопровождения семьи, имеющей ребенка с ОВЗ. Даже если он затронут, то касается ребенка с определенным единичным нарушением. В изученных работах теоретически обоснованы, разработаны и апробированы модели учреждения комплексной помощи семьям и детям с ограниченными возможностями здоровья в определенном регионе или дан сравнительный анализ в нескольких регионах. Главная задача направлена на создание комплексной модели сопровождения детей с ОВЗ, а не их семей. Но если сопровождать только детей без включения родителей, то данная работа не приведет к эффективным результатам, так как семья играет огромную роль в воспитании любого ребенка.

В настоящее время в России написано множество работ и проведено достаточно исследований по проблеме сопровождения и поддержки, в частности, Е. Б. Хомутовой (2018), А. В. Югоровой (2012), М. Н. Елиашвили (2012), Л. А. Асламазовой (2012) и др. Многие зарубежные ученые также считают семью главным аспектом полноценного развития ребенка с ОВЗ, что отражено в трудах Ф. Л. Ратнера, М. Ф. Музафарова и др.

Анализ педагогической теории и практики в исследовании Л. Э. Абдуллиной, посвященном изучению вопросов социально-педагогического сопровождения семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, показывает, что большинство родителей не могут самостоятельно заниматься самообразованием, что связано с утратой семейных традиций, ростом количества неполных семей, возрастанием тревоги родителей, материальной нестабильностью, отсутствием мотивации для осуществления самообразования и саморазвития [6, с. 124].

Изучив исследования зарубежных ученых (А. П. Тернбулл, Ю. А. Саммерс, С. Тэйлор-Браун и др.), можно сделать вывод, что многие семьи, прошедшие специальное обучение или получившие необходимую консультацию и поддержку специалистов, могут самостоятельно осуществлять образовательный и воспитательный процессы в домашних условиях. За рубежом создано множество центров и учреждений, специализирующихся на организации взаимодействия родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, с целью обмена опытом. В настоящее время создаются целые ассоциации по сотрудничеству таких семей.

Исходя из этого, можно констатировать, что российские семьи настолько загружены работой, решением повседневных вопросов, что у них не хватает времени на самообразование и воспитание детей. Отсутствие работы сказывается на отсутствии финансовых возможностей в вопросах содержания семьи. А вот зарубежные семьи могут позволить себе не работать, а заниматься своими детьми самостоятельно, проходить обучение, повышать квалификацию. Поэтому данный вопрос остается открытым для наших ученых. Не зря сейчас разрабатывается и реализуется ряд проектов, направленных на сотрудничество с семьей («Поддержка семей, имеющих детей», «Дети особой заботы», «Школа – территория здоровья» и др.).

Достаточно глубоко исследован вопрос создания и реализации моделей сопровождения семьи ребенка с ОВЗ как в России, так и за рубежом (О. А. Макаров, А. С. Савельева,

О. В. Кашинская, Т. Хелльбург), но большинство из них направлены на психолого-педагогическое сопровождение детей дошкольного возраста. В работе А. О. Макарова «Социально-педагогическое сопровождение семейного воспитания ребенка с ОВЗ» описана модель самопомощи в семье, которая в дальнейшем позволит найти выход из сложных ситуаций, использовать и систематизировать знания специалистов по социально-педагогическому сопровождению [7, с. 137]. Данная модель направлена на формирование компетенций, мотивации, инициативы разрешения проблем и ответственности за свои поступки. Семьям нужна постоянная помощь в воспитании и обучении детей, консультации специалистов, так как каждый ребенок индивидуален, с возрастом потребности и возможности детей меняются, поэтому, учитывая особенности развития ребенка, возраст, взаимоотношение с родителями, необходимо подбирать определенный, индивидуальный маршрут по сопровождению семьи ребенка с ОВЗ.

В Германии широко используется индивидуальный и групповой тренинги в работе с родителями ребенка с ОВЗ. Данный метод разработан профессором Т. Хелльбрюгге. Цель данного тренинга заключается в обмене опытом, в ролевом проигрывании проблемных ситуаций, в видеосъемке миниспекталей-импровизаций с последующим обсуждением и анализом [цит. по: 8, с. 19].

Считаем данный метод очень эффективным, так как театральная педагогика помогает раскрыться социуму, по-иному взглянуть на ребенка, на проблему в семье и ее решение. Данное направление не получило распространения в России, поэтому мы пытаемся внедрить этот тренинг в своем регионе и проверить его эффективность, ведь сейчас на первый план выходит работа с родителями.

Выводы

Многие современные ученые считают, что семью нужно рассматривать как социальный институт, выполняющий требования общества для создания эффективной модели ее сопровождения. Согласно исследованиям Р. В. Овчаровой в мире растет потребность в помощи семьям, не входящим в группу риска [цит. по: 9, с. 3].

Сегодня важное место в социально-педагогическом сопровождении семей ребенка с ОВЗ занимает профессионализм специалистов, их мобильность, умение находить инновационные формы и средства сотрудничества с семьями, воспитывающими таких детей.

В зарубежных странах родители не нуждаются в помощи и поддержке педагогов и психологов только на начальных этапах. Они самостоятельно решают проблемы, возникшие в процессе обучения и воспитания ребенка с ОВЗ, используя по необходимости консультации специалистов и педагогов. В России, наоборот, семьям ребенка с ОВЗ требуется постоянная помощь, поддержка и консультации специалистов, что связано с загруженностью, необходимостью родителей работать. Установки родителей относительно будущего их детей с ОВЗ зачастую не осознаны и не обоснованы [10, с. 224].

Решить семейные проблемы родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, помогут социально-педагогические, консультативные пункты, создание родительских клубов, театральных студий, оказание адресной помощи этим семьям. Службы сопровождения семьи ребенка с ОВЗ могут создаваться как организационная структура муниципальных образовательных учреждений и социальных и реабилитационных учреждений региональной системы, ресурсных центров [11, с. 108]. Также нужны инновационные разработки и программы для работы с «особыми» детьми и их семьями в условиях образовательных учреждений, центров и средства для их реализации.

Список литературы

1. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054607> (дата обращения: 13.02.2022).
2. Арутюнян А. М. Проблемы семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2016. № 3 (3). С. 41–43.
3. Посысов Н. Н. Психолого-педагогическое сопровождение семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья : методическое пособие. Ярославль : ГОАУ ЯО ИРО, 2011. 76 с.
4. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений : курс лекций. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 512 с.
5. Крикуненко Н. И. Аксиологический подход как методологическая основа педагогического исследования. Ставрополь : Просвещение, 2016. 42 с.
6. Абдуллина Л. Э. Педагогическое сопровождение самообразования родителей в условиях взаимодействия дошкольной образовательной организации и семьи : дис. ... канд. пед. наук. М., 2019. 221 с.
7. Макаров А. О. Модель социально-педагогического сопровождения семейного воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Вест-

- ник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 5. С. 127–137.
8. Ратнер Ф. Л., Сигал Н. Г., Юсупова А. Ю. Работа с родителями детей с ограниченными возможностями : отечественный и зарубежный опыт // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 5. С. 624–633.
 9. Дубровина Н. А., Набойченко Е. С. Анализ методологических подходов в организации психолого-педагогического сопровождения семьи // Психолого-педагогические проблемы в образовании. 2002. № 11. С. 211–215.
 10. Ольхина Е. А., Шитикова А. А. Образовательные запросы семьи ребенка с ОВЗ основного, среднего и высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-1. С. 221–225.
 11. Векло Л. В., Боброва А. В. Развитие форм сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями в Нижегородской области // Служба сопровождения семьи и ребенка : инновационный опыт : методический сборник / ред. В. М. Соколова. Владимир : Транзит-ИКС, 2010. 132 с.
- ## References
1. *On Basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation*. Federal Law of 24.07.1998, no. 124. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054607> (accessed 13 February 2022) (in Russian).
 2. Arutyunyan A. M. Problems of a family raising a child with disabilities. *Sankt-Peterburgskiy obrazovatelnyy vestnik* [St. Petersburg Educational Bulletin], 2016, no. 3 (3), pp. 41–43 (in Russian).
 3. Posysoev N. N. *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie semey, imeyushchikh detey s ogranichenymi vozmozhnostyami zdorovya* [Psychological and Pedagogical Support of Families with Children with Disabilities]. Yaroslavl, GOAU YaO IRO Publ., 2011. 76 p. (in Russian).
 4. Shneyder L. B. *Psikhologiya semennykh otnoshenii* [Psychology of Seed Relations]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000. 512 p. (in Russian).
 5. Krikunenکو N. I. *Aksiologicheskiy podkhod kak metodologicheskaya osnova pedagogicheskogo issledovaniya* [Axiological Approach as a Methodological Basis of Pedagogical Research]. Stavropol, Prosvetshenie Publ., 2016. 42 p. (in Russian).
 6. Abdullina L. E. *Pedagogical support of parents self-education in the conditions of interaction between a preschool educational organization and a family*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2019. 221 p. (in Russian).
 7. Makarov A. O. The model of socio-pedagogical support of family education of children with disabilities. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University], 2014, no. 5, pp. 127–137 (in Russian).
 8. Ratner F. L., Sigal N. G., Yusupova A. Yu. Working with parents of children with disabilities: domestic and foreign experience. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2015, no. 5, pp. 624–633 (in Russian).
 9. Dubrovina N. A., Naboychenko E. S. Analysis of methodological approaches in the organization of psychological and pedagogical support of the family. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy v obrazovanii* [Psychological and Pedagogical Problems in Education], 2002, no. 11, pp. 211–215 (in Russian).
 10. Olkhina E. A., Shitikova A. A. Educational needs of the family of a child with disabilities of basic, secondary and higher education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2019, no. 63-1, pp. 221–225 (in Russian).
 11. Veko L. V., Bobrova A. V. Development of forms of support for a family raising a child with disabilities in the Nizhny Novgorod region. In: Sokolova V. M., ed. *Sluzhba soprovozhdeniya sem'i i rebenka: innovatsionnyy opyt* [Family and Child support service: Innovative experience]. Vladimir, Transit-X Publ., 2010. 132 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 28.11.2021; approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 25.03.2022

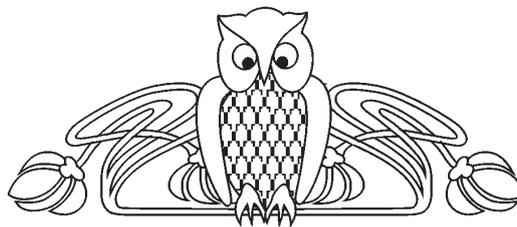

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 213–217
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 213–217
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-213-217>

Научная статья
УДК 37.018

Непрерывное образование как важная составляющая современной системы образования

И. В. Осокин

Вологодский институт развития образования, Россия, 160011, г. Вологда, ул. Козленская, д. 57

Осокин Игорь Владимирович, начальник отдела мониторинговых исследований, статистики и прогнозирования, osokiniv@viro.edu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5730-3254>

Аннотация. Постоянные социально-экономические и политические преобразования в Российской Федерации отражаются на всех сферах жизни человеческого общества. В рамках всеобщей конкуренции главным ресурсом и ценностью выступает квалифицированный труд, основанный на современных научных знаниях, концепциях и достижениях. Актуальность данной работы состоит в том, что в последнее время обозначенной проблеме уделяется повышенное внимание как со стороны государственной системы образования, так и со стороны работодателей. Значимым становится вопрос о развитии системы непрерывного профессионального образования, ориентированного на подготовку специалиста, способного обеспечить прогресс в своей отрасли. Быстрое развитие современного рынка труда требует работника нового типа, обладающего разносторонними знаниями, отличной специальной подготовкой, активной жизненной позицией, готовностью адаптироваться к новым ситуациям, развиваться и повышать свой уровень. Все это указывает на то, что образование должно быть непрерывным, ориентированным на опережающее обучение специалиста, на его глубокие знания. В статье рассматриваются теоретические подходы к определению непрерывного образования, оценивается его текущее состояние, определяется роль данного феномена в жизни современного человека.

Ключевые слова: непрерывное образование, повышение квалификации, формальное образование, неформальное образование и информальное образование

Для цитирования: Осокин И. В. Непрерывное образование как важная составляющая современной системы образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 213–217. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-213-217>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Continuing education as an important component of the modern education system

I. V. Osokin

Vologda Institute of Education Development, 57 Kozlenskaya St., Vologda 160011, Russia

Igor V. Osokin, osokiniv@viro.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5730-3254>

Abstract. Introduction. Constant socio-economic and political transformations in the Russian Federation are reflected in all spheres of human society. Within the framework of universal competition, qualified labor based on modern scientific knowledge, concepts and achievements is the main resource and value. The relevance of this work lies in the fact that recently the designated problem has received increased attention, both from the state education system and from employers. The issue of developing a system of continuing professional education focused on training a specialist capable of ensuring progress in his industry becomes significant. The rapid development of the modern labor market requires a new type of the employee with versatile knowledge, excellent special training, active lifestyle, willingness to adapt to new situations, develop and improve their level. All this indicates that education should be continuous, focused on advanced training of his broad knowledge. **Theoretical analysis.** The article discusses theoretical approaches to the definition of continuing education, describes its current state, and also defines the role of this phenomenon in the life of a person of our time. **Conclusions.** In conclusion, the purpose of continuing education in modern conditions, its individualization and personification are presented.

Keywords: continuing education, advanced training, formal education, non-formal education, informal education

For citation: Osokin I. V. Continuing education as an important component of the modern education system. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 213–217 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-213-217>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время наблюдается активная деятельность, регламентируемая на государственном уровне, по развитию системы непрерывного образования, начиная от ее концептуального обоснования и заканчивая ресурсным обеспечением.

Так, в системе образования Российской Федерации федеральный проект «Учитель будущего» национального проекта «Образование» включает мероприятия, направленные на достижение следующих задач:

обеспечение возможности для планомерно-го, систематического повышения квалификации (профессионального мастерства) педагогических работников, в том числе в формате непрерывного образования;

создание соответствующей инфраструктуры, в том числе организаций (центров), деятельность которых заключается в непрерывном повышении профессионального мастерства учителей и остальных педагогических работников как во время курсовой подготовки, так и в посткурсовой период.

Непрерывное профессиональное образование педагогов является лишь частью феномена непрерывного образования, актуального во всех сферах современной жизнедеятельности человека.

Проблемы становления идеи непрерывного образования рассмотрены в трудах таких отечественных ученых и исследователей, как С. Г. Вершловский, Г. П. Зинченко, Е. П. Тонконогая, Ю. А. Читаева, В. А. Ширяева и др.

Теоретико-методологическое обоснование феномена непрерывного образования представлено в трудах советских и российских (А. Андреев, С. Г. Вершловский, М. К. Горшков, А. В. Даринский, В. Г. Онушкин, В. Г. Осипов, Т. Ю. Цибизова и др.) и зарубежных (Дж. Бреннан, Р. Дейв, Дж. Зайда, Ф. Кумбс, Ф. Парслоу, Х. Фрезе, С. Шардлоу и др.) ученых.

Основные методологические и содержательно-технологические аспекты (в том числе и важнейшие проблемы) понятия рассмотрены в докторских диссертациях таких ученых и исследователей, как Т. Э. Галкина, Т. Э. Мангер, В. Н. Скворцов, Л. В. Федякина и др.

Цель настоящей работы состоит в определении предназначения непрерывного образования в современном мире. Задачи исследования сводятся к следующему:

определить сущность непрерывного образования;

оценить современное состояние непрерывного образования;

охарактеризовать роль непрерывного образования в развитии профессиональных компетенций человека.

Теоретический анализ

Идея непрерывности образования возникла гораздо раньше, чем появились официальные концептуальные документы, регламентирующие ее реализацию. Существуют различные точки зрения относительно развития данного феномена.

По мнению А. В. Даринского и других, непрерывное образование зародилось вместе с человеческим обществом [1]. О. В. Купцов, В. Г. Осипов и другие считают, что данная идея возникла только в нынешний век, в эпоху научно-технического прогресса [2]. С. Г. Вершловский, Г. П. Зинченко и ряд иных ученых полагают, что мысль о непрерывном образовании присутствует в науке уже давно, однако современный подход к ее реализации сложился в конце прошлого века [3].

Разные ученые предлагают свои периодизации развития идеи непрерывного образования. Разделяя точки зрения Е. П. Тонконогой и А. Андреева, мы выделяем следующие этапы:

– непрерывное образование как послешкольное образование взрослых – до 60-х гг. XX в.;

– непрерывное образование как вся система образования в условиях научно-технического прогресса с 60-х по 70-е гг. XX в.;

– создание теории непрерывного образования – 70–80-е гг. XX в.;

– распространение концепции непрерывного образования – 80-е гг. XX в. – начало XXI в. [4];

– реализация идеи непрерывного образования как части государственной политики – начало XXI в. – наше время.

Основными предпосылками развития концепции непрерывного образования в настоящее время являются:

увеличение темпов роста объема новых знаний;

отставание адаптации образовательной среды к быстрому темпу изменений условий жизнедеятельности общества [5];

рост социально-профессиональной динамики – необходимость приобретения новых компетенций и квалификаций;

потребность во внедрении новых социально-культурных услуг образовательными и социокультурными учреждениями [5];

несоответствие актуальных требований рынка труда качеству базовой профессиональной подготовки выпускников профессиональных образовательных организаций.

Теоретический анализ материалов, раскрывающих феномен непрерывного образования, показал, что подходы к реализации его концеп-

ций различаются в зависимости от понимания сущности данного явления. В одних случаях оно трактуется как последовательная совокупность всех существующих ступеней учебного процесса, в других – как система, дополняемая новыми звеньями.

По мнению Р. Дэйва, непрерывное образование – это процесс личного, социального и профессионального развития человека в течение всей жизни, который осуществляется в целях совершенствования качества его жизни в условиях научно-технического прогресса [цит. по: 6].

Схожая точка зрения у Б. С. Гершунского. Исследователь считает, что суть изучаемого феномена заключается в создании условий для всестороннего гармоничного развития личности. При этом данный процесс независимо от возраста, первоначально приобретенной профессии, специальности и места жительства человека обязательно учитывает его индивидуальные особенности, мотивы, интересы и ценностные установки [7].

Т. Ю. Цибилова в своих трудах уделяет внимание функционированию целого комплекса различных государственных, частных и прочих образовательных учреждений, деятельность которых направлена на создание четкой сети взаимосвязанных форм обучения [8].

Такими взаимосвязанными и взаимодействующими формами обучения являются формальное, неформальное и информальное виды образования.

Итог формального образования – получение субъектом документа государственного образца. Такое образование является институционализированным, иерархически структурированным и охватывает все ступени образования. Как правило, оно построено по возрастному принципу.

Неформальное образование осуществляется вне рамок формальной системы. По его окончании человек не получает установленного документа.

Информальное образование индивидуально. Такая деятельность перманентна, не всегда целенаправленна, продолжается в течение всей жизни [9]. Безусловно, она также не подтверждается каким-либо сертификатом.

Равноценная реализация на практике формального, неформального и информального образования, интеграция их ресурсов, концепций, практик и структур расширяет возможности всей системы образования в целом, позволяет наиболее эффективно решать задачи адаптации, интеграции и реинтеграции человека в интенсивно развивающуюся систему общественных и экономических отношений.

В последние годы все более эффективным и актуальным инструментом непрерывного образования является разработка вариативных

модульных систем адресного научно-методического сопровождения обучающихся. В рамках реализации данных систем решается задача персонифицированного профессионального развития специалистов. Основа функционирования адресных систем непрерывного образования – оценка профессиональных дефицитов. Формами такой оценки являются диагностика на основании результатов стандартизированных оценочных процедур, анализа результатов профессиональной деятельности, экспертной оценки или самодиагностика (рефлексия профессиональной деятельности).

По итогам анализа результатов различных оценочных процедур (в том числе диагностики профессиональных дефицитов) тьютор, являющийся специалистом организации дополнительного профессионального образования, разрабатывает обучающемуся индивидуальный образовательный маршрут (ИОМ), который учитывает все особенности конкретного субъекта профессионального развития.

Дополнительными источниками данных для составления ИОМ могут выступать:

результаты участия школьников, обучающихся у конкретного учителя, в массовых оценочных процедурах (ЕГЭ, ОГЭ, итоговое сочинение / собеседование по русскому языку, ВПР, НИКО, PISA for schools и пр.);

ведомственная статистика (контекстные данные).

Эмпирический анализ

В 2020 г. была проведена входная (июнь) и итоговая (декабрь) самодиагностика профессиональных компетенций 553 учителей русского языка и математики из 111 школ-участниц проекта методической поддержки школ с низкими образовательными результатами (Проект, ШНОР). Педагогам предлагалось оценить себя по уровню сформированности наиболее значимых профессиональных компетенций: предметной, методической, психолого-педагогической, коммуникативной, цифровой и владение «гибкими навыками».

При этом итоговая оценка проводилась по тем же вопросам, что и входная самодиагностика. Анализ результатов самодиагностики в начале и по окончании реализации мероприятий Проекта показывает, что, по мнению учителей, освоение ИОМ повысило их навыки по 5 компетентностям: предметной, методической, психолого-педагогической, цифровой и «гибким навыкам». При этом разница между результатами входной и итоговой диагностики по каждому из упомянутых аспектов профессиональной деятельности статистически значима на уровне 0,05 (рис. 1, 2).

Рис. 1. Результаты входной и итоговой самодиагностики учителей русского языка
Fig. 1. The results of the input and final self-diagnosis of Russian language teachers

Рис. 2. Результаты входной и итоговой самодиагностики учителей математики
Fig. 2. The results of the input and final self-diagnosis of mathematics teachers

Таким образом, результаты исследования показывают важную роль реализации ИОМ в профессиональном развитии учителей. Правильно подобранные мероприятия для конкретного человека повышают 5 из 6 заявленных компетентностей.

Реализация индивидуального образовательного маршрута затрагивает в том числе и этап посткурсового сопровождения, являющийся одновременно заключительным и подготовительным этапом в рамках циклического и непрерываемого профессионального развития.

Посткурсовое сопровождение представляет собой комплекс мероприятий, в рамках которых, с одной стороны, педагогический работник продолжает получать консультативную методическую помощь в контексте своего не прекращающегося профессионального развития; с другой, он транслирует те знания и компетенции, которые приобрел в процессе обучения. Формами посткурсового сопровождения могут выступать как традиционные (семинары, учебно-методические объединения,

стажировочные площадки и пр.), так и более современные (вебинары, с помощью групп в социальных сетях, мессенджерах и пр.).

Выводы

Одним из основных инструментов (механизмов, процессов) решения кадровых противоречий является непрерывное образование. Его реализация представляет собой процесс роста и эффективного применения образовательного потенциала индивида в течение его личной и профессиональной жизни, деятельности в рамках функционирования государства и общества.

В развитии и реализации идей непрерывного образования актуальным в наше время является построение взаимодополняемой системы формального, неформального и информального образования. Это обусловлено постоянно возрастающей скоростью развития всей системы образования, наукоемкостью образовательного процесса, необходимостью применения новых образовательных технологий, методов и форм обучения. Также важен учет особенностей

жизнедеятельности обучающихся, контекста работы образовательной организации, внешней среды [10].

Значимой стороной непрерывного образования являются построение и реализация индивидуального образовательного маршрута как эффективного средства профессионального развития учителя. В этом аспекте предназначение непрерывного образования заключается в адресном решении конкретных проблем и противоречий, характерных именно для данного субъекта образования. Таким образом, в настоящее время непрерывное образование становится как никогда индивидуализированным и персональным.

Список литературы

1. Даринский А. В. Непрерывное образование // Советская педагогика. 1975. № 1. С. 23–27.
2. Осипов В. Г. Социально-философский анализ современной концепции непрерывного образования. Ереван : Издательство АН АрмССР, 1989. 219 с.
3. Зинченко Г. П. Предпосылки становления теории непрерывного образования // Советская педагогика. 1991. № 1. С. 81–87.
4. Андреев А. Непрерывное образование и дистанционное обучение // Научно-культурологический журнал. 2005. № 20 (122). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D816%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles> (дата обращения: 20.04.2021).
5. Мангер Т. Э. Диверсификация системы непрерывного образования в социально-культурной сфере : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2008. 47 с.
6. Евенко Л. И. Обучение в течение всей жизни : современные тенденции // Бизнес-образование. 2012. № 1. С. 3–8.
7. Гершунский Б. С. Философия образования. М. : Московский психолого-социальный институт, 1998. 432 с.
8. Цибизова Т. Ю. Интеграция науки и образования как элемент системы непрерывного профессионального образования // Интеграция образования. 2013. № 10. С. 25–29.
9. Скурихина Ю. А. Учет результатов процедур оценки качества образования в профессиональном развитии педагогов // Концепт : научно-методический электронный журнал. Раздел 13.00.00: Педагогические науки. 2017. № 8 (август). URL: <https://e-koncept.ru/2017/170205.htm> (дата обращения: 15.07.2020).
10. Пивоваров А. А. «Перезагрузка» профессионального мышления и поведения педагогов в условиях инновационного развития образовательной организации // Эксперимент и инновации в школе. 2014. № 1. С. 36–38.

References

1. Darinskij A. V. Continuing education. *Sovetskaja pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1975, no. 1, pp. 23–27 (in Russian).
2. Osipov V. G. *Sotsial'no-filosofskiy analiz sovremennoy kontseptsii nepreryvnogo obrazovaniya* [Socio-Philosophical Analysis of the Modern Concept of Continuing Education]. Erevan, Izdatel'stvo AN ArmSSR, 1989. 219 p. (in Russian).
3. Zinchenko G. P. Prerequisites for the formation of the theory of continuing education. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1991, no. 1, pp. 81–87 (in Russian).
4. Andreev A. Continuing education and distance learning translate. *Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal* (Scientific and Cultural Journal), 2005, no. 20 (122). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D816%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles> (accessed 20 April 2021) (in Russian).
5. Manger T. E. *Diversification of the system of continuing education in the socio-cultural sphere*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Ped.). Tambov, 2008. 47 p. (in Russian).
6. Evenko L. I. Lifelong learning: current trends. *Biznes-obrazovanie* [Business Education], 2012, no. 1, pp. 3–8 (in Russian).
7. Gershunskiy B. S. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. Moscow, Moskovskiy psikhologosotsial'nyy institut Publ., 1998. 432 p. (in Russian).
8. Tsibizova T. Yu. Integration of science and education as an element of the system of continuing professional education. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2013, no. 10, pp. 25–29 (in Russian).
9. Skurikhina Yu. A. Taking into account the results of procedures for assessing the quality of education in the professional development of teachers. *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal* (Concept: Scientific and methodological electronic journal. Section 13.00.00: Pedagogical sciences), 2017, no. 8 (August). Available at: <https://e-koncept.ru/2017/170205.htm> (accessed 15 July 2020) (in Russian).
10. Pivovarov A. A. “Reset” of professional thinking and behavior of teachers in the conditions of innovative development of an educational organization. *Ekspеримент i innovatsii v shkole* [Experiment and Innovation in School], 2014, no. 1, pp. 36–38 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.01.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 07.01.2022; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 218–222

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 218–222

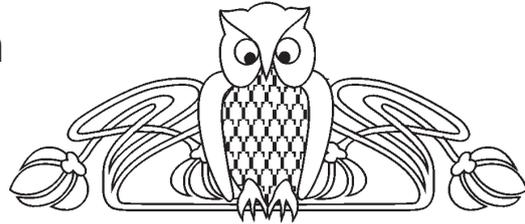
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-218-222>

Научная статья

УДК 37.011

Теоретическое обоснование термина «визуальная грамотность» в условиях цифровизации общества

М. А. Чабан

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чабан Мария Александровна, аспирант кафедры информационных систем и технологий в обучении, 64chabanma@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1309-0204>

Аннотация. В настоящее время наблюдается тенденция к более критическому и креативному использованию цифровых графических элементов в учебных целях. Современное поколение студентов и школьников, родившееся в эпоху социальных сетей, цифровых технологий и сенсорных экранов, живет визуальным контентом. Тем не менее, будучи технически подкованными, современные потребители информации визуально неграмотны и легко поддаются на «фейки» и медиапровокации. В статье рассматривается понятийный аппарат, связанный с тематикой визуальной грамотности, в том числе визуальная культура, визуализация информации, визуализация и др. Теоретический анализ проведен на основе историко-логического подхода, эмпирический анализ (количественный и содержательный) – на основе публикаций, индексируемых в РИНЦ. Сформулированы выводы о структуре, аспектах, основных компонентах визуальной грамотности в зарубежной литературе. Приводится общее определение термина «визуальная грамотность». Эмпирический анализ Российского фонда исследований доказал «пиковый» всплеск интереса к данной тематике. Обсуждаются причины такого резкого роста, предполагаемые темы исследования. Обосновывается, что развитие визуальной грамотности имеет основополагающее значение для эффективной стратегии развития современной системы образования.

Ключевые слова: визуальная грамотность, визуализация, визуализация информации, цифровое общество, визуальная культура, визуальный текст, визуальная коммуникация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-313-90029.

Для цитирования: Чабан М. А. Теоретическое обоснование термина «визуальная грамотность» в условиях цифровизации общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 218–222. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-218-222>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theoretical substantiation of the term "visual literacy" in the context of the digitalization of society

M. A. Chaban

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria A. Chaban, 64chabanma@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1309-0204>

Abstract. Introduction. Nowadays there is a tendency towards more critical and creative use of digital graphic elements for educational purposes. Modern generation of students and schoolchildren was born in the era of social networks, digital technologies and touch screens and now they live through visual content. However, being technically knowledgeable, modern information users are visually illiterate and easily fall for «fakes» and media provocations. This article considers the conceptual construct associated with the subject of visual literacy, including visual culture, visualization of information, visualization, etc. Based on publications indexed in the RSCI, **theoretical analysis** was made on the basis of a historical-logical approach and the empirical analysis (quantitative and meaningful). According to theoretical analysis, we made conclusions about the structure, aspects, and main components of visual literacy in foreign literature. The article gives the definition of the term visual literacy. **Empirical analysis** of Russian research fund proved the "peak" level of interest to this topic. The author explains the reason for such high interest and makes assumptions about the further research topics. **Conclusions.** It is concluded that the development of visual literacy has a fundamental importance for an effective strategy of the modern education system development.

Keywords: visual literacy, visualization, visualization of information, digital society, visual culture, visual text, visual communication

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project No. 20-313-90029.

For citation: Chaban M. A. Theoretical substantiation of the term "visual literacy" in the context of the digitalization of society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 218–222 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-218-222>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На протяжении многих веков слово считалось непревзойденным средством выражения мысли. Все поменялось с развитием цифровых технологий. Не случайно современное общество часто называют «цифровым обществом», а сами технологии становятся повседневной частью всех сфер жизни человека. Социокультурная среда XXI в. преимущественно визуально ориентирована. Визуальная составляющая присутствует не только как средство наглядности, но и как замена традиционных каналов коммуникаций: эмодзи, стикеры, клипарты не только заменяют слова и выражения в личной переписке подростков, но и встречаются в образовательных текстах. Сегодня многие знакомятся с музыкальным произведением после просмотра клипа, читают книгу после просмотра сериала или фильма. Эти факторы свидетельствуют о смене вербальной культуры на визуальную.

Цифровизация социальных медиа и изменение каналов представления информации сформировали «новое поле визуальности, новые способы онлайн-коммуникации и новые «осетевленные» формы бытования массовых значений» [1, с. 16]. Появление современных цифровых «новых медиа», их применение в сфере образования и науки стало предметом широкого обсуждения, заставляя исследователей выявлять новые способы описания и вводить новые понятия для анализа. С момента появления термина «визуальная грамотность» в 1969 г. [2] его содержание постоянно обогащалось. В работах исследователей предпринималась попытка выделить основные функциональные компоненты, чтобы в дальнейшем изучать различные аспекты данной тематики. Но как бы не трансформировалось понимание ключевых терминов, основными компонентами всегда считались понимание изображения и его правдивое толкование. В эпоху цифрового общества эти, казалось бы, простые умения становятся как никогда востребованными. Современное поколение подростков и юношества, несмотря на умение создавать цифровой контент, не знают, как интерпретировать и оценивать изображения, как использовать их для эффективного общения [3]. В данном исследовании основное внимание уделяется визуальной грамотности, формированию которой, на наш взгляд, является одной из целей в образовании.

Полувековая история понятийного аппарата значительно изменилась, особенно в последние годы с развитием информационных технологий и цифровых инструментов визуализации. В зарубежной и отечественной практике накоплен определенный опыт по вопросам изучения визуальной грамотности. Целью настоящей работы стал сравнительный анализ российских и зарубежных исследований по данной тематике.

Одним из методологических подходов к изучению вопроса визуальной грамотности и визуализации информации в контексте информатизации образовательных систем выступает историко-логический подход, позволяющий выявить основные понятия и термины, которые встречаются в научной литературе [4]. Вторым методом работы стало эмпирическое исследование публикаций, представленных в научной электронной библиотеке e-library.ru, а точнее, в базе российского индекса научного цитирования (РИНЦ), где происходила выборка понятий и анализ содержательной части публикаций.

Теоретический анализ

Изучив и проанализировав зарубежные источники информации, мы встретили такие понятия, как: визуальная грамотность, визуализация, визуальная культура, визуальное мышление и др.

Впервые термин «визуальная грамотность» был упомянут на I Национальной конференции США по визуальной грамотности. John Debes считал, что визуальная грамотность относится к зрительным компетенциям, которые человек способен развивать, видя, имея и интегрируя другие периферические структуры организма. Будучи сформированными, эти компетенции позволяют визуальнo грамотному человеку различать и интерпретировать предметы, символы, действия, с которыми он сталкивается в своем окружении [2]. Благодаря грамотному применению этих компетенций человек способен коммуницировать с другими людьми, постигать и вкушать визуальную коммуникацию.

За более чем полувековую историю как самого термина, так и смежных понятий, а также в условиях масштабной цифровизации общества установлено, что в современном мире люди постоянно подвергаются воздействию рекламы в Интернете, газетах и журналах. Расшифровка изо-

бражений, текстов и сообщений из этих рекламных объявлений требует визуальной грамотности.

В 1992 г. Considine and Haley определили визуальную грамотность как *способность* понимать и создавать информацию, которая переносится и передается посредством образов [5]. В 2001 г. в исследованиях Avgerinou визуальная грамотность рассматривается, как *процесс* коммуникации и относится к группе приобретенных способностей [6].

Л. Vurmark в 2002 г. предположил, что вся грамотность XXI в. станет визуальной. Он утверждал, что уже недостаточно иметь навыки чтения и письма. Современные студенты должны научиться обрабатывать как слова, так и иллюстрации, свободно перемещаться между текстом и образами, между буквальным и образным миром [7]. А уже в 2008 г. S. E. Metros понял важность формирования визуальной грамотности у студентов и в своем исследовании отметил, что большинство студентов университетов не владеют *навыками* визуальной грамотности [8].

Р. Yenawine объяснял визуальную грамотность как способность видеть смысл в образах, начиная от первоначального понимания того, что вы видите, до сложной интерпретации на философском уровне. Здесь задействованы многие аспекты познания, такие как личные ассоциации, вопросы, размышления, анализ, установление фактов и категоризация. Объективное понимание является предпосылкой большей части этой грамотности, но субъективные и аффективные аспекты знания одинаково важны [9].

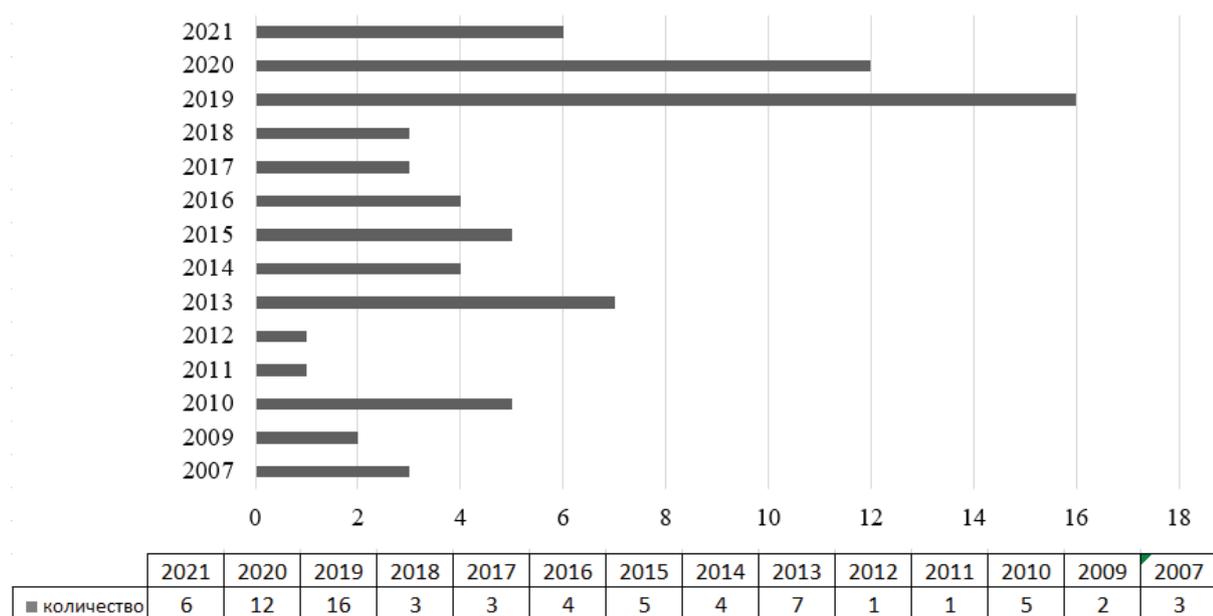
Metros определял визуальную грамотность как способность декодировать и интерпретировать (придавать смысл) визуальным сообщениям, а также уметь кодировать и составлять значимые визуальные сообщения [8], а W. Mitchell утверждал, что визуальная грамотность – это *приобретенный навык*, и описывал его как мастерство знатока: богатый, высоко культивируемый и обученный опыт и методы визуального наблюдения [10].

В целом эти определения предполагают, что *визуальная грамотность – это приобретенный навык, который подчеркивает способность видеть, читать, декодировать, интерпретировать и понимать визуал*.

Если говорить о развитии визуальной грамотности в нашей стране, то в первую очередь необходимо провести эмпирический анализ публикаций отечественных исследователей, а затем выяснить ключевые вопросы, рассматриваемые в данных исследованиях.

Эмпирический анализ

В качестве площадки проведения эксперимента была взята научная библиотека e-library. Был создан запрос «визуальная грамотность» со следующими параметрами поиска: в названии публикации, в ключевых словах, графа «тип публикаций»: статьи в журналах, депонированные рукописи, диссертации, патенты. Удалось найти 74 публикации, датируемые 2007–2021 гг., публикаций более раннего периода не наблюдается (рисунок).

Статистический анализ публикаций
Statistical analysis of publications

При анализе полученных данных (см. рисунок) становится очевидно, что интерес отечественных исследователей до 2013 г. был незначительный, но стоит отметить, что в 2009 и 2010 гг. были защищены диссертации по формированию визуальной грамотности у студентов и школьников. Статьи 2007–2012 гг. чаще представляли собой перевод публикаций западных исследователей и знакомили российскую аудиторию с соответствующим опытом [11]. После 2013 г. предположительно наступил этап накопления опыта использования цифровых инструментов визуализации в практике школьных учителей и преподавателей вузов. Активное внедрение и развитие программ цифровой трансформации, цифровых инструментов, популяризация сервисов по визуальному контенту и накопленный опыт актуализировали интерес к визуальной грамотности в 2019 г., чем и обосновывается резкий всплеск исследований. В 2020 г. в год пандемии и дистанционного обучения, когда весь мир сидел перед экранами мониторов, визуализация информации и визуальная грамотность стали играть ключевую роль в процессе обучения студентов и школьников.

По содержательному анализу публикаций все исследования можно поделить на группы – по формированию визуальной грамотности на разных уровнях образования. Одна группа относится к формированию и развитию визуальной грамотности у школьников, другая – к формированию визуальной грамотности у студентов высших и средних профессиональных учреждений. Широко представлена визуальная грамотность в статьях, посвященных искусству и журналистике. Особо выделяются статьи, в которых говорится о визуализации информации как о способе коммуникации студентов по обмену и о применении визуализации информации на уроках английского языка. Когда рассуждают о визуальной грамотности, в исследованиях встречаются термины «визуальная культура», «медиакультура», «медиаобразование», «визуальное мышление», «визуализация».

В своей публикации А. А. Кащук утверждает, что визуальная культура индивида позволяет ему по-иному воспринимать окружающую реальность, менять его образ жизни, мышление. Сегодня под визуальной культурой понимается весь окружающий мир человека, включая такие понятия, как визуальная грамотность, визуальное восприятие, визуальное мышление, всевозможные визуальные коммуникации [12].

Т. Б. Рапакова исследует визуальную грамотность как способность обучающегося. Она поясняет, что, применяя свое критическое и

визуальное мышление, человек способен выявлять цель создания, тему и идею визуального образа текста. Будучи визуальным грамотным, обладая навыками интерпретации, он способен оценивать структуру, содержание, форму, воссоздавать текст с целью глубокого анализа, изучения предложенной информации [13].

Н. В. Кропотова считает, что процесс визуализации – это смена парадигмы общения, переход от вербального общения к визуальному. Экспансивно окрашенная визуальная информация, ориентированная преимущественно на зрительный анализатор человека, легче воспринимается и лучше запоминается [14].

Б. А. Столяров говорит о визуальной культуре как о процессе: «Объединяя в единую целостность реальный и виртуальный мир, визуальная грамотность становится компонентом визуальной культуры. Данный процесс объединения состоит из опыта распознавания визуальных объектов, визуальных кодов, опыта визуальных коммуникаций, опыта познания искусства (живописи, графики, скульптуры, архитектуры, графического дизайна), опыта взаимодействия с экранным искусством (медиакультурой)» [15, с. 47].

Выводы

В исследовании были выделены основные понятия визуальной грамотности. Их можно сгруппировать по направлениям: визуальная культура (социальные медиа, социологические исследования, культурология), визуальная грамотность (психология, педагогика, искусство), понятия, относящиеся к инструментам формирования визуальной грамотности (инфографика, дашборды, штрихкодирование, картирование и др.). Каждое из этих терминологических понятий может быть отдельным предметом исследования соответствующих научных областей.

Для педагогических исследований наиболее значимыми являются определения «визуальная грамотность», «визуализация информации». Необходимо также рассматривать педагогические условия формирования визуальной грамотности, уровень визуальной грамотности и соответствующие компетенции в условиях цифрового общества.

Благодаря сведениям, полученным в результате изучения литературы, удалось проследить историческую эволюцию развития термина «визуальная грамотность», выявить понятия, систематизированные в единую картину. Это позволит в будущем перейти от описания понятий к их толкованию и практическому применению.

Список литературы

1. Дроздова А. В. Визуализация повседневности в современной медиакультуре : дис. д-ра культурологии. М., 2017. 386 с.
2. Debes J. L. The loom of visual literacy: An overview // *Audiovisual Instruction*. 1969. № 14 (8). P. 25–27.
3. Чабан М. А. Формирование визуальной грамотности у студентов в условиях цифрового разрыва // *Информационные технологии в образовании*. 2020. № 3. С. 312–316.
4. Чванова М. С. Методология информатизации системы непрерывной подготовки специалистов : методология, теория, практика. М. ; Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2000. 518 с.
5. Considine D. M., Haley G. E. *Visual Messages: Integrating Imagery into Instruction*. Englewood : Teacher Idea Press, 1992. 317 p.
6. Avgerinou M. D. Towards a visual index // *Exploring The Visual Future: Art Design, Science & Technology*. Ed. by R. E. Griffin, V. S. Williams, L. Jung. Loretto, PA: IVLA, 2001. P. 17–26.
7. Burmark L. *Visual literacy: Learn to see, see to learn*. Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development, 2002. 115 p.
8. Metros S. E. The educator's role in preparing visually literate learners // *Theory Into Practice*. 2008. Vol 47. P. 102–109.
9. Yenawine P. Thoughts on visual literacy // *Handbook of Research on Teaching Literacy Through the Communicative and Visual / Arts* ed. James Flood, Brice Shirley Heath and Diane Lapp. New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 2005. P. 1–5.
10. Mitchell W. J. T. *Visual literacy or literary visualcy* / Ed. by J. Elkins. *Visual literacy*. New York, NY : Routledge, 2008. Vol 39, № 1. P. 11–14.
11. Ланшева Е. Е., Храмова М. В. Развитие визуальной грамотности обучаемых средствами информационно-коммуникационных технологий // *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*. 2011. Т. 2, № 18. С. 53–56.
12. Кацук А. А. Современный язык визуальной коммуникации // *Российская школа связей с общественностью*. 2021. № 21. С. 58–68.
13. Рапакова Т. Б. Формирование визуальной грамотности при обучении иностранному языку // *Индустрия перевода*. 2020. Т. 1. С. 171–176.
14. Кропотова Н. В. Визуализация информации в педагогических исследованиях // *Педагогический эксперимент : подходы и проблемы*. 2019. № 5. С. 61–66.
15. Столяров Б. А. Развитие визуальной культуры у учащихся в условиях музея // *Педагогика искусства*. 2015. № 3. С. 58–72.

References

1. Drozdova A. V. *Visualization of everyday life in modern media culture*. Diss. Dr. Sci. (Cult.). Moscow, 2017. 386 p. (in Russian).
2. Debes J. L. The loom of visual literacy: An overview. *Audiovisual Instruction*, 1969, no. 14 (8), pp. 25–27.
3. Chaban M. A. Formation of visual literacy among students in the context of the digital divide. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii* [Information Technologies in Education], 2020, no. 3, pp. 312–316 (in Russian).
4. Chvanova M. S. *Metodologiya informatizatsii sistemy nepreryvnoy podgotovki spetsialistov: metodologiya, teoriya, praktika* [Methodology of Informatization of the System of Continuous Training of Specialists: Methodology, Theory, Practice]. Moscow, Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2000. 518 p. (in Russian).
5. Considine D. M., Haley G. E. *Visual Messages: Integrating Imagery into Instruction*. Englewood, Teacher Idea Press, 1992. 317 p.
6. Avgerinou M. D. Towards a visual index. In: R. E. Griffin, V. S. Williams, L. Jung, eds. *Exploring the Visual Future: Art Design, Science & Technology*. Loretto, PA, IVLA, 2001, pp. 17–26.
7. Burmark L. *Visual Literacy: Learn to See, See to Learn*. Alexandria, VA, Association for Supervision and Curriculum Development, 2002. 115 p.
8. Metros S. E. The educator's role in preparing visually literate learners. *Theory into Practice*, 2008, vol. 47, pp. 102–109.
9. Yenawine P. Thoughts on visual literacy. James Flood, Brice Shirley Heath and Diane Lapp, arts ed. *Handbook of Research on Teaching Literacy Through the Communicative and Visual*. New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 2005, pp. 1–5.
10. Mitchell W. J. T. *Visual Literacy or Literary Visualcy*. In: J. Elkins, ed. *Visual Literacy*. New York, NY, Routledge, 2008, vol. 39, no. 1, pp. 11–14.
11. Lapsheva E. E., Khramova M. V. Development of visual literacy of students by means of information and communication technologies. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeamus* [Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus], 2011, vol. 2, no. 18, pp. 53–56 (in Russian).
12. Kashchuk A. A. *Modern language of visual communication. Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennostyu* [Russian School of Public Relations], 2021, no. 21, pp. 58–68 (in Russian).
13. Rapakova T. B. Formation of visual literacy in teaching a foreign language. *Industriya perevoda* [Translation Industry], 2020, vol. 1, pp. 171–176 (in Russian).
14. Kropotova N. V. Information Visualization in Educational Research. *Pedagogicheskiy eksperiment: podkhody i problem* [Pedagogical Experiment: Approaches and Problems], 2019, no. 5, pp. 61–66 (in Russian).
15. Stolyarov B. A. The development of visual culture among students in the museum. *Pedagogika iskusstva* [Pedagogy of Art], 2015, no. 3, pp. 58–72 (in Russian).

Поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 24.03.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 24.03.2022; accepted for publication 25.03.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 223–228
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 223–228
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-223-228>

Научная статья
УДК 378.147

Диагностика личностных результатов освоения дисциплины «Профессиональная этика»: к постановке проблемы

М. И. Шарко

Кузбасский институт ФСИН России, 654066, Кемеровская область, г. Новокузнецк, проспект Октябрьский, д. 49

Шарко Мария Игоревна, старший преподаватель, кандидат педагогических наук, ivanova.mi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6107-7106>

Аннотация. В статье рассматриваются возможность и необходимость диагностики личностных результатов обучения профессиональной этике на уровне высшего образования. Выявляются особенности служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, определяющие профессионально значимые качества, которые непосредственно связаны с этическими нормами. Отмечается роль профессиональной этики как фактора, способного минимизировать неблагоприятные обстоятельства службы, предупредить профессиональную деформацию, деградацию личности. Отмечается специфика измерения личностных результатов обучения, приводится характеристика диагностических материалов и данных поискового эксперимента. Обосновывается возможность использования задания, связанного с созданием развернутого обоснованного ответа на вопрос для качественной диагностики личностных результатов обучения. Анализ работ показал, что у курсантов (обучающихся по очной форме обучения) и слушателей (обучающихся по заочной форме обучения сотрудников исправительных учреждений) выражено личностное отношение к основным категориям профессиональной этики. Отличия заключаются в ранжировании приведенных функций этики в служебной деятельности и характере аргументации выдвинутых тезисов. Эти отличия могут быть обусловлены разницей в жизненном и профессиональном опыте. Данные поискового эксперимента целесообразно учесть при подготовке материалов констатирующего среза, организации учебной деятельности по дисциплине.

Ключевые слова: личностные результаты обучения, профессиональная этика, профессионально значимые качества, уголовно-исполнительная система, диагностика личностных результатов, методическая модель, профессионализация

Для цитирования: Шарко М. И. Диагностика личностных результатов освоения дисциплины «Профессиональная этика»: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 223–228. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-223-228>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Diagnosis of personal results of training in “Professional Ethics”: Problem statement

M. I. Sharko

Kuzbass Institute Federal Penitentiary Service, 49 Oktyabrsky Ave., Kemerovo region, Novokuznetsk 654066, Russia

Mariia I. Sharko, ivanova.mi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6107-7106>

Abstract. Introduction. The article considers the possibility and necessity of diagnosing personal results of training in professional ethics at the level of higher education. The author identifies special aspects of penitentiary staff performance which determine professionally significant qualities directly related to ethical standards. The role of professional ethics is noted as a factor that can minimize unfavorable circumstances of service, and prevent professional deformation and personal degradation. **Theoretical analysis.** Attention is drawn to the specifics of measuring personal training results and to the given characteristics of diagnostic materials and search experiment data. The possibility of setting a task that requires a detailed substantiated answer for the qualitative diagnosis of personal training results is justified. **Conclusions.** Analysis of the works showed that cadets (full-time students) and correctional officers (extra-mural students) have formed a personal attitude to the main categories of professional ethics. The differences lie in the ranking of ethics functions in performance and the nature of reasoning. These differences may be due to differences in life and professional experience. It is advisable to take into account the data of the search experiment, while preparing the materials of the recording section and organizing training activities of students of subsequent years of recruitment.

Keywords: personal results of training, professional ethics, professionally significant qualities, penal system, diagnosis of personal results, methodological model, professionalization

For citation: Sharko M. I. Diagnosis of personal results of training in “Professional Ethics”: Problem statement. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 223–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-223-228>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Специфика обучения профессиональной этике на уровне высшего образования во многом определяется тем воздействием, которое необходимо обеспечить на мировоззренческом, личностном уровнях в процессе профессионального самоопределения, уточнения принципов, цели и допустимых способов ее достижения в служебной деятельности. Профессиональная подготовка, на наш взгляд, требует не только обучения тому, что и как делать, но и (что не менее важно) зачем, ради чего. Особое значение это имеет в подготовке сотрудников правоохранительных органов в силу специфики и социальной значимости их профессиональной деятельности. Таким образом, речь идет о личностных результатах обучения, которые подлежат не оценке, а диагностике. Однако в научной и методической литературе на сегодняшний день диагностических материалов для измерения личностных результатов обучения на уровне высшего образования не представлено. Это приводит к тому, что воспитательный потенциал дисциплины не реализуется в полной мере. В связи с этим не вызывает сомнения актуальность уточнения содержания личностных результатов обучения, определения способов измерения и использования полученных данных в образовательном процессе.

Теоретический анализ

В рамках теоретического анализа представляется целесообразным рассмотреть особенности содержания и роли личностных результатов профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), организацию и методы проведения диагностического исследования.

Специфика содержания личностных результатов обучения профессиональной этике сотрудников УИС обуславливается особенностями профессиональной деятельности, влияющими на отношение сотрудника к службе, окружающим, самому себе; требованиями к профессионально значимым качествам. Следует отметить, что это влияние может иметь как позитивную направленность, способствующую духовному росту личности, так и негативную, приводящую к ее деформации, деградации. Придерживаясь позиции Л. С. Выготского на способность личности «парадоксальным образом черпать творческую энергию в трудных обстоятельствах, перестраивая себя и собственную жизнь» [1, с. 106], мы рассматриваем

личностные результаты освоения профессиональной этики как фактор формирования и развития профессионально значимых качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности в сложных условиях.

К числу факторов риска службы в УИС относится авторитарный стиль руководства, оправданный задачей обеспечения безопасности общества, работой со спецконтингентом, высокой вероятностью нестандартных ситуаций, необходимостью оперативно на них реагировать, брать на себя ответственность. В условиях авторитарного стиля руководства требуются такие профессионально значимые качества, как честность, добросовестность, твердость, принципиальность, исполнительность и готовность к взаимодействию с коллегами, уважение к авторитету системы исполнения наказаний [2]. Вместе с тем авторитарность управления, предполагая безоговорочное подчинение, может приводить «к чиновничеству, угодничеству» [2, с. 110–111].

Также особенность службы в УИС определяется наличием властных полномочий по отношению к коллегам и спецконтингенту. С одной стороны, требуются профессионально значимые качества: уважение к людям, принципиальность, беспристрастность; самоконтроль [2]. С другой стороны, могут возникать негативные проявления: вседозволенность, жестокость, безразличие к окружающим, стремление к самоутверждению за счет другого и т. п. [2].

Отметим, что в условиях УИС одними из ключевых качеств становятся исполнительность и добросовестность, в то время как инициатива предписывается «разумная». Эпитет «разумная» лишен точности и весьма субъективен. По сути речь идет об исполнителе – квалифицированном, профессиональном, соблюдающем правовые и моральные нормы, решающем нравственные дилеммы [3, с. 45] в интересах службы с позиций имеющихся предписаний. Не случайно этические нормы (на основе анализа которых могут быть определены личностные результаты) деятельности сотрудников УИС регламентируются на правовом уровне Кодексом этики и служебного поведения, за их нарушение следуют санкции.

В силу высокой социальной значимости исполнения наказаний для обеспечения безопасности общества, соблюдения норм правового государства, защиты прав граждан «этическая ответственность» сотрудника УИС (понятие Р. Б. Жалмурзина) может рассматриваться и как профессионально важное, и как личност-

ное качество. Личностное значение связано с тем, что смысл жизни формируется на основе того смысла, который вкладывается в деятельность, значения, придаваемого ей [4, с. 361], способности противостоять давлению среды, трудностям. В свою очередь, нравственные качества, которые проявляются и формируются в деятельности, выступают фактором решения задач, выходящих за рамки личных интересов, а значит, рассматриваются как профессионально важные [5, с. 102]. Поэтому освоение профессиональной этики на личностном уровне позволит задать вектор движения личности на развитие, минимизировать факторы риска как для отдельно взятого сотрудника, так и для системы исполнения наказаний.

Таким образом, изучение профессиональной этики направлено на формирование знаний об этических требованиях, зафиксированных в нормативно-правовых актах, к сотруднику УИС, умений оценивать и выстраивать поведение (в том числе и речевое) с позиций нравственности, получение навыков этически приемлемого поведения. Могут быть выделены результаты предметные (связанные с содержанием дисциплины, способами действий) и личностные (обуславливающие профессиональное развитие сотрудника и те этические нормы, которые будут определять его отношение к службе, коллегам, спецконтингенту).

Эмпирический анализ

Планируемые предметные результаты освоения дисциплины подлежат проверке в рамках текущей и промежуточной аттестации в различных формах: тестовые работы, опрос, решение задач, деловые игры, составление памяток, ментальных карт, учебные синквейны и т. п.

Диагностика личностных результатов обучения обладает определенной спецификой: ее результаты носят не количественный, а качественный характер (выявление отношения к службе, коллегам, осужденным), предполагает специально организованную работу. Так, по большому счету требуются специально разработанные диагностические материалы, соотносимые с измерением уровня воспитанности. Кроме того, необходимо проводить диагностику до начала изучения дисциплины и по его завершении. Полученные результаты служат основой для последующей работы (обеспечивая преемственность и целостность процесса образования) как с теми обучающимися, кто завершил изучение дисциплины, так и с теми, кто начинает ее осва-

ивать (заведомо зная проблемные точки, можно предупредить возникновение сложностей).

Вместе с тем на уровне высшего образования диагностика личностных результатов (вероятно, на уровне методов) должна отличаться для разных категорий обучающихся – курсантов, не имеющих опыта службы в исправительном учреждении, и слушателей заочной формы обучения, являющихся сотрудниками служб и подразделений различных видов пенитенциарных учреждений.

Результаты диагностики следует учитывать при внесении изменений в методическую модель учебного занятия (в рамках программы дисциплины): расстановке акцентов на наиболее сложных аспектах содержания, выборе методов и форм организации учебной деятельности.

При организации поискового эксперимента мы руководствовались рядом положений. Во-первых, с точки зрения содержания, необходимы задания, выполнение которых демонстрирует отношение к вопросам этики в служебной деятельности. Во-вторых, с целью исключить репродуктивный характер, выявить личностное отношение представляется целесообразным формулировать задание так, чтобы требовался аргументированный ответ: способность убедительно обосновать свою точку зрения (привести аргумент, проанализировать и прокомментировать его, сделать выводы). Это свидетельствует о том, что знание перешло на уровень убеждений.

Важной представляется взаимосвязь оценочных суждений и поведения [6, с. 622], так как оценить практическое освоение этических норм, реализуемых в конкретных поступках, представляется затруднительным. Это связано с тем, что отсутствует ситуация профессиональной деятельности; проведение контроля вызывает социально одобряемое поведение, которое может быть как искренним, так и лицемерным [7, с. 209]. В свою очередь, в профессиональной деятельности поступки обуславливаются комплексом факторов, в том числе и ситуационного характера, поэтому оценка сформированности личностных результатов обучения в долгосрочном периоде (например, мониторинг дисциплинарной практики в отношении выпускников по завершении обучения в вузе) не может считаться объективной.

Мы придерживаемся позиции В. И. Карасика, согласно которой текст как речевое произведение характеризует личность автора, служит самопрезентации. Отбор материала, приведенное обоснование – показатели лич-

ностных результатов обучения, так как «любая речевая деятельность ... всегда субъективна» [цит. по: 7, с. 209]. Поэтому на поисковом этапе экспериментальной работы обучающимся было предложено задание дать развернутый ответ по плану:

сформулируйте тезис, отражающий вашу точку зрения по заявленной проблеме;

приведите аргументы (ссылку на нормативные правовые акты, примеры из практики службы, СМИ, высказывания специалистов, статистику и т. д.); при этом доказательства могут быть прямыми (как надо делать) или «от обратного» (как делать нельзя);

прокомментируйте приведенные аргументы (почему и зачем вы привели именно этот факт, мнение и т. п.);

сделайте вывод.

Подробно охарактеризованная структура ответа нацелена на предупреждение затруднений коммуникативной подготовки.

В экспериментальном исследовании приняли участие 39 слушателей и 73 курсанта. Рассмотрим полученные результаты выполнения предложенного задания, проанализируем ответы участников поискового эксперимента.

Роль профессиональной этики в служебной деятельности сотрудника пенитенциарного учреждения заключается, по мнению слушателей, в поддержании авторитета и сотрудника, и УИС (26 чел. – 67%), организации взаимодействия с коллегами (24 чел. – 62%), недопущении конфликтных ситуаций с сотрудниками и с осужденными (12 чел. – 31%), необходимости давать пример поведения (10 чел. – 26%), обеспечении саморазвития (9 чел. – 23%), предупреждении профессиональной деформации (7 чел. – 18%), необходимости карьерного роста (2 чел. – 5%).

Профессиональная этика согласно ответам курсантов необходима для самовоспитания, выработки гуманизма, толерантности, организованности, дисциплинированности, мужества, целеустремленности (51 чел. – 70%), обеспечения деловых взаимоотношений с осужденными (51 чел. – 70%), поддержания авторитета и сотрудника как представителя власти, и УИС в целом (45 чел. – 62%), соблюдения законности, недопущения превышения должностных полномочий (26 чел. – 35%), организации взаимоотношений с коллегами (25 чел. – 34%), соблюдения требований правовых актов (19 чел. – 26%), демонстрации примера поведения (19 чел. – 26%), предупреждения профессиональной деформации (6 чел. – 8%).

Сопоставив ответы обучающихся, можно сделать вывод о значительном совпадении показателей (что, вероятно, обусловлено сходством методической модели обучения). Отличия состоят в ранжировании тезисов: у слушателей на первый план выступают взаимоотношения с коллегами, у курсантов — вопросы саморазвития, самовоспитания (это может быть объяснено наличием (отсутствием) опыта профессиональной деятельности). Представляется значимым акцент в ответах курсантов на понятие законности. Поэтому на учебных занятиях со слушателями следует обратить внимание на роль этических норм в обеспечении принципа законности, с курсантами – на отношения в служебном коллективе. Также полученные данные позволяют скорректировать диагностические материалы – включить задание на ранжирование материала.

С задачей обосновать свою позицию успешно справились 38 (97%) слушателей. В качестве примеров были приведены типичные ситуации профессиональной деятельности, где важно следование этическим нормам, деловое общение с коллегами и руководством (22 чел. – 56%), с осужденными (13 чел. – 33%), соблюдение (нарушение) требований дисциплины (9 чел. – 23%). Отметим, что полученные данные согласуются с результатами исследования Е. В. Павловой и А. В. Аксеновой, согласно которому в отношениях с коллегами и руководством наиболее остро встают проблемы профессиональной этики [8]. Приведенные слушателями аргументы можно систематизировать следующим образом: позитивные, т. е. иллюстрирующие соблюдение этических норм (20 чел. – 51%), негативные, связанные с нарушениями профессиональной этики (25 чел. – 64%), даны и позитивный, и негативный примеры (6 чел. – 15%). Подобные результаты могут быть обусловлены как актуальностью проблем профессиональной этики в деятельности сотрудников УИС, так и формулировкой задания (*доказательства могут быть прямыми — как надо делать или «от обратного» — как делать нельзя*).

У курсантов задание аргументировать свою точку зрения вызвало значительные затруднения: в качестве аргументов приводились правовые акты, в единичных случаях — ситуации, рассмотренные на занятиях. Следовательно, целесообразно повысить количество самостоятельных заданий по поиску и анализу информации о деятельности сотрудников УИС (новости, ведомственные СМИ и т. п.), сформулировать ситуационные задачи на основе фактов и т. п.

Выводы

Значение профессиональной этики как дисциплины напрямую связано с воспитательным воздействием на обучающихся, а значит, с личностными результатами обучения, которые обеспечивают профессиональную состоятельность сотрудника и определяют имидж УИС. Перечень профессионально значимых качеств сотрудника УИС зафиксирован в нормативных правовых актах. Для того чтобы эти знания приобрели действенный характер, определяли поведение в служебной деятельности, важно особый акцент в образовательном процессе делать на воспитательную составляющую. Поэтому контроль знания требований, предъявляемых к профессиональной деятельности сотрудника УИС, представляется недостаточным. Необходимо проводить диагностику динамики личностного отношения к нормам профессиональной этики. Вместе с тем материалов, позволяющих выявить эту динамику, в научной литературе не представлено. Следовательно, существует потребность в определении методов и содержания диагностической работы. Проведенный поисковый эксперимент с различными категориями обучающихся (очной и заочной форм обучения) позволил уточнить содержание работы с курсантами и слушателями, подготовить модель диагностических материалов (констатирующего и итогового срезов). В свою очередь, сопоставление результатов констатирующего среза (задание на ранжирование с продолжением перечня, приведение примера ситуации) и итоговой работы (обоснованный ответ на вопрос) даст возможность оценить эффективность занятий, скорректировать методику обучения, повысить качество профессиональной подготовки сотрудников УИС.

Список литературы

1. Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Костенко В. Ю. Траектории личностного развития : реконструкция взглядов Л. С. Выготского // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98–112.
2. Куркина И. Н., Евсеева О. В. Особенности профессиональной этики сотрудников уголовно-исполнительной системы // Субъекты образовательной деятельности в образовательном пространстве вузов : взаимодействие, саморазвитие, сотрудничество : сборник материалов по итогам IV межвузовских учебно-методических сборов профессорско-преподавательского и начальствующего состава образовательных организаций

- ФСИН России (Рязань, 27–28 октября 2016 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 108–113.
3. Шматова Е. С., Золотарева Л. И. Значение кодексов этики для представителей юридических профессий // Российское право : образование, практика, наука. 2018. № 5 (107). С. 45–54.
 4. Захарова Е. Ю. Искусство быть человеком : необходимость антропологических практик // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 359–363. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-359-363>
 5. Перевозный А. В. Ответственность как качество личности : сущность, формирование, значение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 101–105. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>
 6. Фурманов И. А. Аттитуды студентов в отношении насилия // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 4 (101). С. 622–640.
 7. Шейнак С. А. Языковая личность и дискурсивный этос // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-3 (45). С. 204–210.
 8. Павлова Е. В., Аксенова А. В. К вопросу о профессиональной этике сотрудников и федеральных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 3 (35). С. 60–62.

References

1. Leont'ev D. A., Lebedeva A. A., Kostenko V. Yu. Pathways of personality development: Following Lev Vygotsky's guidelines. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2017, no. 2, pp. 98–112 (in Russian).
2. Kurkina I. N., Evseeva O. V. Features of professional ethics of employees of the penal enforcement system. *Sub"ekty obrazovatel'noy deyatel'nosti v obrazovatel'nom prostranstve vuzov: vzaimodeystvie, samorazvitie, sotrudnichestvo* [Subjects of educational activity in the educational space of universities: Interaction, self-development, cooperation: Collection of materials based on the results of the IV Interncollegiate educational and methodological fees of the teaching and commanding staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan', October 27–28, 2016)]. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii Publ., 2016, pp. 108–113 (in Russian).
3. Shmatova E. S., Zolotareva L. I. Meaning of ethics codes for members of the legal profession. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian Law: Education, Practice, Researches], 2018, no. 5 (107), pp. 45–54 (in Russian).

4. Zakharova E. Yu. The art of being a human: The need for anthropological practices. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 359–363 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-359-363>
5. Perevoznyy A. V. Responsibility as a quality of personality: Essence, formation, significance. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 101–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>
6. Furmanov I. A. The attitudes of students towards violence. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2020, vol. 24, no. 4 (101), pp. 622–640 (in Russian).
7. Sheypak S. A. Linguistic personality and discursive ethos. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2015, no. 3-3 (45), pp. 204–210 (in Russian).
8. Pavlova E. V., Aksenova A. V. On professional ethics of employees and state civil servants of the penal system. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii* [Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia], 2015, no. 3 (35), pp. 60–62 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 13.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 25.03.2022

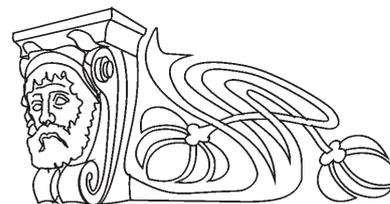

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 229–233
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 229–233
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-229-233>

Научная статья
УДК 37.01

Детско-взрослая общность как ресурс воспитания детей с особыми проблемами

И. Ю. Шустова¹✉, Е. М. Жимаева²

¹Институт стратегии развития образования РАО, Россия, 101000, г. Москва, ул. Жуковского, д. 16

²Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, Россия, 121069, г. Москва, Трубниковский переулок, д. 15, стр. 1

Шустова Инна Юрьевна, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории развития личности в системе образования, innashustova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4418-9218>

Жимаева Екатерина Михайловна, научный сотрудник, pyshnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0740-7092>

Аннотация. В настоящее время включение в социум детей, имеющих какие-либо нарушения в развитии, является приоритетным направлением государственной политики. В статье детско-взрослая общность рассмотрена как ресурс воспитания школьников с особыми проблемами (девиантное поведение, ограниченные возможности здоровья). Цель статьи – раскрыть воспитательный потенциал детско-взрослой общности, ее возможности для воспитания и развития детей с особыми трудностями. Описаны основания возникновения общности, ее характеристики. Формирование детско-взрослой общности, членом которой становится особенный ребенок, требует от педагога дополнительных компетенций: умения не только понимать трудности ребенка, но и искать пути их преодоления; формирования у школьников, в том числе у особенных детей, положительно-эмоционального отношения к школе, своему классу, учению, объединять детей вокруг интересной и значимой социально-культурной деятельности; выстроить любую совместную деятельность в классе через ценностно-смысловое позиционное взаимодействие. Определена практическая значимость предлагаемого подхода в раскрытии потенциала детско-взрослой общности в развитии личности особенного ребенка, именно в ней формируется ценный опыт общения и деятельности всех участников образовательных отношений.

Ключевые слова: дети с особыми проблемами, детско-взрослая общность, воспитание, ценностно-смысловое взаимодействие, совместная деятельность, эмоциональная включенность

Для цитирования: Шустова И. Ю., Жимаева Е. М. Детско-взрослая общность как ресурс воспитания детей с особыми проблемами // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 229–233. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-229-233>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Child-adult community as a resource for raising children with special problems

I. Yu. Shustova¹✉, E. M. Zhimaeva²

¹Strategy of the Education Development Institute of the RAE, 16 Zhukovsky St., Moscow 101000, Russia

²Institute for the Study of Childhood, Family and Upbringing, 15 Trubnikovsky lane, Moscow 121069, Russia

Inna Yu. Shustova, innashustova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4418-9218>

Ekaterina M. Zhimaeva, pyshnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0740-7092>

Abstract. Introduction. Currently, the inclusion of children with any developmental disabilities in society is a priority direction of state policy in relation to these children. In the article, the child-adult community is considered as a resource for educating schoolchildren with special problems (deviant behavior, limited health opportunities). The purpose of the article is to reveal the educational potential of the child-adult community, its possibilities for the upbringing and development of children with special difficulties. **Theoretical analysis.** The article describes the reasons for the emergence of a community and its main characteristics. The formation of a child-adult community, of which a special child becomes a member, requires additional skills and abilities from the teacher: the ability not only to understand the difficulties of the child, but also to look for ways to overcome them; the formation in students, including children with special problems, a positive emotional attitude to school, their class and learning; the teacher's ability to unite children around interesting and significant socio-cultural activities; the teacher's ability to build any joint activity in the classroom through value-semantic positional interaction. **Conclusions.** The significance of the proposed approach in revealing the potential of the child-adult community in the development of the special child personality is defined. It is in this community where a valuable experience of communication and activity of all participants in educational relations is formed.

Keywords: children with disabilities, child-adult community, upbringing, value-semantic interaction, joint activity, emotional involvement

For citation: Shustova I. Yu., Zhimaeva E. M. Child-adult community as a resource for raising children with special problems. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 229–233 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-229-233>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современные процессы гуманизации нашли свое отражение в системе общего образования в части требований обеспечить единое образовательное пространство на всей территории Российской Федерации, которое гарантировало бы возможность обучения и воспитания детей с разными образовательными потребностями. В настоящее время включение в социум детей, имеющих какие-либо нарушения в развитии, является приоритетным направлением государственной политики в отношении этих детей [1].

Обучение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) совместно с нормотипичными детьми сегодня считается одним из самых эффективных инструментов социальной интеграции детей с особенностями в развитии. Инклюзивное образование предоставляет возможность ребенку с ОВЗ быть включенным в процесс обучения и воспитания подрастающего поколения, снижая тем самым риски его изоляции и сегрегации [2, 3].

Сегодня повсеместно для повышения эффективности процесса обучения и воспитания детей с особенностями в развитии в общеобразовательных организациях создаются специальные условия, предполагающие формирование в них безбарьерной среды, оснащение организаций специальными дидактическими материалами и приспособлениями, оказание ребенку с нарушениями в развитии и его семье коррекционно-развивающей (дефектологической) помощи, психолого-педагогической и социально-педагогической поддержки.

При этом из виду упускается изменение ценностно-смыслового аспекта отношения к инклюзивному обучению не только как к технологии социальной интеграции детей с ОВЗ, но и как к одному из инструментов их воспитания полноправными членами общества, способными найти свое место в нем. В результате современное инклюзивное обучение остается ориентированным, прежде всего, на оказание ребенку с ОВЗ коррекционно-развивающей помощи, что в свою очередь в той или иной степени нивелирует роль педагога, непосредственно работающего с детьми и передающего им знания.

Между тем педагог выступает не просто транслятором знаний. Он осуществляет воспитательную работу в классе, формируя тем самым ценностно-смысловое пространство как между собой и классным коллективом, так и между детьми, являющимися его членами [4].

Методологические основания

Воспитание – это особое пространство, занимающее сферу «между» взрослыми и детьми, важно чтобы здесь происходило их активное взаимодействие, взаимообогащение мира ребенка и мира взрослого, пересечение их жизненных и культурных ценностей. Заметим, что открытое взаимодействие педагога и воспитанников, объединение их в общей деятельности и открытом общении, их совместные эмоции и переживания создают условия для формирования детско-взрослой общности. Детско-взрослую общность можно представить как контактную группу детей и взрослых, которые связаны совместными эмоциями, эмоциональными переживаниями, общими интересами, пересекающимися ценностями и смыслами, коллективно значимой деятельностью [5]. Детско-взрослая общность является со-бытийной, создает условие для полноценного бытия каждого своего члена на равных независимо от возраста, статуса, состояния здоровья, уровня развития.

Понятие со-бытийной детско-взрослой общности имеет особое значение для процесса воспитания. Переживаемая общность, чувство сопричастности переходит в субъективное переживание воспитанника, затрагивает его внутренний мир, формирует его внутренние смыслы [6]. В. И. Слободчиков охарактеризовал со-бытийную общность как необходимую ситуацию развития человека, формирование его субъектности [7].

Если ведется разговор про детей с особыми проблемами, с ОВЗ, такая общность для них имеет важное значение. С одной стороны, ребенок ощущает свою активную причастность к жизни в классе, значимость для других, состоятельность как члена общности, его болезнь уходит на второй план, он живет полноценной жизнью. Не менее важен обратный взгляд: для других детей более понятными и близкими становятся переживания такого ребенка, его мир и его проблемы, они принимают его таким, какой он есть, они непроизвольно включаются в его жизнь и как следствие стараются помочь и поддержать, сохраняя его достоинство и самостоятельность. Педагогу, конечно, очень сложно выстроить в классе общность, тем более при участии детей с ОВЗ, но если это происходит, он выходит на очень высокий воспитательный результат.

Большинство авторов (А. Н. Лутошкин, Б. Д. Парыгин, В. А. Ядов, Ф. Тённис) считают

что общность может возникнуть и удерживается между людьми через их непосредственное контактное взаимодействие, общение и деятельность [8–11].

Результаты

Следует выделить следующие важные характеристики детско-взрослой общности: стихийный характер возникновения; неформальный характер связей и отношений внутри общности; эмоциональную и деятельностную включенность каждого участника общности; отсутствие жесткой структуры; равенство позиций участников. В настоящее время воспитание и обучение детей с ОВЗ должно выходить на категорию детско-взрослой общности, без которой воспитание по сути невозможно. Детско-взрослую общность целесообразно рассмотреть через ценностно-смысловое взаимодействие, в котором происходит выход на общечеловеческие ценности, задается образ социальных отношений и коллективной деятельности. Ценностно-смысловое взаимодействие с воспитанниками в условиях детско-взрослой общности, его потенциал необходимо использовать при организации коррекционно-развивающей и воспитательной работы с детьми, испытывающими особые трудности, в том числе имеющими ограниченные возможности здоровья (ОВЗ).

Отметим факторы, раскрывающие ресурс детско-взрослой общности в воспитании и развитии особого ребенка: воспитанник эмоционально включен во взаимодействие с другими; значимость общности для участников; многообразие ролей и позиций, которые участники занимают в общности, условий самореализации в деятельности; обязательное ценностно-смысловое позиционное взаимодействие участников.

Однако формирование детско-взрослой общности, членом которой становится ребенок с ОВЗ, может оказаться затрудненным в силу ряда причин, основными из которых, на наш взгляд, являются: психолого-педагогические особенности ребенка с ОВЗ, обусловленные как его психофизическими отклонениями, так и условиями воспитания в семье; психологическая неготовность педагога к обучению и взаимодействию с ребенком, имеющим нарушения в развитии; отсутствие у одноклассников такого ребенка навыков конструктивного взаимодействия с людьми, имеющими какие-либо нарушения в развитии.

Психолого-педагогические особенности ребенка с ОВЗ могут в значительной мере препятствовать возникновению в классе детско-взрослой общности. Наличие у детей с ОВЗ тех

или иных нарушений познавательной и эмоционально-волевой сферы, коммуникативных трудностей, проблем саморегуляции приводит к тому, что они необщительны, плохо адаптируются к новой обстановке и планируют свою деятельность, обладают бедным запасом социальных умений и сниженной мотивацией к обучению, имеют недостаточные представления об окружающем мире. В свою очередь это приводит к отсутствию у детей с ОВЗ включенности в виды деятельности, требующие от них ответственности и принятия решений.

Детям с ОВЗ свойственны противоречивость поведения, яркое проявление как симпатий, так и антипатий к людям, к живым существам, низкий уровень волевых процессов, трудности освоения учебных предметов и др. Данные особенности могут негативно повлиять на развитие и становление личности ребенка с ОВЗ в детско-взрослой общности, привести к его отторжению другими ее членами.

Современные исследователи подчеркивают, что педагоги до сих пор настороженно относятся к инклюзивному обучению, в достаточной мере не владеют методами взаимодействия с особыми детьми. Испытывая воспитательную неуверенность, педагоги отгораживаются от особенных детей, не создавая условий для эмоционального вовлечения особенного ребенка в общую деятельность или события, что, в свою очередь, провоцирует изоляцию ребенка с ОВЗ от классного коллектива.

В связи с этим формирование детско-взрослой общности, членом которой становится ребенок с ОВЗ, требует от педагога дополнительных умений и навыков, к которым можно отнести следующие:

1) умение педагога не только понимать и принимать трудности ребенка, связанные с его психофизическими особенностями, но и искать пути их преодоления;

2) владение педагогическими и психологическими приемами и средствами сопровождения такого ребенка во взаимодействии со сверстниками. Данные приемы и средства, с одной стороны, должны быть направлены на готовность включить особенного ребенка в совместную деятельность и поддержку его активности. С другой стороны, применение этих инструментов должно способствовать формированию уважительного и терпимого отношения к ребенку с ОВЗ, появления конструктивного опыта взаимодействия с ним;

3) способность педагога создать в классе благоприятный психологический климат, где школьники чувствуют себя безопасно, не боятся

высказать свое мнение, проявить инициативу, выйти на открытое взаимодействие с другими. Важнейшая задача учителя – формирование у школьников, в том числе и у школьника с ОВЗ, положительно-эмоционального отношения к школе, своему классу, учению, мотивация успешной учебной деятельности. Здесь очень важен стиль отношений к детям, он должен отличаться особой доброжелательностью, спокойствием, отсутствием реакции на их действия, использованием юмористических приемов;

4) умение педагога объединять детей вокруг интересной и важной социально-культурной деятельности. Эта должна быть общая, значимая для всех деятельность, в которой участвует ребенок с ОВЗ в меру своих сил и способностей. Можно специально создавать такую деятельность, которая ориентирована на интересы и способности такого ребенка, остальные включаются в нее ориентируясь на особенного ребенка;

5) умение педагога любую совместную деятельность в классе выстроить через ценностно-смысловое позиционное взаимодействие, которое предполагает открытость, способность каждого проявить инициативу, высказать свою позицию, отстоять ее, выслушать и понять другого, дать обратную связь. В таком взаимодействии особенный ребенок может растеряться и поэтому ему требуется особая поддержка педагога. Важно помочь школьникам понять личность особенного ребенка, его уникальность, чтобы, взаимодействуя с ним, понимать его специфику и проявлять терпимость при вступлении с ним в контакт.

Выводы

В настоящее время к инклюзивному образованию практически нет готовности ни со стороны педагогов, родителей, ни со стороны детей. Современные педагоги, работающие с детьми с ОВЗ, понимают необходимость наличия специальных знаний об особенностях этих исключительных детей и ощущают острую нехватку практически значимой информации о технологиях работы в условиях инклюзии. Многие отмечают, что в условиях инклюзивного класса не удастся пока преодолеть негативного отношения всех учеников к исключительным детям. Это снижает возможности отрегулировать взаимоотношения одноклассников, усугубляет агрессивность и тревожность учащихся с ОВЗ. И здесь на помощь педагогу приходят теория и практика работы с детско-взрослой общностью, именно в ней и формируется ценный опыт общения и деятельности всех участников образовательных отношений.

Список литературы

1. Valeeva R. A., Demakova I. D. Humanization of education in the context of Janusz Korczak pedagogical ideas // *Review of European Studies*. 2015. Vol. 7, № 4. P. 161–171.
2. Александрова Е. А., Евдокимов Н. А., Евдокимова А. И., Таньчева И. В. К вопросу о современных возможностях инклюзивной образовательной среды // *Философия образования*. 2020. Т. 20, № 4. С. 125–140.
3. Сунцова А. С. Теории и технологии инклюзивного образования : учебное пособие. Ижевск : Издательство «Удмуртский университет», 2013. 324 с.
4. Demakova I. D., Shustova I. Yu., Valeeva R. A. Reconsidered Content of Up-bringing in Modern Pedagogy // *AR-RNA Proceedings*, 1. V International Forum on Teacher Education. 2019. P. 907–914.
5. Детская общность как объект и субъект воспитания / под ред. Н. Л. Селивановой, Е. И. Соколовой. М. : Издательский центр ИЭТ, ФГНУ ИТИП РАО, 2012. 324 с.
6. Шустова И. Ю. Событийный подход к воспитанию школьников // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 438. С. 186–193.
7. Слободчиков В. И. Очерки психологии образования. 2-е изд., перераб. и доп. Биробиджан : Биробиджанский государственный педагогический институт, 2005. 270 с.
8. Лутошкин А. Н. Эмоциональные потенциалы коллектива. М. : Педагогика, 1988. 128 с.
9. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб. : Академический проект, 1999. 592 с.
10. Ядов В. А. Размышление о предмете социологии // *Социальные исследования*. 1990. № 2. С. 3–15.
11. Тённис Ф. Общность и общество : Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2002. 450 с.

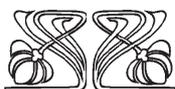
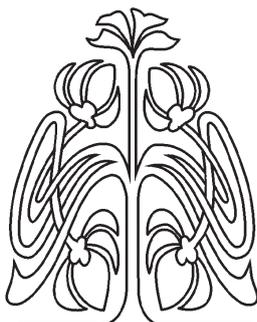
References

1. Valeeva R. A., Demakova I. D. Humanization of education in the context of Janusz Korczak pedagogical ideas. *Review of European Studies*, 2015, vol. 7, no. 4, pp. 161–171.
2. Aleksandrova E. A., Evdokimov N. A., Evdokimova A. I., Tan'cheva I. V. On the issue of modern possibilities of an inclusive educational environment. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education], 2020, vol. 20, no. 4, pp. 125–140 (in Russian).
3. Sunczova A. S. *Teorii i texnologii inklyuzivnogo obrazovaniya: uchebnoe posobie* [Theories and technologies of inclusive education: Textbook]. Izhevsk, Izdatel'stvo "Udmurtskij universitet", 2013. 324 p. (in Russian).
4. Demakova I. D., Shustova I. Yu., Valeeva R. A. Reconsidered Content of Up-bringing in Modern Pedagogy.

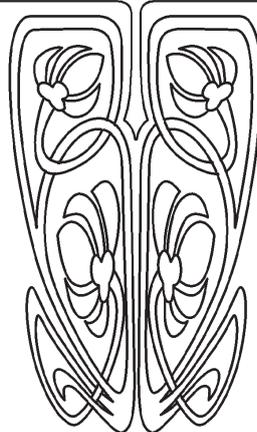

- ARPHA Proceedings, 1. V International Forum on Teacher Education, 2019, pp. 907–914.
5. Selivanova N. L., Sokolova E. I., eds. Detskaya obschnost' kak ob'ekt i sub'ekt vospitaniya [Children's Community as an Object and Subject of Education]. Moscow, Izdatel'skiy tsentr IE'T, FGNU ITIP RAO Publ., 2012. 324 p. (in Russian).
 6. Shustova I. Yu. Event-based approach to the education of schoolchildren. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, no. 438, pp. 186–193 (in Russian).
 7. Slobodchikov V. I. *Ocherki psixologii obrazovaniya* [Essays on the Psychology of Education]. Birobidzhan, Birobidzhanskiy gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 2005. 270 p. (in Russian).
 8. Lutoshkin A. N. *Emocional'nye potencialy kollektiva* [Emotional Potentials of the Collective], Moscow, Pedagogika Publ., 1988. 128 p. (in Russian).
 9. Pary`gin B. D. *Social'naya psixologiya. Problemy` metodologii, istorii i teorii* [Social Psychology. Problems of Methodology, History and Theory]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 592 p. (in Russian).
 10. Yadov V. A. Reflection on the subject of sociology. *Social'ny'e issledovaniya* [Social Research], 1990, no. 2, pp. 3–15 (in Russian).
 11. Tennis F. *Obshhnost' i obshhestvo: Osnovnye ponyatiya chistoi sociologii* [Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. 450 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 06.02.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 25.03.2022

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36014
Оформить подписку на печатную версию можно
в интернет-каталогах
«Пресса России» (www.pressa-rf.ru)
«Пресса по подписке» (www.akc.ru)
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <https://phpp.sgu.ru>